А. И. ГЕРЦЕНЪ.

(Искандеръ)

Съ того берега

и

Письма къ Линтону.

1854 г.

Д. В. Блох
№ 170
ЦБ1
Г731 3
БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)
Ц 662349
Герцен, А.И
С того берега и письма к Линтону 1854 г.
2011
У 37

Писано въ С.Петербургѣ въ 1861го году.
Надеждинская ул. № 25. домъ А.К. Мясникова.

К.
принадлежитъ
Леониду Васильевичу Григорьеву.

Другъ мой Саша!

Я посвящаю тебѣ эту книгу, потому что ничего не писалъ лучшаго и вѣроятно ничего лучшаго не напишу; потому что люблю эту книгу какъ памятникъ борьбы, въ которой я пожертвовалъ многимъ, но не отвагой знанія; потому наконецъ, что я нисколько не боюсь дать въ твои отроческіе руки этотъ мѣстами дерзкій, протестъ независимой личности противъ воззрѣнія устарѣлаго, рабскаго и полнаго лжи, противъ нелѣпыхъ идоловъ принадлежащихъ иному времени и безсмысленно доживающихъ свой вѣкъ между нами, мѣшая однимъ пугая другихъ.

Я не хочу тебя обманывать; знай истину, какъ я её знаю; тебѣ эта истина пусть достанется не мучительными ошибками, не мертвящими разочарованіями, а просто по праву наслѣдства. Въ твоей жизни придутъ иные вопросы, иныя толкованія.... въ страданіяхъ, въ трудѣ недостатка не будетъ. Тебѣ 15 лѣтъ и ты уже испыталъ страшные удары.

Не ищи рѣшеній въ этой книгѣ; ихъ нѣтъ въ ней, ихъ вообще нѣтъ у современнаго человѣка. То, что рѣшено, то кончено, а грядущій переворотъ только что начинается.

Мы не строимъ, а ломаемъ, мы не возвѣщаемъ новаго откровенія, а устраняемъ старую

ложь. Современной человѣкъ печальный Pontifex Maximus, ставитъ только мостъ — иной, неизвѣстный, будущій пройдетъ по немъ. Ты можетъ увидишь его.... Не останься на старомъ берегу.... лучше съ нимъ погибнуть, нежели спастись въ богадѣльнѣ реакціи. Религія грядущаго общественнаго пересозданія — одна религія, которую я завѣщаю тебѣ. Она безъ рая, безъ вознагражденія, кромѣ собственнаго сознанія, кромѣ совѣсти.... Иди въ свое время проповѣдывать её, къ намъ домой; тамъ любили когда-то мой языкъ и можетъ вспомнятъ меня.

.... Благословляю тебя на этотъ путь во имя человѣческаго разума, личной свободы и братской любви!

Твой отецъ.

Твикнемъ.

1го Января 1854.

—:—

«Vom andern Ufer», первая книга изданная мною на Западѣ; рядъ статей, составляющихъ её, былъ написанъ по Русски въ 1848 и 1849 годахъ. Теперь многое не ново въ ней. Пять страшныхъ лѣтъ научили кой-чему самыхъ упорныхъ людей, самыхъ неисправимыхъ грѣшниковъ нашего берега. Въ началѣ 50х годовъ книга моя надѣлала много шума въ Германіи; ее хвалили и бранили съ ожесточеніемъ и рядомъ съ отзывами, болѣе нежели лестными, такихъ людей какъ Юліусъ Фребель, Якоби, Фальмерейеръ — люди талантливые и добросовѣстные съ негодованіемъ нападали на неё.

Меня обвиняли въ проповѣдываніи отчаянія, въ незнаніи народа, въ dépit amoureux противъ революціи, въ не уваженіи къ демократіи, къ массамъ, къ Европѣ.... Второе Декабря отвѣтило имъ громче меня....

Въ 52м году я встрѣтился въ Лондонѣ съ самымъ остроумнымъ противникомъ моимъ, съ Зольгеромъ — онъ укладывался, чтобы скорѣе ѣхать въ Америку, въ Европѣ казалось ему дѣлать нечего. «Обстоятельства — замѣтилъ я, — кажется убѣдили васъ, что я былъ не вовсе не правъ» «Мнѣ не нужно было столько, — отвѣчалъ Зольгеръ добродушно смѣясь, — чтобы догадаться что я писалъ вздоръ.»

Несмотря на это милое сознаніе — общій выводъ сужденій, оставшееся впечатлѣніе было скорѣе противъ меня. Не выражаетъ ли это

чувство раздражительности — близость опасности, страхъ передъ будущимъ, желаніе скрыть свою слабость, капризное окаменелое старчество? Но близость опасности — близость надежды!

..... Странная судьба Русскихъ — видѣть далѣе сосѣдей, видѣть мрачнѣе и смѣло высказывать свое мнѣніе — Русскихъ этихъ «нѣмыхъ» какъ говоритъ Мишле. Вотъ что писалъ, гораздо прежде меня, одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ: «Кто болѣе нашего славилъ преимущество XVIII вѣка, свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость правленій?.... хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ человѣчества, но свѣтлый лучъ надежды златилъ уже края ихъ..... Конецъ нашего вѣка почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣка и думали, что въ немъ послѣдуетъ соединеніе теоріи съ практикой, умозрѣнія съ дѣятельностію.... Гдѣ теперь эта утѣшительная система? Она разрушилась въ своёмъ основаніи; XVIII вѣкъ кончается и несчастный филантропъ мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ нее съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза на вѣки.»

«Кто могъ думать, ожидать, предвидѣть? Гдѣ люди которыхъ мы любили? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Вѣкъ просвѣщенія я не узнаю тебя; въ крови и пламени, среди убійствъ и разрушеній, я не узнаю тебя.»

«Мизософы торжествуютъ. Вотъ плоды вашего просвѣщенія, говорятъ они, вотъ плоды вашихъ наукъ; да погибнетъ философія. И бѣдный, лишенный отечества, и бѣдный, лишенный крова, отца, сына или друга, повторяетъ: да погибнетъ.»

«Кровопролитіе не можетъ быть вѣчно. Я увѣренъ, рука сѣкущая мечемъ утомится; сѣра и селитра истощатся въ нѣдрахъ земли и громы умолкнутъ; тишина рано или поздно настанетъ, но какова будетъ она? — если холодная, мертвая, мрачная.....»

«Паденіе наукъ кажется мнѣ не только возможнымъ, но даже неминуемымъ, даже близкимъ. Когда же падутъ онѣ; когда ихъ великолѣпное созданіе разрушится, благодѣтельные лампады угаснутъ — что будетъ? Я ужасаюсь и чувствую трепетъ въ сердцѣ. Положимъ, что нѣкоторыя искры и спасутся подъ пепломъ; положимъ что нѣкоторые люди и найдутъ ихъ и освѣтятъ ими тихія, уединенныя свои хижины — но что же будетъ съ міромъ?»

«Я закрываю лице свое!

«Ужели родъ человѣческій доходилъ въ наше время до крайней степени возможнаго просвѣщенія и долженъ снова погрузиться въ варварство и снова мало по малу выходить изъ онаго подобно Сизифову камню, который будучи вознесенъ на верхъ горы, собственной тяжестью скатывается внизъ и опять рукою

вѣчнаго труженика возносится на гору? Печальный образъ!»

«Теперь мнѣ кажется будто самые лѣтописи доказываютъ вѣроятность сего мнѣнія. Намъ едва извѣстны имена древнихъ азіатскихъ народовъ и царствъ, но по нѣкоторымъ историческимъ отрывкамъ можно думать, что сіи народы были не варвары... Царства разрушились народы исчезли, изъ праха ихъ рождались новыя племена, рождались въ сумракѣ, мерцаніи, младенчествовали, учились и славились. Можетъ быть эоны погрузились въ вѣчность и нѣсколько разъ сіялъ день въ умахъ людей и несколько разъ ночь темнила души прежде нежели возсіялъ Египетъ.»

«Египетское просвѣщеніе соединяется съ греческимъ. Римляне учились въ сей великой школѣ.

«Чтожe послѣдовало за сей блестящей эпохой? Варварство многихъ вѣковъ.

«Медленно рѣдѣла, медлено прояснялась густая тьма. Наконецъ солнце возсіяло, добрые и легковѣрные человѣколюбцы заключали отъ успѣховъ къ успѣхамъ, видѣли близкую цѣль совершенства и въ радостномъ упоеніи восклицали б е р е г ъ! Но вдругъ небо дымится и судьба человѣческая скрывается въ грозныхъ тучахъ. О потомство! Какая участь ожидаетъ тебя?

«Иногда несносная грусть тѣснитъ мое сердце, иногда упадаю на колена и простираю руки свои къ невидимому.... Нѣтъ отвѣта! — голова моя клонится къ сердцу.

«Вѣчное движеніе въ одномъ кругу, вѣчное повтореніе, вѣчная смѣна дня ночью и ночи днемъ, капля радостныхъ и море горестныхъ слезъ. Мой другъ! на что жить мнѣ, тебѣ и всѣмъ? На что жили предки наши? на что будетъ жить потомство?

«Духъ мой унылъ, слабъ и печаленъ!»

Эти выстраданныя строки, огненныя и полныя слезъ были писаны въ концѣ 90ᵉ годовъ Н. М. Карамзинымъ.

Вступленіемъ къ русской рукописи были нѣсколько словъ обращенныхъ къ друзьямъ на Руси. Я не счелъ нужнымъ повторять ихъ въ нѣмецкомъ изданіи — вотъ они:

прощайте!

Наша разлука продолжится еще долго — можетъ навсегда. Теперь я не хочу возвратиться потомъ незнаю будетъ ли это возможно. Вы ждали меня, ждёте теперь, — надобно же объяснить въ чемъ дѣло. Если я кому нибудь повиненъ отчетомъ въ моемъ отсутствіи, въ моихъ дѣйствіяхъ, то это конечно вамъ мои друзья. Непреодолимое отвращеніе и сильной внутренній голосъ, что-то обѣщающій не позволяетъ мнѣ переступить границу Россіи, особенно теперь когда самодержавіе озлобленное и испуганное всѣмъ, что дѣлается въ Европѣ, душитъ съ удвоеннымъ ожесточеніемъ всякое умственное движеніе и грубо отрѣзываетъ отъ освобождающагося человѣчества 60 милліоновъ человѣкъ, загораживая послѣдній свѣтъ, скудно подававшій на малое число изъ нихъ, своею черною желѣзною рукою, на которой запеклась польская кро

Нѣтъ друзья мои, я не могу переступить рубежъ этаго царства мглы, произвола, молчаливаго замиранія, гибели безъ вѣсти, мученій съ платкомъ во рту. Я подожду до тѣхъ поръ, пока усталая власть, ослабленная безъ успѣшными усиліями и возбужденнымъ противудѣйствіемъ, не признаетъ чего нибудь достойнымъ уваженія въ русскомъ человѣкѣ.

Пожалуйста не ошибитесь; не радость, не разсѣяніе, не отдыхъ, ни даже личную безопасность нашелъ я здѣсь; да и не знаю кто можетъ находить теперь въ Европѣ радость и отдыхъ, отдыхъ во время землетрясенія, радость во время отчаянной борьбы. Вы видѣли грусть въ каждой строкѣ моихъ писемъ, жизнь здѣсь очень тяжела, ядовитая злоба примѣшивается къ любви, желчь къ слезамъ, лихорадочное безпокойство точитъ весь организмъ. Время прежнихъ обмановъ, упованій миновало. Я ни во что не вѣрю здѣсь, кромѣ въ скуку людей, въ небольшое число мыслей, да въ не возможность остановить движеніе; я вижу не минуемую гибель старой Европы и не жалѣю ни чего изъ существующаго, ни его вершинное образованіе, ни его учрежденія..... я ничего не люблю въ этомъ мірѣ, кромѣ того, что онъ преслѣдуетъ, ни чего не уважаю, кромѣ того, что онъ казнитъ — и остаюсь..... Остаюсь страдать вдвойнѣ, страдать отъ своего горя и его-горя, погибнуть можетъ быть, при разгромѣ и разрушеніи, къ которому онъ несется на всѣхъ парахъ.

„Зачѣмъ же я остаюсь?

Остаюсь затѣмъ, что борьба здѣсь, что не смотря на кровь и слезы, здѣсь рѣшаются общественные вопросы, что здѣсь страданія болѣзненны, жгучи, но гласны, борьба открытая, никто не прячется. Горе побѣжденнымъ, но они не побѣждены прежде боя, не лишены языка прежде чѣмъ вымолвили слово; велико насиліе, но протестъ громокъ; бойцы часто идутъ на галеры, скованные по рукамъ и ногамъ, но съ поднятой головой, съ свободной рѣчью. Гдѣ не погибло слово, тамъ и дѣло еще не погибло.

За эту открытую борьбу, за эту рѣчь, за эту гласность — я остаюсь здѣсь; за нее я отдаю всё, я васъ отдаю за нее, часть своего достоянія, а можетъ отдамъ и жизнь въ рядахъ энергическаго меньшинства «гонимыхъ но не низлагаемыхъ»

За эту рѣчь я переломилъ или лучше сказать заглушилъ на время мою кровную связь съ народомъ, въ которомъ находилъ такъ много отзывовъ на свѣтлые и темные стороны моей души, котораго пѣснь и языкъ — моя пѣснь и мой языкъ и остаюсь съ народомъ, въ жизни котораго глубоко сочувствую одному горькому плачу пролетарія и отчаянному мужеству его друзей.

Дорого мнѣ стоило рѣшиться... вы знаете меня.... и повѣрите. Я заглушилъ въ себѣ внутреннюю боль, я перестрадалъ борьбу и рѣшился не какъ негодующій юноша, а какъ человѣкъ обдумавшій что дѣлаетъ, сколько теряетъ.... Мѣсяцы цѣлые взвѣшивалъ я, колебался и наконецъ все принесъ на жертву

Человѣческому достоинству,

Свободной рѣчи.....

До послѣдствій мнѣ нѣтъ дѣла, они не въ моей

власти, они скорѣе во власти своевольнаго каприза, который зашелъ до того, что очертилъ произвольнымъ циркулемъ не только наши слова, но и наши шаги... Въ моей власти было непослушаться — и я непослушался.

Повиноваться противно своему убѣжденію, когда есть возможность не повиноваться — безнравственно. Страдательная покорность становится почти не возможной. Я присутствовалъ при двухъ переворотахъ, я слишкомъ жилъ свободнымъ человѣкомъ, чтобы снова сковать себя; я испыталъ народныя волненія, я привыкъ къ свободной рѣчи и не могу сдѣлаться вновь крѣпостнымъ ни даже для того, чтобы страдать съ вами. Еслибъ ещё надо было умѣрить себя для другаго общаго дѣла, можетъ силы нашлись бы; но гдѣ на эту минуту наше общее дѣло? У васъ дома нѣтъ почвы на которой можетъ стоять свободный человѣкъ.... Можете ли вы послѣ этаго звать?... На борьбу идёмъ, на глухое же мученичество, на безплодное молчаніе, на повиновеніе — ни подъ какимъ видомъ. Требуйте отъ меня всего, но не требуйте двоедушія, не заставляйте меня снова представлять вѣрноподданаго, — уважайте во мнѣ свободу человѣка.

Свобода лица — величайшее дѣло, на ней и только на ней можетъ выросте дѣйствительная воля народа. Въ себѣ самомъ человѣкъ долженъ уважать свою свободу и чтить её не менѣе какъ въ ближнемъ, какъ въ цѣломъ народѣ. Если вы въ этомъ убѣждены, то вы согласитесь, что остаться теперь здѣсь мое право, мой долгъ; это единственный протестъ, который можетъ у насъ сдѣлать личность; эту жертву она должна принести своему человѣческому достоинству.

Если вы назовете мое удаленіе бѣгствомъ и извините меня только вашей любовью, это будетъ значить, что вы еще не совершенно свободны. Я все знаю что можно возразить съ точки зрѣнія романтическаго патріотизма и цивической натянутости, но я не могу допустить этихъ староверческихъ возраженій, я ихъ пережилъ, я вышелъ изъ нихъ и именно противъ нихъ борюсь. Эти подогрѣтые остатки Римскихъ и христіанскихъ воззрѣній мѣшаютъ больше всего водворенію истинныхъ понятій о свободѣ, понятій здравыхъ, ясныхъ, возмужалыхъ. По счастію въ Европѣ нравы и долгое развитіе восполняютъ долею нелѣпые теоріи и нелѣпые законы. Люди, живущіе здѣсь, живутъ на почвѣ удобренной двумя цивилизаціями; путь пройденный ихъ предками въ продолженіи двухъ съ половиной тысячелѣтій не былъ напрасенъ: много человѣческаго выработалось независимо отъ внѣшняго устройства и оффиціальнаго порядка. Въ самыя худшія времена европейской исторіи мы встрѣчаемъ нѣкоторое уваженіе личности, нѣкоторое признаніе независимости, нѣкоторые права уступаемыя таланту, генію. Несмотря на всю гнусность тогдашнихъ нѣмецкихъ правительствъ, Спинозу не послали на поселеніе, Лессинга не сѣкли, или не отдали въ солдаты. Въ этомъ уваженіи не къ одной матеріальной, но и нравственной силѣ, въ этомъ невольномъ признаніи личности лежитъ одинъ изъ великихъ человѣческихъ принциповъ европейской жизни. Въ Европѣ никогда несчитали преступникомъ живущаго за границей и измѣнникомъ переселяющагося въ Америку. У насъ нѣтъ ничего подобнаго,

у насъ лицо всегда было подавлено, поглощено, не стремилось даже выступить. Свободное слово у насъ всегда считалось за дерзость, за крамолу; человѣкъ пропадалъ въ государствѣ, распускался же въ общинѣ.

Переворотъ Петра I[-]го замѣнилъ устарѣлое, помѣщичье управленіе Руси европейскимъ канцелярскимъ порядкомъ; все что можно было переписать изъ Шведскихъ и нѣмецкихъ законодательствъ, все что можно было перенести изъ муниципально-свободной Голландіи въ страну общинно-самодержавную — все перенесено было; но не писанное, нравственно обуздывавшее власть, инстинктуальное признаніе правъ лица, правъ мысли и истины немогло перейти и не перешло. Рабство у насъ увеличилось съ образованіемъ, государство росло, увеличивалось, но лицо не выигрывало; напротивъ чѣмъ сильнѣе становилось государство, тѣмъ слабѣе лицо. Европейскія формы администраціи и суда, военнаго и гражданскаго устройства, развились у насъ въ какой-то чудовищный безвыходный деспотизмъ. Еслибъ Россія не была такъ пространна, еслибъ чужеземное устройство власти не было такъ смутно устроено и такъ безпорядочно выполнено, то безъ преувеличенія можно сказать, что въ Россіи нельзя было-бы жить ни одному человѣку понимающему сколько нибудь свое достоинство. Избалованность власти, не встрѣчавшей ни какого противудѣйствія, доходила нѣсколько разъ до необузданности, неимѣющей ничего себѣ подобнаго ни въ какой Исторіи. Вы знаете мѣру ея изъ разсказовъ о поэтѣ своего ремесла, — Императорѣ Павлѣ. Отнимите капризное фантастическое у Павла и вы увидите что онъ вовсе не оригиналенъ, что принципъ, вдохновлявшій его, одинъ и тотъ же не только во всѣхъ царствованіяхъ, но въ каждомъ губернаторѣ, въ каждомъ помѣщикѣ, въ каждомъ квартальномъ. Опьяненіе самовластія овладѣваетъ всѣми степенями знаменитой іерархіи въ 14 ступеней. Во всѣхъ дѣйствіяхъ власти, во всѣхъ отношеніяхъ высшихъ къ низшимъ проглядываетъ нахальное безстыдство, наглое хвастовство своею безотвѣтностію, оскорбительное сознаніе, что лицо все вынесетъ: тройной наборъ, законъ о заграничныхъ паспортахъ, исправительные розги въ Инженерномъ институтѣ. Такъ какъ Малороссія вынесла крѣпостное право въ XVIII вѣкѣ; такъ какъ вся Русь наконецъ повѣрила, что людей можно продавать и перепродавать и никто не спросилъ на какомъ законномъ основаніи все это дѣлается, ни даже тѣ, которыхъ продавали. Власть у насъ увѣреннѣе въ себѣ, свободнѣе, нежели въ Турціи, нежели въ Персіи, — ее ничего не останавливаетъ, никакое прошедшее, отъ своего она отказалась, до европейскаго ей нѣтъ дѣла; народность она не уважаетъ, общечеловѣческой образованности незнаетъ, съ настоящимъ — она борется. Прежде по крайней мѣрѣ правительство стыдилось сосѣдей, училось у нихъ, теперь же оно считаетъ себя призваннымъ служить примѣромъ для всѣхъ притеснителей; теперь оно поучаетъ.

Мы съ вами видѣли самое страшное развитіе императорства. Мы выросли подъ терроромъ, подъ черными крыльями тайной полиціи, въ ея когтяхъ; мы изуродовались подъ безнадежнымъ гнётомъ и уцѣлѣли кое-какъ. Но не мало-ли этаго? Не пора-ли развязать себѣ руки и слово для дѣйствія, для примѣра, не пора-ли

разбудить дремлющее сознаніе народа? а развѣ можно будить, говоря шопотомъ, дальними намеками, когда крикъ и прямое слово едва слышны? Открытыя, откровенныя дѣйствія необходимы. 14е Декабря такъ сильно потрясло всю молодую Русь оттого, что оно было на Исакіевской площади; Теперь не только площадь, но книга, каѳедра — все стало невозможно въ Россіи. Остается личный трудъ въ тиши, или личный протестъ издали. Я остаюсь здѣсь не только потому, что мнѣ противно, переѣхавши черезъ границу, снова надѣть колодки; но для того, чтобы работать. Жить сложа руки можно вездѣ; здѣсь мнѣ нѣтъ другаго дѣла кромѣ нашего дѣла.

Кто больше 20 лѣтъ проносилъ въ груди своей одну мысль, кто страдалъ за нее и жилъ ею, скитался по тюрьмамъ и ссылкамъ, кто ею пріобрѣлъ лучшіе минуты жизни, самыя свѣтлыя встрѣчи, тотъ её не оставитъ, тотъ её не преведетъ въ зависимость внѣшней необходимости и географическому градусу широты и долготы. Совсѣмъ напротивъ я здѣсь полезнѣе, я здѣсь безцензурная рѣчь ваша, вашъ свободный органъ, вашъ случайный представитель.

Все это кажется новымъ и страннымъ только намъ, въ сущности же тутъ ничего нѣтъ безпримѣрнаго. Во всѣхъ странахъ при началѣ переворотовъ когда мысль еще слаба, а матеріальная власть не обузданна, люди преданные и дѣятельные отъѣзжали, ихъ свободная рѣчь раздавалась издали, и самое это издали придавало словамъ ихъ силу и власть, потому что за словами виднѣлись дѣйствія и жертвы. Мощь ихъ рѣчей росла съ разстояніемъ, какъ сила верженія ростетъ въ камнѣ пущенномъ съ высокой башни. Эмиграція первый признакъ приближающагося переворота. Для русскихъ заграницей есть еще другое дѣло. Пора дѣйствительно знакомить Европу съ Русью, Европа насъ незнаетъ, она знаетъ наше правительство, нашъ фасадъ, и больше ничего; для этого знакомства обстоятельства превосходны, ей теперь какъ-то нейдетъ гордится и величаво завертываться въ мантію пренебрегающаго незнанія; Европѣ не къ лицу das vornehme Ignoriren Россіи съ тѣхъ поръ какъ она испытала мѣщанскую республику и алжирскихъ казаковъ, съ тѣхъ поръ какъ отъ Дуная до Атлантическаго Океана она побывала въ осадномъ положеніи, съ тѣхъ поръ какъ тюрьмы и галеры полны гонимыхъ за убѣжденія.....

Пусть она узнаетъ ближе народъ, котораго отроческую силу она оцѣнила въ боѣ, гдѣ онъ остался побѣдителемъ; раскажемъ ей объ этомъ мощномъ и неразгаданномъ народѣ, который втихомолку образовалъ государство въ 60 милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала и первый перенесъ его черезъ начальные перевороты государственнаго развитія; объ народѣ, который какъ-то чудно умѣлъ сохранить себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ, подъ капральской палкой казарменной дисциплины и подъ позорнымъ кнутомъ татарскимъ; который сохранилъ величавые черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой натуры подъ гнётомъ крѣпостнаго состоянія и въ отвѣтъ на царскій приказъ образоваться отвѣчалъ черезъ 100 лѣтъ громаднымъ явленіемъ Пушкина.

Пусть узнаютъ Европейцы своего сосѣда, они его только боятся, надобно имъ знать чего они боятся. До сихъ поръ мы были непростительно скромны и сознавая свое тяжкое положеніе безправія, забывали все хорошее, полное надеждъ и развитія, что представляетъ наша народная жизнь. Мы дожидались нѣмца для того, чтобы рекомендоваться Европѣ. – Нестыдно-ли?
Успѣю-ли я что сдѣлать?.. Незнаю. – надѣюсь!

Итакъ прощайте, друзья, надолго.... давайте ваши руки, вашу помощь, мнѣ нужно то и другое. А тамъ кто знаетъ! чего мы не видали въ послѣднее время! быть можетъ и не такъ далекъ, какъ кажется, тотъ день, въ который мы соберемся какъ бывало, въ Москвѣ и безбоязненно сдвинемъ наши чаши при крикѣ:

«За Русь и святую волю!»

Сердце отказывается вѣрить, что этотъ день не придетъ, замираетъ при мысли вѣчной разлуки. Будто я увижу тѣ улицы, покоторымъ такъ часто ходилъ я полный юношескихъ мечтаній; эти дома такъ сроднившіеся съ воспоминаніями, эти русскія деревни нашихъ крестьянъ, которыхъ я вспоминалъ съ любовью на самомъ югѣ Италіи?.. не можетъ быть! – Ну, а если? – тогда я завѣщаю мой тостъ моимъ дѣтямъ и умирая на чужбинѣ, сохраню вѣру въ будущность Русскаго народа и благословлю его изъ дали моей добровольной ссылки!

Парижъ
1е Марта 1849

I.

Передъ грозой.

(Разговоръ на палубѣ.)

..... Я согласенъ, что въ вашемъ взглядѣ много смѣлости, силы, правды, много юмору даже, но принять его не могу, можетъ это дѣло организаціи, нервной системы. У васъ не будетъ послѣдователей, пока вы не научитесь перемѣнять кровь въ жилахъ.

– Быть можетъ. Однако мой взглядъ начинаетъ вамъ нравится, вы отыскиваете физіологическія причины, обращаетесь къ природѣ.

– Только навѣрное не для того, чтобы успокоиться, отдѣлаться отъ страданій, смотрѣть въ безчувственномъ созерцаніи съ высоты олимпическаго величія, какъ Гете, на взволнованный міръ и любоваться броженіемъ этого хаоса безсильно стремящагося остановиться.

– Вы становитесь злы, но ко мнѣ это не относится; если я старался уразумѣть жизнь, у меня въ этомъ небыло ни какой цѣли, мнѣ хотѣлось что нибудь узнать, мнѣ хотѣлось заглянуть подальше; все слышанное, читанное неудовлетворяло, необъясняло, а напротивъ приводило къ противурѣчіямъ или къ нелѣпостямъ. Я не искалъ для себя ни утѣшенія, ни отчаянія и это потому, что былъ молодъ; теперь я всякое мимолетное утѣшеніе, всякую минуту радости цѣню очень дорого, ихъ остается все меньше и меньше. тогда я искалъ только истины, посильнаго пониманія; много-ли

мучимыхъ, многое-ли понялъ незнаю. Не скажу, чтобы мой выводъ былъ особенно утѣшителенъ, но я пересталъ безпокоиться, пересталъ сердиться на жизнь за то, что она не даетъ того, чего не можетъ дать — вотъ все выработанное мною.

Я съ своей стороны не хочу перестать ни сердиться, ни страдать, это такое человѣческое право, что я и не думаю поступиться имъ; мое негодованіе, мой протестъ, я не хочу мириться.

— Да и не съ кѣмъ. Вы говорите, что не хотите перестать страдать; это значитъ что вы не хотите принять истины такъ какъ она откроется собственной вашей мысли; можетъ она и не потребуетъ отъ васъ страданій; вы впередъ отрекаетесь отъ логики, вы оставляете себѣ по выбору принимать или отвергать послѣдствія. Помните того Англичанина, который всю жизнь не признавалъ Наполеона императоромъ, что ему не помѣшало два раза короноваться. Въ такомъ упорномъ желаніи оставаться въ разрывѣ съ міромъ, не только есть непослѣдовательность, но и бездна суетности, человѣкъ любитъ эффекты, роли — особенно трагическую — страдать хорошо, благородно, предполагаетъ несчастіе. Это еще не все, — сверхъ суетности тутъ бездна трусости. Не сердитесь, а слова, изъ боязни узнать истину многіе предпочитаютъ страданіе — разбору; страданіе отвлекаетъ, занимаетъ, утѣшаетъ..... да, да утѣшаетъ а главное какъ всякое занятіе, мѣшаетъ человѣку углубляться въ себя, въ жизнь. Паскаль говорилъ, что люди играютъ въ карты для того, чтобъ не оставаться съ собой наединѣ. Мы постоянно ищемъ того или другаго рода картъ, соглашаемся даже проигрывать, лишь бы забыть дѣло. Наша жизнь постоянное бѣгство отъ себя, точно угрызенія совѣсти преслѣдуютъ, мучатъ насъ. Какъ только человѣкъ становится на свои ноги, онъ начинаетъ кричать, чтобы не слыхать рѣчей раздающихся внутри; ему грустно, онъ бѣжитъ разсѣяться; ему нечего дѣлать онъ выдумываетъ занятіе, отъ ненависти къ одиночеству онъ дружится со всѣми, все читаетъ, интересуется чужими дѣлами, наконецъ женится на скорую руку. Тутъ гавань, — семейный міръ и семейная война недадутъ много мѣста мысли; семейному человѣку какъ-то неприлично много думать: онъ не долженъ быть настолько празднымъ. Кому и эта жизнь не удалась, тотъ напивается всѣмъ на свѣтѣ до пьяна — виномъ, нумизматикой, картами, скачками, женщинами, скупостью, благодѣяніями, ударяется въ мистицизмъ, идетъ въ Іезуиты, налагаетъ на себя чудовищные труды и они ему все таки легче кажутся, нежели какая то угрожающая истина дремлющая внутри его. Въ этой боязни изслѣдовать, чтобы не увидѣть вздоръ изслѣдуемаго, въ этомъ искуственномъ недосугѣ, въ этихъ поддѣльныхъ несчастіяхъ, усложняя каждый шагъ вымышленными путами, мы проходимъ по жизни спросонья, непришедши путемъ въ себя и умираемъ въ чаду нелѣпостей и пустяковъ. Престранное дѣло, во всѣмъ не касающемся внутреннихъ жизненныхъ вопросовъ, люди умны, смѣлы, проницательны; они считаютъ себя напримѣръ посторонними природѣ и изучаютъ ее добросовѣстно, тутъ другой методъ, другой пріемъ. Не жалко-ли такъ бояться правды, изслѣдованія?

Положимъ что много мечтаній поблекнуть, бѣдъ не легче, а тяжелыя – все же нравственныя, достойныя, лучшія, чѣмъ величиться. Еслибъ люди смотрѣли другъ на друга – какъ смотрятъ на природу, смѣясь сошли бы они съ своихъ пьедесталовъ и курульскихъ креселъ, взглянули бы на жизнь проще, перестали бы выходить изъ себя за то, что жизнь не исполняетъ ихъ гордые приказы и личныя фантазіи. Вы, напримѣръ, ждали отъ жизни совсѣмъ не то, что она вамъ дала; вмѣсто того, чтобы оцѣнить то, что она вамъ дала, – вы негодуете на нее. Это негодованіе пожалуй хорошо, острая закваска влекущая впередъ, къ дѣятельности, къ движенію; но вѣдь это только начало, – нельзя же только негодовать, проводить свою жизнь только въ оплакиваніи неудачъ, въ борьбѣ и досадѣ. Скажите откровенно: чѣмъ вы искали удостовѣриться, что требованія ваши истинны.

— Я ихъ не выдумывалъ, они невольно родились въ моей груди; чѣмъ больше я объ нихъ размышлялъ потомъ, тѣмъ яснѣе раскрывалась мнѣ ихъ справедливость, ихъ разумность – вотъ мои доказательства. Это вовсе не уродство, не помѣшательство; тысячи другихъ все наше поколѣніе страдаетъ почти такъ же больше или меньше, смотря по обстановкѣ, по степени развитія и тѣмъ больше чѣмъ больше развитія. Повсюдная скорбь, самая рѣзкая характеристика нашего времени; тяжелая скука налегла на сердце современнаго человѣка, сознаніе нравственнаго безсилія его томитъ, отсутствіе довѣрія къ чему бы то ни было старѣетъ его прежде времени. Я на васъ смотрю какъ на исключеніе, да

сверхъ того ваше равнодушіе мнѣ подозрительно, оно сбивается на охладѣвшееся отчаяніе, на равнодушіе человѣка, который потерялъ не только надежду, но и безнадежность; это неестественный покой. Природа истинная во всемъ что дѣлаетъ, какъ вы повторяли нѣсколько разъ, должна быть истинна и въ этомъ проявленіи скорби, тягости, особенность его даетъ ему нѣкоторое право. Сознайтесь, что именно съ вашей точки зрѣнія довольно трудно возражать на это.

— На что же непремѣнно возражать; я ничего лучше не нахожу, какъ соглашаться съ Вами. Мучительное состояніе, о которомъ вы говорите очевидно и конечно имѣетъ право на историческое оправданіе и еще болѣе на то, чтобы сыскать выходъ изъ него. Страданіе, боль – это вызовъ на борьбу, это сторожевой крикъ жизни, обращающій вниманіе на опасность. Міръ, въ которомъ мы живемъ, умираетъ, т. е. тѣ формы въ которыхъ проявляется жизнь; никакія лекарства не дѣйствуютъ болѣе на одряхлѣвшее тѣло его; чтобы легко вздохнуть наслѣдникамъ надобно его похоронить, а люди непремѣнно хотятъ его вылечить и задерживаютъ смерть. Вамъ вѣрно случалось видѣть удручающую грусть, томительную, тревожную неизвѣстность, которая распространяется въ домѣ, гдѣ есть умирающій, отчаяніе усиливаемое надеждой, нервы у всѣхъ натянуты, здоровые больны, дѣла нейдутъ. Смерть больнаго облегчаетъ души оставшихся; льются слезы, но нѣтъ болѣе убійственнаго ожиданія; несчастіе передъ глазами, вопросъ рѣшенъ, безвозвратны, отрѣзавши всѣ надежды и жизнь начинаетъ врачевать, примирять, брать новый оборотъ. Мы живемъ во время большой и трудной агоніи, это достаточно объ-

ясняетъ нашу тоску. Къ тому же предшествующіе вѣка особенно воспитали въ насъ грусть, болѣзненное томленіе. При стремленіи тому назадъ все простое, здоровое, жизненное было еще подавлено, мысль едва осмѣливалась поднимать свой голосъ, ея положеніе было похоже на положеніе жидовъ въ средніе вѣка, лукавое, подобострастное, робкое, опирающееся. Подъ этими вліяніями сложился нашъ умъ, онъ выросъ, возмужалъ внутри этой нездоровой сферы, отъ католическаго мистицизма онъ естественно перешелъ въ идеализмъ и сохранилъ боязнь всего естественнаго, угрызенія обманутой совѣсти, притязанія на невозможныя блага; онъ остался при разладѣ съ жизнію, при романтической тоскѣ, онъ воспиталъ себя въ страданіи и разорванности. Давно ли мы, застращанные съ дѣтства, перестали отказываться отъ самыхъ невинныхъ побужденій? Давно ли мы перестали содрагаться, находя внутри своей души страстные порывы, невошедшіе въ каталогъ романтическаго гардероба? Вы давеча сказали, что мучавшія васъ требованія развились естественно; оно и такъ и нѣтъ — все естественно; золотуха очень естественно происходитъ отъ дурнаго питанія, отъ дурнаго климата, но мы ее все же не считаемъ чѣмъ-то нужнымъ организму. Воспитаніе поступаетъ съ нами точно также, какъ отецъ Аннибала съ своимъ сыномъ. Оно беретъ обѣтъ прежде сознанія, опутываетъ насъ нравственной кабалой, которую мы считаемъ обязательной по ложной деликатности, по трудности отдѣлаться отъ того, что привито такъ рано, наконецъ отъ лѣни разобрать въ чемъ дѣло. Воспитаніе насъ обманываетъ

прежде, нежели мы въ состояніи понимать, увѣряетъ въ невозможномъ дѣтей, отрѣзываетъ имъ свободное прямое отношеніе къ предмету. Подрастая, мы видимъ, что ничто ни ладится, ни мысль, ни бытъ; на что насъ учили опираться — гнило, хрупко, а отъ чего предостерегали, какъ отъ бѣды — цѣлебно; забитые и обученные, пріученные къ авторитету и указкѣ, мы выходимъ съ лѣтами на волю, каждый своими силами добираемся до истины, боремся, ошибаемся; томимые желаніемъ знать, мы подслушиваемъ у дверей, стараемся разглядѣть въ щель, кривя душой, притворяясь, мы считаемъ правду за порокъ и презрѣніе ко лжи за дерзость. Удивительно ли послѣ этого, что мы не умѣемъ уладить ни внутренняго, ни внѣшняго быта; лишнее требуемъ, лишнее жертвуемъ, пренебрегаемъ возможнымъ и негодуемъ за то, что невозможное намъ пренебрегаетъ; возмущаемся противъ естественныхъ условій жизни и покоряемся произвольному вздору. Вся наша цивилизація такова, она выросла въ нравственномъ междоусобіи; вырвавшись изъ школъ и монастырей, она не вошла въ жизнь, а прошлась по ней какъ Фаустъ, чтобы посмотрѣть, порефлектировать и потомъ удалиться отъ грубой толпы въ гостинныя, въ академіи, въ книги. Она совершила путь съ двумя знаменами въ рукахъ: «романтизмъ для сердца» было написано на одномъ, «идеализмъ для ума» на другомъ. Вотъ откуда идетъ большая доля неустройства нашей жизни. Мы не любимъ простого, мы не уважаемъ природу по преданію, хотимъ распоряжаться ею; хотимъ лечить заговариваніемъ и удивляемся, что больному не лучше; физика насъ оскорбляетъ своей независимой самобытностію;

нам хочется алхиміи, магіи; а жизнь и природа равнодушно идутъ своимъ путемъ, покоряясь человѣку по мѣрѣ того, какъ онъ выучивается дѣйствовать ихъ же средствами.

— Вы, кажется, меня считаете нѣмецкимъ поэтомъ и тѣмъ еще прошлой эпохи, которые сердились за то, что у нихъ есть тѣло, за то, что они ѣдятъ и искали неземныхъ дѣвъ, «иную природу, другаго солнца». Мнѣ не хочется ни магіи, ни мистеріи, а просто выйти изъ этого состоянія души, которое вы сейчасъ представили въ фигурѣ рѣчи меня; выйти изъ нравственнаго безсмыслія, изъ жалкой непостигаемости убѣжденій, изъ хаоса, въ которомъ мы наконецъ перестали понимать кто врагъ и кто другъ; мнѣ противно видѣть, куда не повернусь, или пытаемыхъ, или пытающихъ. Какое колдовство нужно, чтобы растолковать людямъ что они сами виноваты въ томъ, что имъ такъ скверно жить, объяснить имъ, напримѣръ, что ненадобно грабить нищаго, что противно объѣдаться возлѣ умирающаго съ голоду, что убійство равно отвратительно ночью на большой дорогѣ тайкомъ и днемъ открыто на большой площади при барабанномъ боѣ, что одно говорить, а другое дѣлать подло..... словомъ всѣ тѣ новыя истины, которыя говорятъ, повторяютъ, печатаютъ современи семи греческихъ мудрецовъ, да и тогда онѣ я думаю были очень стары. Моралисты, попы гремятъ съ каѳедръ, толкуютъ о нравственности, о грѣхахъ, читаютъ Евангеліе, читаютъ Руссо - и никто не возражаетъ, и никто не исполняетъ.

— По совѣсти жалѣть объ этомъ нечего. Всѣ эти ученія и проповѣди по большей части невѣрны, не удобоисполнимы и свысока простого народнаго быта. Бѣда въ томъ, что мысль забѣгаетъ всегда далеко впередъ, народы не поспѣваютъ за своими учителями. Возьмите наше время - нѣсколько человѣкъ коснулись переворота, котораго совершить не въ силахъ ни они сами, ни народъ. Передовые думали, что стоило сказать: «брось оброкъ твой и иди за нами» - всѣ двинутся - они ошиблись; народъ ихъ также мало зналъ, какъ они его: имъ не повѣрили. Незамѣчая что за ними никого нѣтъ, эти люди предводительствовали, шли впередъ; спохватившись, они стали кричать отставшимъ, махать, звать ихъ, сыпать упреками - но поздно, слишкомъ далеко, - голоса недостаетъ, да и языкъ ихъ не тотъ, которымъ говорятъ массы. Намъ больно сознаться, что мы живемъ въ мірѣ выжившемъ изъ ума, дряхломъ, истощенномъ, у котораго явнымъ образомъ недостаетъ силы и поведенія, чтобы подняться на высоту собственной мысли; намъ жаль старый міръ, мы къ нему привыкли, какъ къ родительскому дому, мы поддерживаемъ его, стараясь его разрушить и прилаживаемъ къ своимъ убѣжденіямъ его неспособныя формы, не видя что забота ихъ - его смертный приговоръ. Мы носимъ платья шитыя не по нашей мѣркѣ, а по мѣркѣ нашихъ прадѣдовъ, мозгъ нашъ образовался подъ вліяніемъ предшествующихъ обстоятельствъ, онъ многаго не осиливаетъ, много видитъ подъ ложнымъ угломъ. Люди съ такимъ трудомъ добились до современнаго быта, онъ имъ кажется такой счастливой пристанью послѣ безумія феодализма и тупаго гнёта слѣдовавшаго за нимъ, что они боятся измѣнить его, они отяжелѣли въ его формахъ, обжились въ нихъ, привычка замѣнила пониманіе, горизонтъ сжался..... въ умахъ мысли сдѣлалось мало, воля ослабла.

— Прекрасная картина; добавьте что возлѣ этихъ удов-

летворенныхъ,

которымъ современный порядокъ по плечу, съ одной стороны бѣдный, неразвитый народъ, одичалый, отсталый, голодный, въ безвыходной борьбѣ съ нуждою, въ изнуряющей работѣ, которая не можетъ его прокормить; и съ другой — мы неосторожно забѣжавшіе впередъ, зодчіе, вбивающіе сваи новаго міра и которые никогда не увидимъ даже выведеннаго фундамента. Отъ всѣхъ упованій, отъ всей жизни, которая прошла между рукъ (да еще какъ прошла!), если что нибудь осталось, то это вѣра въ будущее; когда нибудь долго послѣ нашей смерти, домъ, для котораго мы расчистили мѣсто, выстроится и въ немъ будетъ хорошо и удобно другимъ.

— Впрочемъ нѣтъ причины думать, что новый міръ будетъ строиться по нашему плану.... — Молодой человѣкъ сдѣлалъ недовольное движеніе головой и посмотрѣлъ съ минуту на море, совершеннѣйшій сумракъ приближался, тяжелая туча едва двигалась надъ головами такъ низко, что дымъ парохода стелясь мѣшался съ ней. Море было черно, воздухъ не освѣжалъ.

— Вы со мной поступаете, — сказалъ онъ помолчавъ, — такъ какъ разбойники съ путешественниками; ограбивши у меня все вамъ еще кажется мало, вы добираетесь до послѣдняго рубища, которое меня предохраняетъ отъ стужи, до лохмотьевъ волосъ; вы заставили меня сомнѣваться во многомъ, у меня оставалось будущее — вы отнимаете его; вы грабите мои надежды, вы убиваете сны, какъ Макбетъ.

— А я думаю, что я болѣе похожъ на хирурга, который вырѣзываетъ дикое мясо.

— Пожалуй, это еще лучше, хирургъ отрѣзываетъ больную часть тѣла не замѣняя ее здоровой.

— И спасаетъ человѣка отъ тяжелыхъ узъ застарѣлой болѣзни.

— Знаемъ мы ваше освобожденіе. Вы отворяете двери темницы и хотите вытолкнуть колодника въ степь, увѣряя его что онъ свободенъ; вы ломаете Бастилію, но не воздвигаете ничего: вмѣсто острога остается одно пустое мѣсто.

— Это было бы чудесно, если бъ было такъ, какъ вы говорите; худо то, что развалины, мусоръ мѣшаютъ на каждомъ шагу.

— Чему мѣшаютъ? Гдѣ въ самомъ дѣлѣ наше призваніе? гдѣ наше знамя? во что мы вѣримъ, во что не вѣримъ?

— Вѣримъ во все, не вѣримъ ни во что; вы ищите найти знамя; а я ищу потерять его; вы хотите указку, а мнѣ кажется, что въ извѣстныя лѣта стыдно читать съ указкой. Вы сейчасъ сказали, что мы вбиваемъ сваи новому міру..

— И ихъ вырываетъ изъ земли духъ отрицанія и анализа. Вы несравненно мрачнѣе меня, смотрите на міръ и утѣшаете для того, чтобы еще ужаснѣе вывести совершенную тягость. Если и будущее не наше, тогда вся наша цивилизація ложь, мечта 15-лѣтней дѣвочки, надъ которой она сама смѣется въ 25 лѣтъ, наши труды вздоръ, наши усилія смѣшны, наши упованія похожи на ожиданія дунайскаго мужика. Впрочемъ можетъ быть вы то и хотите сказать, чтобы мы бросили нашу цивилизацію, отказались бы отъ нее, воротились бы къ одичавшимъ.

— Нѣтъ, отказаться отъ развитія не возможно. Какъ сдѣлать, чтобы я не зналъ того, что знаю. Наша цивилизація лучшій цвѣтъ современной жизни, кто же пожертвуетъ своимъ развитіемъ? Но какое же это имѣетъ отношеніе къ осуществленію нашихъ идеаловъ, гдѣ между

необходимость, чтобы будущее разыграло нашу придуманную программу.

— Стало быть наша мысль повела насъ къ несбыточнымъ надеждамъ, къ нелѣпымъ ожиданіямъ; съ ними, какъ съ послѣднимъ плодомъ нашихъ трудовъ, мы захвачены волнами на корабль, который тонетъ. Будущее не наше, въ настоящемъ намъ нѣтъ дѣла, спасаться некуда, мы съ этимъ кораблемъ связаны на животъ и на смерть, остается сложить руки, ждать пока вода зальетъ — а кому скучно, кто поотважнѣе, тотъ можетъ броситься въ воду….

… Le monde fait naufrage.
Vieux batiment, usé par tous les flots,
Il s'engloutit — sauvons nous à la nage!

— Я ничего лучше не прошу, но только есть разница между спасаться вплавь и топиться. Судьба молодыхъ людей, которыхъ вы напомнили этой пѣснею, страшна; сугубые страдальцы, мученики безъ вѣры, смерть ихъ пусть падетъ на страшную среду, въ которой они жили, пусть обличаетъ её, позоритъ, но кто же вамъ сказалъ что нѣтъ другаго выхода, другаго спасенья изъ этаго мiра ~~старч~~ старчества и агоніи, — какъ смерть? Вы оскорбляете жизнь. Оставьте мiръ, къ которому вы не принадлежите, если вы дѣйствительно чувствуете, что онъ вамъ чуждъ. Его не спасешь, спасите себя отъ угрожающихъ развалинъ, спасая себя, вы спасаете будущее. Что вы имѣете общаго съ этимъ мiромъ? — его цивилизацію! но она вѣдь принадлежитъ теперь вамъ, а не ему, онъ произвелъ ее, или, лучше сказать, изъ него произвели её, онъ не грѣшенъ даже въ пониманіи ея; его образъ жизни вамъ ненавистенъ, да и поправдѣ трудно любить такую нелѣпость. Ваши страданія онъ и не подозрѣваетъ; ваши радости ему незнакомы; вы молоды, а онъ старъ, посмотрите какъ онъ осунулся въ своей аристократической, изношенной ливреѣ, особенно послѣ тридцатаго года, лицо его подернулось матовой землистостью. Это facies hypocratica по которой доктора узнаютъ, что смерть занесла свою косу. Безсильно усиливается онъ иногда еще разъ схватить жизнь, еще разъ обладать ею, отдѣлаться отъ болѣзни, насладиться — не можетъ и впадаетъ въ тяжкій, горячій полусонъ. Ему толкуютъ о фаланстерахъ, демократахъ, соціализмѣ; онъ слушаетъ и ничего не понимаетъ — иногда улыбается такимъ рѣчамъ, покачивая головою и вспоминая мечты, которымъ и онъ вѣрилъ когда-то, потомъ взглянетъ въ разумъ и давно не вѣритъ… Оттого-то онъ старчески равнодушно смотритъ на коммунистовъ и iезуитовъ, на пасторовъ и якобинцевъ, на братьевъ Ротшильдъ и умирающихъ съ голоду; онъ смотритъ на всё несущееся передъ глазами сжавши въ кулакъ нѣсколько франковъ за которые готовъ умереть или сдѣлаться убійцею. Оставьте старика доживать какъ знаетъ свой вѣкъ въ богадѣльнѣ, вы для него ничего не сдѣлаете.

— Оставить, это не такъ легко, не говоря уже о томъ, что онъ противенъ; но куда бѣжать? гдѣ эта новая Пенсильванія, готовая?..

— Для старыхъ построекъ изъ новаго кирпича. Вильямъ Пеннъ везъ съ собою старый мiръ на новую почву, Сѣверная Америка — исправленное изданіе — не болѣе. А христіанъ въ Римѣ перестали быть Римлянами — этотъ внутрен-

—ній отходъ поможетъ.

— Мысль сосредоточиваться въ себѣ, оторвать нить связывающую насъ съ родиной, съ современностію, — проповѣдывается давно, но плохо осуществляется; она является у людей послѣ каждой неудачи, послѣ каждой утраченной вѣры; ей слѣдовали мистики и масоны, философы и иллюминаты; всѣ они указывали на внутренній отходъ — никто не уходилъ. Руссо? и тотъ отворачивался отъ міра, страстно любя его, онъ отрывался отъ него, потому что не могъ быть безъ него. Ученики его продолжали его жизнь въ Конвентѣ, бились, страдали, казнили другихъ, сносили свою голову на плаху, но не ушли ни вонъ изъ Франціи, ни вонъ изъ кипучей дѣятельности.

— Ихъ время ни сколько не было похоже на наше. Впереди была бездна упованій. Руссо и его ученики воображали, что если ихъ идеи братства не осуществляются, то это отъ матеріальныхъ препятствій — тамъ скованно слово, тутъ дѣйствіе неволно — и они, совершенно послѣдовательно, шли грудью противъ всего мѣшавшаго ихъ идеямъ; задача была страшная, гигантская, но они побѣдили. Но побѣдивши они думали: вотъ теперь-то.... но теперь-то ихъ повели на гильотину и это было самое лучшее, что могло съ ними случиться, они умерли съ полной вѣрой, ихъ унесла бурная волна, среди битвы, труда, опьяненія, они были увѣрены, что когда возвратится тишина, ихъ идеалъ осуществится безъ нихъ. Наконецъ этотъ штиль пришелъ. Какое счастіе, что всѣ эти энтузіасты давно были схоронены! имъ бы пришлось увидѣть, что дѣло ихъ не подвинулось ни на вершокъ, что ихъ идеалы остались идеалами, что недостаточно разобрать по камушку Бастилію, чтобы сдѣлать колодниковъ свободными людьми. Вы сравниваете насъ съ ними, забывая что мы знаемъ семьдесятъ 60 лѣтъ прошедшихъ послѣ смерти ихъ, что мы были свидѣтелями, какъ всѣ упованія теоретическихъ умовъ были осмѣяны, какъ демоническое начало исторіи нахохоталось надъ ихъ наукой, мыслью, теоріей, какъ оно изъ республики сдѣлало Наполеона, изъ революціи 1830 года биржевой оборотъ. Свидѣтели всего бывшаго, мы не можемъ имѣть надеждъ нашихъ предшественниковъ. Глубже изучивши революціонные вопросы, мы требуемъ теперь и больше и шире того, что они требовали, а ихъ то требованія остались той же неприлагаемостію, какъ были. Съ одной стороны вы видите логическую послѣдовательность мысли, ея успѣхи, съ другой полное безсиліе ея надъ міромъ — глухимъ, нѣмымъ, безсильнымъ схватить мысль спасенія такъ, какъ она высказывается ему, — потому что она дурно высказывается, или потому что имѣетъ только теоретическое книжное значеніе, какъ напримѣръ римская философія не выходившая никогда изъ небольшаго круга образованныхъ людей.

— Но кто же по вашему правъ? мысль ли теоретическая, которая точно также развилась и сложилась исторически, но сознательно, или фактъ современнаго міра, отвергающій мысль и представляющій также какъ она необходимый результатъ прошедшаго.

— Оба совершенно правы. Вся эта запутанность выходитъ изъ того, что жизнь имѣетъ свою эмбріогенію не совпадающую съ діалектикой чистаго разума. Я помянулъ древній міръ; вотъ вамъ примѣръ: вмѣсто того, чтобы осуществлять республику Платона и политику Аристотеля, онъ осуществляетъ Римскую республику и ея политику завоевателей; вмѣсто утопій Цицерона и Сенеки — Лонгобардскія графства и германское право.

— Не пророчите ли вы и нашей цивилизацiи такую же гибель, какъ Римской? утѣшительная мысль и прекрасныя перспективы...

— Ни прекрасная и не дурная. Отчего васъ удивляетъ мысль, которая до пошлости извѣстна, что все на свѣтѣ преходяще? Впрочемъ цивилизацiи не гибнутъ, когда родъ человѣческiй продолжаетъ жить безъ совершеннаго перерыва — у людей память хороша; развѣ римская цивилизацiя не жива для насъ? а она точно также какъ и наша вытянулась далеко за предѣлы окружавшей жизни; именно отъ этого она съ одной стороны и развилась такъ пышно, такъ великолѣпно, а съ другой не могла фактически осуществиться. Она принесла свое мiру современному, она приноситъ многое намъ; но блестящее будущее Рима пошло не въ Капитолiи, — въ катакомбахъ, гдѣ прятались гонимые христiане — въ лѣсахъ гдѣ кочевали дикiе Германцы.

— Какъ же въ природѣ все такъ цѣлесообразно, а цивилизацiя высшее усилiе, венецъ стремленiй выходитъ безцѣльно изъ нея, выпадаетъ изъ дѣйствительности и увядаетъ наконецъ, оставивъ по себѣ неполное воспоминанiе? Между тѣмъ человѣчество отступаетъ назадъ, бросается въ сторону и начинаетъ снова тянуться, чтобы окончить такимъ же махровымъ цвѣткомъ — безплоднымъ, лишеннымъ сѣмянъ... Въ вашей философiи исторiи есть что-то возмущающее душу — для чего эти усилiя? жизнь народовъ становится праздной игрой, лѣпитъ по песчинкѣ, по камешку, а тутъ опять все рухнется наземь и люди ползутъ изъ подъ развалинъ, начинаютъ снова расчищать мѣсто да строить хижины изъ мха, досокъ и упавшихъ капителей. Шекспиръ не даромъ сказалъ, что исторiя скучная сказка, разсказанная дуракомъ.

— Это ужъ такой печальный взглядъ у васъ. Вы похожи на тѣхъ монаховъ, которые при встрѣчѣ ничего лучшаго не находятъ сказать другъ другу, какъ мрачное memento mori, или на тѣхъ чувствительныхъ людей, которые не могутъ вспоминать безъ слезъ, «что люди родятся для того, чтобы умереть», смотрѣть на конецъ а не на самое дѣло величайшая ошибка. На что растенiю этотъ яркiй, пышный вѣнчикъ, на что этотъ упоительный запахъ, который пройдетъ — совсѣмъ ненужные? Но природа вовсе не такъ скупа и не такъ пренебрегаетъ мимолетнымъ, настоящимъ, она на каждой точкѣ достигаетъ всего, чего можетъ достигнуть, пить до пьяна, — до запаха, до наслажденiя, до мысли.... до того, что разомъ касается до предѣловъ развитiя и до смерти, которая охлаждаетъ, умѣряетъ слишкомъ поэтическую фантазiю и необузданное творчество ея. Кто же станетъ упрекать природу за то, что цвѣты утромъ распускаются, а вечеромъ вянутъ, что она розѣ и лилiи не умѣетъ придать прочности кремня? И этотъ-то бѣдный, прозаическiй взглядъ мы хотимъ перенести въ историческiй мiръ! Кто ограничилъ цивилизацiю однимъ прилагаемымъ? Гдѣ у нея заборъ? Она безконечна какъ мысль, какъ искусство, она чертитъ идеалы жизни, она мечтаетъ объ апотеозѣ своего быта, но на жизни не лежитъ обязанности исполнять фантазiи и мысли, тѣмъ больше, что это было бы улучшенное изданiе того же, а жизнь любитъ новое. Цивилизацiя Рима была гораздо выше и человѣчественнѣе, нежели варварскiй порядокъ, но въ его нестройности были зародыши развитiя тѣхъ сторонъ, которыхъ вовсе не было

въ римской цивилизаціи и варварство восторжествовало, несмотря на Corpus juris civilis, ни на мудрое воззрѣніе римскихъ философовъ. Природа рада достигнутому и домогается высшаго; она не хочетъ обижать существующее: пусть оно живетъ пока есть силы, пока новое подростаетъ. Вотъ отчего такъ трудно произведенія природы вытянуть въ прямую линію; природа ненавидитъ фрунтъ, она бросается во всѣ стороны и никогда не идетъ правильнымъ маршемъ впередъ. Дикіе Германцы были въ своей непосредственности, potentialiter, выше образованныхъ Римлянъ.

— Я начинаю подозрѣвать, что вы поджидаете нашествія варваровъ и переселенія народовъ.

— Я гадать не люблю. Будущаго нѣтъ, его образуетъ совокупность тысячи условій необходимыхъ и случайныхъ да воля человѣческая, придающая нежданныя драматическія развязки и coups de théâtre. Исторія импровизируется, рѣдко повторяется, она пользуется всякой нечаянностію, стучится разомъ въ тысячи воротъ.... которыя изъ нихъ отопрутся — кто знаетъ?

— Можетъ быть балтійскія и тогда Россія хлынетъ на Европу?

— Можетъ быть.

— И вотъ мы, домомудрствуя, пришли опять къ бывшему колесу, опять къ corsi и ricorsi старика Вико. Опять возвратились къ Реѣ безпрерывно рождающей въ сточникъ страданій дѣтей, которыми закусываетъ Сатурнъ. Рея только стала добросовѣстнѣе и не подсовываетъ новорожденныхъ каменьями, да и не стоитъ труда: въ числѣ ихъ нѣтъ ни Юпитера, ни Марса.. Какая цѣль всего этого? Вы обходите этотъ вопросъ, не рѣшая его; стоитъ ли дѣтямъ родится для того, чтобы отецъ ихъ съѣлъ, да вообще стоитъ ли игра свѣчъ?

— Какъ не стоитъ! тѣмъ болѣе, что вы даромъ платите. Васъ смущаетъ что не всѣ игры доигрываются, но безъ этого они были бы нестерпимо скучны. Гёте давнымъ давно толковалъ, что красота преходитъ потому, что только преходящее и можетъ быть красиво. Это обижаетъ людей. У человѣка есть инстинктивная любовь къ сохраненію всего, что ему нравится; родился — такъ хочетъ жить всю вѣчность, влюбился — такъ хочетъ любить и быть любимымъ всю жизнь, какъ въ первую минуту признанія. Онъ сердится на жизнь, видя что въ 50 лѣтъ нѣтъ той свѣжести чувствъ, той звонкости ихъ какъ въ 20 лѣтъ. Но такая неподвижная стоячесть противна духу жизни — она ничего личнаго, индивидуальнаго не готовитъ впрокъ; она всякій разъ вся изливается въ данную минуту и надѣляетъ людей способностію наслажденія, насколько можно, не страхуетъ ни жизни, ни наслажденія и не отвѣчаетъ за ихъ продолженіе. Въ этомъ безпрерывномъ движеніи всего живаго, въ этихъ повсюдныхъ перемѣнахъ, природа обновляется, живетъ и ими она вѣчно молода. Оттого каждый историческій шагъ прекрасенъ, полонъ, замкнутъ посвоему какъ всякій годъ съ весной и лѣтомъ, съ зимой и осенью, съ бурями и хорошей погодой. Оттого каждый періодъ новъ, свѣжъ, исполненъ своихъ надеждъ, самъ въ себѣ носитъ свои блага и свою скорбь; настоящее принадлежитъ ему, но людямъ этого мало, имъ хочется чтобы и будущее было ихъ.

— Человѣку больно, что онъ и въ будущемъ не видитъ пристани, къ которой стремится. Онъ съ тоскливымъ безпокойствомъ смотритъ передъ собою на безконечный путь и видитъ, что также далекъ отъ цѣли, несмотря на всѣ усилія, какъ за 1000 лѣтъ.

»- Васъ все сбиваетъ дурно понятая телеологія. Какая цѣль пѣсни, которую поетъ пѣвица?... звуки, звуки вырывающіеся изъ ея груди, звуки умирающіе въ ту минуту какъ раздались. Если вы кромѣ наслажденія или искать что нибудь, ожидать иной цѣли, вы дождетесь когда кантатриса перестанетъ пѣть и у васъ останется воспоминаніе и раскаяніе, что вмѣсто того, чтобы слушать, вы ждали чего-то... Васъ сбиваютъ категоріи, которые дурно уловляютъ жизнь. Вы подумайте порядкомъ, что эта цѣль - программа что ли или приказъ? - кто ее составилъ, кому онъ объявленъ, обязателенъ онъ или нѣтъ? - если да - то что мы люди или куклы въ самомъ дѣлѣ, нравственно свободныя существа или колеса въ машинѣ. Для меня легче жизнь а слѣдовательно и исторію считать за достигнутую цѣль, нежели за средство достиженія.

— То есть, просто, цѣль природы и исторіи мы съ вами?...

»- Отчасти да плюсъ настоящее всего существующаго; тутъ все вошло и наслѣдіе всѣхъ прошлыхъ усилій и зародыши всего что будетъ; вдохновеніе артиста и энергія гражданина и наслажденіе юноши, который въ эту самую минуту пробирается гдѣ нибудь въ завѣтный бельведеръ гдѣ его ждетъ подруга робкая и отдающаяся всему настоящему, не думая ни о будущемъ, ни о цѣли... и веселье рыбы, которая плещется вотъ на мѣсячномъ свѣтѣ... словомъ какъ писали феодальные титулы, я смѣло могу поставить три »и прочая... и прочая!...

— Вы совершенно правы относительно природы, но мнѣ кажется вы забыли, что черезъ всѣ измѣненія и запутанности исторіи прошла красная нитка связывающая

= ющая

ее въ одно цѣлое, эта нитка прогрессъ - или можетъ быть вы не принимаете и прогресса.

»Прогрессъ - неотъемлемое свойство сознательнаго развитія, которое не прерывалось; это дѣятельная память и физіологическое усовершенствованіе людей общественною жизнью.

— Неужели вы тутъ не видите цѣли?

»- Совсѣмъ напротивъ я тутъ вижу послѣдствіе. Если прогрессъ цѣль, то для кого мы работаемъ? кто этотъ Молохъ, который по мѣрѣ приближенія къ нему тружениковъ, вмѣсто награды пятится и въ утѣшеніе изнуреннымъ и обреченнымъ на гибель толпамъ, которые ему кричатъ: morituri te salutant, только и умѣетъ отвѣтить горькой насмѣшкой, что послѣ ихъ смерти будетъ прекрасно на землѣ. Неужели и вы обрекаете современныхъ людей на жалкую участь каріатидъ поддерживающихъ террасу на которой когда нибудь будутъ танцовать, или.... на то, чтобы быть несчастными работниками которые по колѣно въ грязи тащутъ барку съ таинственнымъ руномъ и смиренной надписью »прогрессъ въ будущемъ« на флангѣ. Утомленные падаютъ на дорогѣ, другіе съ свѣжими силами принимаются за веревки, а дороги же, какъ вы сами сказали, остается столько, какъ и при началѣ, потому что прогрессъ безконеченъ. Это одно должно было насторожить людей; цѣль безконечно далекая, не цѣль, а если хотите уловка; цѣль должна быть ближе, - по крайней мѣрѣ заработанная плата или наслажденіе въ трудѣ. Каждая эпоха, каждое поколѣніе, каждая жизнь имѣли и имѣютъ свою полноту, по дорогѣ развиваются новыя требованія, испытанія, новыя средства, однѣ способности усовершенствуются на счетъ другихъ, наконецъ самое вещество

мозга улучшается... что вы улыбаетесь? да, да, черепъ улучшается.. Какъ все естественное становится вамъ рѣдкимъ, удивляетъ васъ идеалистовъ, точно какъ некогда рыцари удивлялись, что виланы хотятъ тоже человѣческихъ правъ. Когда Гёте былъ въ Италіи онъ сравнивалъ черепъ древняго быка съ нашимъ, теперешнимъ быкомъ и нашелъ что у нашего кость тоньше и вмѣстилище головнаго мозга пространнѣе; древній быкъ былъ очевидно сильнѣе нашего, а нашъ развился въ отношеніи къ мозгу въ своемъ мирномъ подчиненіи къ человѣку. Зачѣмъ же вы считаете человѣка менѣе способнымъ къ развитію нежели быка? Этотъ родовой ростъ не цѣль, какъ вы понимаете, а свойство преемственно продолжающагося поколѣнія. Цѣль для каждаго поколѣнія — оно само. Природа не только не дѣлаетъ никогда поколѣнія средствами для достиженія будущаго, но она вовсе объ будущемъ не заботится; она готова какъ Клеопатра, распустить въ винѣ жемчужину, лишь бы потѣшиться въ настоящемъ, у нея сердце баядерки и вакханки.

— И бѣдная не можетъ осуществить своего призванія!... Вакханка на діетѣ! баядерка въ трауръ!.. въ наше время она право скорѣе похожа на кающуюся Магдалину. Или можетъ быть мозгъ выдвинулся въ сторону...

— Вы вмѣсто насмѣшки сказали вещь, которая гораздо дѣльнѣе, нежели вы думаете. Одностороннее развитіе всегда влечетъ за собою avortement другихъ забытыхъ сторонъ. Дѣти слишкомъ развитыя въ психическомъ отношеніи дурно растутъ, слабы тѣломъ; вѣками неестественнаго развитія мы воспитали себя въ идеализмъ, въ искусственную жизнь и разрушили равновѣсіе. Мы были велики и сильны, даже счастливы въ нашей отчужденности, въ нашемъ теоретическомъ блаженствѣ, а теперь перешли эту ступень и она стала для насъ невыносима; между тѣмъ разрывъ съ практическими сферами сдѣлался страшный; виноваты въ этомъ ни съ той ни съ другой стороны. Природа натянула всѣ мышцы, чтобы перешагнуть въ человѣкѣ ограниченность звѣря, а онъ такъ перешагнулъ что одной ногой вышелъ изъ естественнаго быта, — сдѣлалъ онъ это потому что свободенъ. Мы сколько толкуемъ о волѣ, такъ гордимся ею и въ тоже время досадуемъ за то, что насъ никто не ведетъ за руку, что оступаемся и несемъ послѣдствія своихъ дѣлъ. Я готовъ повторить ваши слова, что мозгъ выдвинулся въ сторону отъ идеализма, — люди начинаютъ теперь замѣчать это и идутъ въ другую сторону; они вылечатся отъ идеализма такъ, какъ вылечились отъ другихъ историческихъ болѣзней, отъ рыцарства, католицизма, протестантизма.....

— Согласитесь, впрочемъ, что путь развитія, болѣзнями и отклоненіями — престранный.

— Да вѣдь путь и не назначенъ.... природа слегка, самыми общими нормами, намѣтила свои виды и предоставила всѣ подробности на волю людей, обстоятельствъ, климата, тысячи столкновеній. Борьба, взаимное уйствіе естественныхъ силъ и силъ воли, которой послѣдствія нельзя знать впередъ, придаетъ поглащающій интересъ каждой эпохѣ. Если бъ человѣчество шло прямо къ какому нибудь результату, тогда исторіи не было бы, а была бы логика;

человѣчество остановилось бы готовымъ въ непосредственномъ statu quo какъ животныя. Все это посчастiю невозможно, не нужно и хуже существующаго. Животный организмъ мало-по-малу развиваетъ въ себѣ инстинкты, въ человѣкѣ развитiе идетъ далѣе.... вырабатывается разумъ и вырабатывается трудно, медленно: его нѣтъ въ природѣ, ни внѣ природы, его надобно достигать, съ нимъ улаживать жизнь какъ прiйдется, потому что вовсе нѣтъ libretto. А будь libretto, исторiя потеряетъ весь интересъ, сдѣлается не нужна, скучна, смѣшна; горесть Тацита и восторгъ Колумба превратятся въ шалость, въ гаерство; великiе люди сойдутъ на одну доску съ театральными героями, которые худо ли, хорошо ли играютъ, непремѣнно идутъ и дойдутъ къ извѣстной развязкѣ. Въ исторiи все импровизацiя, все воля, все ex tempore, впередъ ни предѣловъ, ни маршрутовъ нѣтъ, есть условiя, святое безпокойство, огонь жизни и вѣчный вызовъ бойцамъ пробовать силу, идти вдаль куда хотятъ, куда только есть дорога; а гдѣ ея нѣтъ, тамъ сперва проложитъ её генiй.

— А если на бѣду не найдется Колумба!

— Кортесъ сдѣлаетъ за него. Генiальныя натуры почти всегда находятся когда ихъ нужно, впрочемъ въ нихъ нѣтъ необходимости, народы дойдутъ послѣ, дойдутъ другой дорогой болѣе трудной; генiй роскошь исторiи, ея поэзiя, ея coup d'état, ея скачекъ, торжество ея творчества.

— Все это хорошо, но мнѣ кажется при такой неопредѣленности, распущенности исторiя можетъ продолжаться вѣки вѣковъ, или завтра же окончится.

— Безъ сомнѣнiя. Со скуки люди не умрутъ, если родъ человѣческiй очень долго заживется, хотя вѣроятно люди и натолкнутся на какiе нибудь предѣлы, лежащiе въ самой природѣ человѣка, на такiе физiологическiе условiя, которыхъ нельзя будетъ перейти оставаясь человѣкомъ; но собственно недостатка въ занятiяхъ не будетъ: три четверти всего что мы дѣлаемъ, повторенiе того, что дѣлали другiе. Изъ этого вы видите, что исторiя можетъ продолжиться миллiоны лѣтъ. Съ другой стороны ничего не имѣю противъ окончанiя исторiи завтра. Мало ли что можетъ быть! Энкiева комета зацѣпитъ земной шаръ, геологическiй катаклизмъ пройдетъ по поверхности ставя все вверхъ дномъ, какое нибудь газообразное испаренiе сдѣлаетъ на полчаса невозможнымъ дыханiе — вотъ вамъ и финалъ исторiи.

— Фу, какiе ужасы! вы меня стращаете какъ маленькихъ дѣтей, но я увѣряю васъ, что этаго не будетъ. Скучно бы очень развиваться три тысячи лѣтъ съ прiязной будущностью задохнуться отъ какого нибудь сѣроводороднаго испаренiя. Какъ же вы не видите, что это нелѣпость?

— Я удивляюсь какъ это вы досихъ поръ не привыкните къ путямъ жизни. Въ природѣ также какъ и въ душѣ человѣка, дремлетъ безконечное множество силъ, возможностей; какъ только соберутся условiя нужныя для того, чтобъ ихъ разбудить, — онѣ развиваются до нельзя; онѣ готовы собой наполнить мiръ, но онѣ могутъ запнуться на полудорогѣ, принять иное направленiе, остановиться, разрушиться. Смерть одного человѣка не меньше нелѣпа,

какъ гибель всего рода человѣческаго. Кто намъ обезпечилъ вѣковѣчность планеты? она также мало устоитъ при какой нибудь революціи въ солнечной системѣ, какъ геній Сократа устоялъ противъ цикуты, но можетъ ей не подадутъ этой цикуты.... можетъ.... я съ этого началъ. Въ сущности для природы это все равно, изъ нея ничего не убудетъ, изъ нея ничего не вынесешь — все въ ней, какъ ни мѣняй тона, съ величайшей любовью похоронивши родъ человѣческій, опять начнетъ съ уродливыхъ папоротниковъ и ящерицъ въ полверсты длиною — вѣроятно съ какими нибудь усовершенствованіями взятыми изъ новой среды и изъ новыхъ условій.

— Ну, для людей далеко не все равно; я думаю Александръ Македонскій нисколько небылъ бы радъ узнавши, что онъ пошелъ на замазку, какъ говоритъ Гамлетъ.

„— За счетъ Александра Македонскаго я васъ успокою, — онъ этого никогда не узнаетъ. Разумѣется, что для человѣка совсѣмъ не все равно жить или не жить; изъ этого ясно одно, что надобно пользоваться жизнію, настоящимъ, недаромъ природа всѣми языками своими безпрерывно манитъ къ жизни и шепчетъ на ухо всему свое vivere memento.

— Напрасный трудъ. Мы помнимъ что мы живемъ по глухой боли, по досадѣ, которая точитъ сердце, по однообразному бою часовъ.... Трудно наслаждаться, пьянить себя, зная что весь міръ около васъ разрушиться и стало быть гдѣнибудь задавитъ же и васъ. Да еще это куда бы не шло, а то умереть на старости лѣтъ, видя что вѣтхія покачнувшіяся стѣны и недумаютъ падать. Ничего въ исторіи такого удушливаго времени; была борьба, были страданія и прежде, но была еще какая нибудь замѣна, можно было погибнуть — покрайней мѣрѣ съ вѣрой, — намъ не зачто умирать и не для чего жить.... самое время наслаждаться жизнію!

„— А вы думаете, что въ падающемъ Римѣ было легче жить?

— Конечно, его паденіе было столько же очевидно, какъ міръ шедшій на замѣну его.

„— Очевидно для кого? Неужели вы думаете что Римляне смотрѣли на свое время такъ, какъ мы смотримъ на него. Гиббонъ не могъ отдѣлаться отъ обаянія, которое производитъ древній міръ на какую нибудь душу. Вспомните сколько вѣковъ продолжалась агонія; намъ это время скрадывается по бѣдности событій, по бѣдности въ лицахъ, по томному однообразію; именно такіе то періоды нравные, старые и скорбные для современниковъ; вѣдь годы въ нихъ имѣли триста шестьдесятъ пять дней, а все и тогда были люди съ душой горячей и близкіе, терялись отъ разгрома падающихъ стѣнъ. Какіе звуки скорби вырывались тогда изъ груди человѣческой! ихъ стонъ наводитъ теперь ужасъ на душу.

— Они могли креститься.

„— Положеніе христіанъ было тогда тоже очень печальное, они часто прятались по подземельямъ, успѣхъ казался невозможнымъ, жертвы были передъ глазами.

— Но ихъ поддерживала фанатическая вѣра — она оправдалась.

„— Только на другой день послѣ торжества, явилась

II.

Послѣ грозы.

Pereat!

Женщины плачутъ чтобы облегчить душу. Мы не умѣемъ плакать. Въ замѣну слезъ я хочу писать, не для того чтобы описывать, объяснять кровавыя событія, а просто чтобъ говорить о нихъ, дать волю рѣчи, слезамъ, мысли, желчи. Гдѣ тутъ описывать, собирать свѣдѣнія, обсуживать! — въ ушахъ раздаются еще выстрѣлы, топотъ несущейся кавалеріи, тяжелый, густой звукъ лафетныхъ колесъ по мертвымъ улицамъ. Въ памяти мелькаютъ отдѣльныя подробности: раненый на носилкахъ держитъ рукой бокъ и нѣсколько капель крови на рукѣ, омнибусы наполненные трупами, плѣнные съ связанными руками, пушки на place de la bastille, лагерь у Porte St. Denis на Елисейскихъ поляхъ и мрачное ночное Sentinelle prenez garde à vous! Какія тутъ описанія, мозгъ слишкомъ воспаленъ, кровь слишкомъ остра.

Сидѣть у себя въ комнатѣ сложа руки, не имѣть возможности выйти за ворота и слышать возлѣ — кругомъ, вблизи, вдали — выстрѣлы, канонаду, крики, барабанный бой и знать что возлѣ льется кровь, рѣжутся, колютъ, что возлѣ умираютъ — отъ этого можно умереть, сойти съ ума. Я не умеръ, но я состарѣлся, я оправляюсь послѣ Іюньскихъ дней, какъ послѣ тяжкой болѣзни.

А торжественно начались они. 23го числа часа въ 4. передъ обѣдомъ, шелъ я берегомъ Сены въ

Hôtel de Ville, только запирались колонны національной Гвардіи или сословующими лицами по разнымъ направленіямъ. Небо было покрыто тучами, мелъ дождь. Я остановился на Pont neuf, сильная молнія сверкнула изъ за тучи, удары грома следовали другъ за другомъ и среди всего этого раздался мерный, тяжелый звукъ набата съ колокольни св. Сульпиція, которымъ еще разъ обманутый пролетарій звалъ своихъ братій къ оружію. Соборъ и все зданія по берегу были необыкновенно освещены несколькими лучами солнца, ярко выходившими изъ подъ тучи, барабанъ раздавался съ разныхъ сторонъ, артиллерія тянулась со стороны Карусельской площади. Я слушалъ громъ, набатъ и не могъ насмотреться на панораму Парижа, будто я съ нимъ прощался; я страстно любилъ Парижъ въ эту минуту - это была последняя дань великому городу, - после Іюньскихъ дней онъ мне опротивелъ.

Съ другой стороны реки, на всехъ переулкахъ и улицахъ строились баррикады. Я какъ теперь вижу эти сумрачные лица, таскавшія камни, дети женщины помогали имъ. На одну баррикаду, по видимому оконченную, взошелъ молодой Политехникъ водрузилъ знамя и запелъ тихимъ, печально-торжественнымъ голосомъ Марсельезу, все работавшіе запели и хоръ этой великой песни, раздавшійся изъ за каменныхъ баррикады, захватывалъ душу... Набатъ все раздавался. Между темъ по мосту простучала артиллерія и Бедо осматривалъ съ моста въ трубу неприятельскую позицію.

Въ это время можно было все предупредить, тогда еще можно было спасти республику, свободу всей Европы, - тогда еще можно было помириться. Тупое и неловкое Правительство не умело этого сделать, собраніе не хотело, реакціонеры искали мести, крови, искупленія за 24 Февраля законы Насіональ дали имъ исполнителей.

Ну что вы скажите любезный Кн. Радецкій и сіятельнейшій графъ Паскевичъ Эриванскій! Вы не годитесь въ помощники Кавеньяку. Меттернихъ и все члены III Отделенія Собственной канцеляріи сущія кротости, des bons enfants, въ сравненіи съ собраніемъ бешеныхъ лавочниковъ. Вечеромъ 26 Іюня мы услышали после победы Насіонала надъ Парижемъ, правильные залпы съ небольшими расстановками... Мы все взглянули другъ надруга, у всехъ лица были зеленыя.

«Ведь это разстреливаютъ», сказали мы въ одинъ голосъ и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна. За такія минуты ненавидятъ 10 летъ, мстятъ всю жизнь. Горе темъ, которые прощаютъ такія минуты!

После бойни продолжавшейся 4 суток, настала тишина и миръ осаднаго положенія; улицы были еще оцеплены, редко, редко где нибудь встречался экипажъ, надменная національная Гвардія, съ свирепой и тупой злобой на лицахъ, берегла свои

лаяли, грозя штыкомъ и прикладомъ; ликующія толпы пьяныхъ Мобили, ходили по бульварамъ распѣвая. Ночью pour ça ira, мальчишки 16, 17 лѣтъ, оставались кровью своихъ братьевъ, запекшейся на ихъ рукахъ, на нихъ бросали цвѣты мѣщанки, выбѣгая изъ за прилавка, чтобы привѣтствовать побѣдителей. Каменьщикъ возилъ съ собою въ коляскѣ какого-то изверга убившаго десятки французовъ. Буржуази торжествовала. А дома въ предмѣстіи св. Антонія еще дымились, стѣны разбитыя ядрами валивались, раскрытая внутренность комнатъ представляла каменныя раны, смѣшанная мебель тлѣла, куски разбитыхъ зеркалъ мерцали... А гдѣ же хозяева? жильцы! Объ нихъ никто и не думалъ... мѣстами посыпали песокъ, но кровь все таки выступала... Къ Пантеону, разбитому ядрами, не допускали, по бульварамъ стояли палатки, лошади глодали береженныя деревья Елисейскихъ полей, на Place de la Concorde вездѣ было сѣно, кирасирскія латы, сѣдла, въ Тюльерійскомъ саду солдаты у рѣшетки варили супъ. Парижъ этого не видалъ въ 1814 году.

Прошло еще нѣсколько дней и Парижъ сталъ принимать обычный видъ, толпы праздношатающихся снова явились на бульварахъ, нарядныя дамы ѣздили въ колясках и кабріолетахъ смотрѣть развалины домовъ и слѣды отчаяннаго боя... одни частыя патрули и партіи арестантовъ напоминали страшные дни,

тогда только сталъ уясняться прошедшее. У Байрона есть описаніе ночной битвы, кровавыя подробности ея скрыты темнотою, при разсвѣтѣ, когда битва давно кончена, видны ея остатки: клинокъ, окровавленная одежда. Этотъ-то разсвѣтъ наставалъ теперь въ душѣ, онъ освѣтилъ страшное опустошеніе. Половина надеждъ, половина вѣрованій была убита, мысли отрицанія, отчаянія бродили въ головѣ, укоренялись. Предполагать нельзя было, чтобъ въ душѣ, нашей прошедшей черезъ столько опытовъ, испытанной современнымъ скептицизмомъ, оставалось такъ много истребимаго.

Послѣ такихъ потрясеній, живой человѣкъ не остается по старому, душа его или становится еще религіознѣе, держится съ отчаяннымъ упорствомъ, а свои вѣрованія, находитъ въ самой безнадежности утѣшеніе и человѣкъ вновь зеленѣетъ обожженный грозою, неся смерть въ груди, — или же онъ мужественно и грустно сердце отдаетъ послѣднія упованія, становится еще трезвѣе и не удерживаетъ послѣднія слабыя листья которые уноситъ рѣзкій осенній вѣтеръ.

Что лучше? трудно сказать.

Одно ведетъ къ блаженству безумія, другое къ несчастію знанія.

Выбирайте сами. Одно чрезвычайно прочно, потому что отнимаетъ все. Другое ни чѣмъ не обезпечено, зато многое даетъ. Я избираю знаніе и пусть оно лишитъ меня послѣднихъ утѣшеній, я пойду

нравственнымъ нищимъ по бѣлу свѣту, но съ корнемъ вонъ дѣтскія надежды, отроческія упованія! Всѣ ихъ подъ судъ неподкупнаго разума. Внутри человѣка есть постоянный революціонный трибуналъ, есть безпощадный Фукье-Тенвиль и, главное есть гильотина. Иногда судья засыпаетъ, гильотина ржавѣетъ, ложное, прошедшее, романтическое, слабое поднимаетъ голову, обживается и вдругъ какой нибудь дикій ударъ будитъ оплошный судъ, дремлющаго палача и тогда начинается свирѣпая расправа — малѣйшая уступка, пощада, сожалѣніе ведутъ къ прошедшему, оставляютъ цѣпи. Выбора нѣтъ: или казнить и идти впередъ, или миловать и запнуться на полдорогѣ.

Кто не помнитъ своего логическаго романа, кто не помнитъ какъ въ его душу попала первая мысль сомнѣнія, первая смѣлость изслѣдованія — и какъ она захватывала потомъ больше и больше и дотрогивалась до святѣйшихъ достояній души! Это то и есть страшный судъ разума. Казнить вѣрованія не такъ легко, какъ кажется, трудно раставаться съ мыслями, съ которыми мы выросли, сжились, которыя насъ лелѣяли, утѣшали — пожертвовать ими кажется неблагодарностью. Да, но въ той средѣ, въ которой стоитъ трибуналъ, тамъ нѣтъ благодарности, тамъ неизвѣстно свято-татство и если революція какъ Сатурнъ ѣстъ своихъ дѣтей, то отрицаніе какъ Неронъ убиваетъ свою мать, чтобы отдѣлаться отъ прошедшаго. Люди боятся своей логики и опрометчиво вызвавъ передъ ея судъ церковь и государство, семью и нравственность, добро и зло — стремятся спасти клочки, отрывки стараго. Отказываясь отъ христіанства, берегутъ безсмертіе души, идеализмъ, провидѣніе. Люди, шедшіе вмѣстѣ, тутъ расходятся, одни идутъ направо, другіе налѣво; одни застываютъ на полдорогѣ, какъ верстовые столбы, показывая сколько пройдутъ, другіе бросаютъ послѣднюю ношу прошедшаго и идутъ бодро впередъ. Переходя изъ стараго міра въ новый, нельзя ничего взять съ собой.

Разумъ безпощаденъ какъ Конвентъ, нелицепріятенъ и строгъ, онъ ни на чемъ не останавливается и тащитъ на скамью подсудимыхъ самое верховное бытіе, для добраго короля теологіи настаетъ 21 Января. Этотъ процессъ, какъ процессъ Людовика XVI, пробный камень для Жирондистовъ все слабое половинчатое бѣжитъ или лжетъ, не подаетъ голоса, или подаетъ безъ вѣры. Между тѣмъ люди произнесшіе приговоръ, думаютъ, что казнивши Короля, нечего больше казнить, что 22 Января республика готова и счастлива. Какъ будто достаточно атеизма, чтобы не имѣть религіи, какъ будто достаточно убить Людовика XVI чтобъ не имѣть монархіи. Удивительно сход-ство феноменологіи Террора и логики. Терроръ

именно начался казни короля. Вслѣдъ за нимъ явились на помостъ благородные отроки революціи, блестящіе, красноречивые, слабые. Жаль ихъ, но спасти невозможно; головы ихъ пали, а за ними покатилась львиная голова Дантона и голова баловня революціи Камилль-Демулена. Ну теперь, теперь покрайней мѣрѣ кончено? Нѣтъ, теперь чередъ неподкупныхъ палачей, они будутъ казнены за то что вѣрили въ возможность демократіи во Франціи, за то что казнили во имя равенства, — казнены какъ Анахарсисъ Клоотцъ, мечтавшій о братствѣ народовъ за нѣсколько дней до наполеоновской эпохи, за несколько лѣтъ до Вѣнскаго конгресса.

Не будетъ міру свободы, пока все религіозное, политическое не превратится въ человѣческое, простое, подлежащее критикѣ и отрицанію. Возмужалая логика ненавидитъ канонизированныя истины, она ихъ растригаетъ изъ ангельскаго чина въ людской, а изъ священныхъ таинствъ дѣлаетъ явныя истины, она ничего не считаетъ неприкосновеннымъ и если республика присвоиваетъ себѣ такія же права, какъ монархія, презираетъ ее, какъ монархію; нѣтъ, гораздо больше. Монархія не имѣетъ смысла, она держится насиліемъ, а отъ имени "Республика" сильнѣе бьется сердце; Монархія сама по себѣ религія, у Республики нѣтъ мистическихъ отговорокъ, нѣтъ божественнаго права, она съ нами стоитъ на одной почвѣ. Мало ненавидѣть корону, надо перестать уважать и фригійскую шапку; мало не признавать преступленіемъ оскорбленіе величества, надобно признавать преступнымъ salus populi. Пора человѣку потребовать къ суду республику, законодательство, представительство, всѣ понятія о гражданинѣ и его отношеніяхъ къ другимъ и къ государству. Казней будетъ много, близкимъ, дорогимъ надобно пожертвовать — мудрено ли жертвовать ненавистнымъ! Въ томъ-то и дѣло, чтобы отдать дорогое, если мы убѣдимся, что оно не истинное. И въ этомъ наше дѣйствительное дѣло. Мы не призваны собирать плоды, но призваны быть палачами прошедшаго, преслѣдовать его, казнить, узнавать его во всѣхъ одеждахъ, и приносить на жертву будущему. Оно торжествуетъ фактически, погубимъ его въ идеѣ, въ убѣжденіи, во имя человѣческой мысли. Уступокъ дѣлать некому — трехцвѣтное знамя уступками слишкомъ замарано, оно долго не просохнетъ отъ Іюньской крови. И кого въ самомъ дѣлѣ щадить? Всѣ элементы разрушающагося міра являются во всей мелкой нелѣпости, во всей отвратительности своей. Что вы уважаете! народное правительство что ли? — кого вамъ жаль. Парижъ? Три мѣсяца люди, избранные всеобщей подачей голосовъ, люди выбранные подачей голосовъ всей земли французской ничего не дѣлали и вдругъ встали во весь ростъ, чтобы показать міру зрѣлище невиданное — 800 человѣкъ дѣйствующихъ какъ одинъ злодѣй, какъ

одинъ изверхъ. Кровь лилась рѣками, а они не нашли слова любви, примиренія; все человѣческое, все великодушное покрывалось воплемъ мести и негодованія, голосъ умирающаго Аффра не могъ тронуть этого многоголоваго Калигулу, — этого Бурбона размѣняннаго на мѣдные гроши; они прижали къ сердцу національную Гвардію, разстрѣливавшую безоружныхъ; Сенаръ благословлялъ Кавеньяка и Кавеньякъ умильно плакалъ исполнивъ всѣ злодѣйства, указанные адвокатскимъ пальцемъ представителей. А грозное меньшинство притаилось, гора скрылась за облаками, довольная что ее не разстрѣляли, не сгноили въ подвалахъ, молча смотрѣла какъ отнимаютъ оружіе у гражданъ, какъ декретируютъ депортацію, какъ сажаютъ въ тюрьму людей за все на свѣтѣ — за то, что они не стрѣляли въ своихъ братій.

Убійство въ эти страшные дни сдѣлалось обязанностію, въ эти дни человѣкъ, не омочившій себѣ рукъ въ пролетарской крови, становился подозрителенъ для мѣщанъ. Покрайней мѣрѣ большинство имѣло твердость быть злодѣями. А эти жалкіе призрительные друзья народа, риторы, пустыя сердца! — Одинъ лишь мужественный плачъ, одно великое негодованіе и раздалось и то внѣ камеры. Мрачное проклятіе старца Ламенне останется на головѣ бездушныхъ каннибаловъ, и всего ярче выступитъ на лбу малодушныхъ, которые произнеся слово Республика, испугались смысла его.

Парижъ! какъ долго это имя горѣло путеводной звѣздой народовъ; кто не любилъ, кто не поклонялся ему? — но его время миновало, пусть онъ идетъ со сцены. Въ Іюньскіе дни онъ завязалъ борьбу великую, которую ему не развязать. Парижъ состарѣлся — и юношескія мечты ему не идутъ больше; для того чтобы оживиться, ему нужны сильныя потрясенія, Варфоломеевскія ночи, Сентябрскіе дни, — но Іюньскіе ужасы не одушевили его; откуда же возметъ дряхлый вампиръ еще крови, крови праведниковъ, той крови которая 27 Іюня отражала огонь плошекъ зажженныхъ ликующими мѣщанами. Парижъ любилъ игры въ солдаты, онъ посадилъ Императоромъ счастливаго солдата, онъ рукоплескалъ злодѣйствамъ, называемымъ побѣдою, онъ воздвигалъ статуи, онъ мѣщанскую фигуру маленькаго капрала опять поставилъ черезъ 15 лѣтъ на колонну, онъ съ благоговѣніемъ перенесъ прахъ водворителя рабства, онъ и теперь надѣялся найти въ солдатахъ якорь спасенія отъ свободы и равенства, онъ позвалъ орды дичайшихъ африканцевъ противъ братій своихъ, чтобы не дѣлиться съ ними и зарѣзалъ ихъ бездушной рукой убійцъ по ремеслу. Пусть же онъ несетъ послѣдствія своихъ дѣлъ, своихъ ошибокъ. Парижъ разстрѣливалъ безъ суда. Это не можетъ пройти даромъ, кровь зоветъ кровь. Что выйдетъ изъ этой крови? — кто знаетъ, но что бы не вышло — довольно, что въ этомъ разгарѣ бѣшенства, мести, раздора, возмездіе погибнетъ міръ тѣснящій но-

всего человека, мешающій ему жить, мешаю-
щій водвориться будущему — и это прекрасно,
а потому — да здравствуетъ хаосъ и истреб-
ленье!...

Vive la mort!

И да водрузится будущее!

Парижъ.
24 Іюля 1848 года.

III.

LVII годъ

Республики единой и нераздѣльной

Ce n'est pas le socialisme,
C'est la république.

(Изъ рѣчи произнесенной въ Нац. Собр.)

На шумномъ празднествѣ 1 Вандемьера 57 года, въ Шато въ Елисейскихъ поляхъ собрались аристократы демократической республики, всѣ они члены собранія. Къ концу обѣда Ледрю-Ролленъ произнесъ блестящую рѣчь. Рѣчь его наполненная красивыми рѣчами для республики и колкими шпилками для правительства, имѣла полный успѣхъ и заслуживала его. Когда онъ кончилъ раздалось громкое Vive la république démocratique! Всѣ встали и стройно торжественно весь гимнъ запѣли Марсельезу. Слова Ледрю-Роллена, звуки великой пѣсни освобожденія и бокалы вина къ своимъ устамъ одушевили всѣ лица, глаза горѣли и тѣмъ болѣе горьки, что не всѣ сводились въ головѣ вертѣлось на губахъ. Барабанъ лагеря Елисейскихъ Полей напоминалъ что непріятель близко, что осадное положеніе и солдатская диктатура продолжаются; большая часть гостей были люди въ цвѣтѣ лѣтъ, но уже болѣе или менѣе искусившіе свои силы на политической аренѣ. Шумно, горячо говорили они между собою; сколько энергіи, отваги, благородства въ характерѣ

социалистовъ когда они еще не потеряли всю силу хорошаго начала — своей національности или уже вырвались изъ мелкой и грязной среды мѣщанства, которое какъ тина покрываетъ [illegible] своей всю Францію. Что за мужественное, рѣшительное выраженіе въ лицахъ, что за стремительная готовность подтвердить дѣломъ свое слово, сейчасъ итти на бой, стать подъ пулю, казнить, быть казненнымъ. Я долго смотрѣлъ на нихъ и мало по малу не выносимая грусть поднялась со дна души и налегла на мысли, мнѣ стало смертельно жаль эту кучку людей благородныхъ, преданныхъ, умныхъ, даровитыхъ, чуть ли не лучшій цвѣтъ новаго поколѣнія...... Подумайте, что мнѣ ихъ стало жаль потому что можетъ быть они не доживутъ до 1 Брюмера или до 1 Нивоза 57 года, что можетъ черезъ недѣлю они погибнутъ на баррикадахъ, пропадутъ на галерахъ, въ депортаціи, на гильотинѣ, или по новой модѣ ихъ можетъ перестрѣляютъ съ связанными руками [illegible] куда нибудь въ уголъ Карусельской площади, или подъ внѣшніе форты — все это очень печально; но я не объ этомъ жалѣлъ, грусть была глубже. Мнѣ было жаль ихъ откровенное заблужденіе, ихъ добросовѣстную вѣру въ несбыточныя вещи, ихъ горячее упованіе столько же чистое, сколько же призрачное, какъ рыцарство Донъ-Кихота.

Мнѣ было жаль ихъ, какъ бываетъ жаль людей не подозрѣвающихъ страшнаго недуга въ груди своей. Сколько нравственныхъ страданій готовятъ себѣ эти люди — они будутъ биться какъ герои, они будутъ работать всю жизнь и не успѣютъ. Они отдадутъ кровь, силы, жизнь и не состарѣвшись увидятъ, что изъ ихъ труда ничего не вышло что они дѣлали не то что надобно и умрутъ съ горькимъ сомнѣніемъ въ человѣка который невиноватъ; или еще хуже впадутъ въ ребячество и будутъ какъ теперь ждать всякій день огромной перемѣны, водворенія ихъ республики — понимая [illegible] тельныя муки умирающаго за страданія [illegible] гробамъ. Республика такъ какъ они ее понимаютъ отвлеченная и неудобоисполнимая мысль, плодъ теоретическихъ думъ, апотеоза существующаго государственнаго порядка, преображеніе того что есть; ихъ республика послѣдняя мечта; поэтическій бредъ стараго міра. Въ этомъ бреду есть и пророчество, но пророчество относящееся къ жизни за гробомъ, къ жизни будущаго вѣка. Вотъ что они — люди прошедшаго, не смотря на революціонность свою, связанные съ старымъ міромъ на животъ и на смерть — не могутъ понять. Они воображаютъ, что этотъ дряхлый міръ можетъ какъ Улиссъ помолодѣть, — не замѣчая того, что существенныя основы закраины ихъ республики мгновенно его убьютъ; они не

знаютъ, что нѣтъ круче противорѣчія, какъ между ихъ идеаломъ и существующимъ порядкомъ, что одно должно умереть, чтобы другому можно было жить. Они не могутъ выйти изъ старыхъ формъ, они ихъ принимаютъ за какія то вѣчныя границы и оттого ихъ идеалъ носитъ только имя и цвѣтъ будущаго, а въ сущности принадлежитъ міру прошедшему, не отрѣшается отъ него.

— Зачѣмъ они незнаютъ этаго?

— Роковая ошибка ихъ состоитъ въ томъ, что увлеченные благородной любовью къ свободѣ, ближнему, увлеченные нетерпѣніемъ и негодованіемъ, они бросились освобождать людей прежде нежели сами освободились, они нашли въ себѣ силу порвать желѣзныя, грубыя цѣпи, не замѣчая того что стѣны тюрьмы остались. Они хотятъ не мѣняя стѣнъ, дать имъ другое назначеніе, какъ будто планъ острога можетъ годиться для свободной жизни.

— Внѣшній міръ, католико-феодальный, далъ всѣ видоизмѣненія къ которымъ онъ былъ способенъ, развился до высшей степени во всѣ стороны изящную и отвратительную, до обличенія всей истины въ немъ заключенной, и всей лжи, — наконецъ онъ истощился. Онъ можетъ еще долго стоять но обновиться не можетъ, общественная мысль, развивающаяся теперь, такова, что каждый шагъ къ осуществленію ея будетъ выходъ изъ него. — Выходъ! — Тутъ-то и остановка! Куда? Что тамъ за его стѣнами! Страхъ беретъ пустота, ширина, воля... какъ идти не зная куда, какъ терять не видя пріобрѣтеній! Еслибъ Колумбъ такъ разсуждалъ, онъ никогда не снялся бы съ якоря — сумасшествіе ѣхать по океану, по которому никто не ѣздилъ, плыть въ страну, существованіе которой вопросъ. Этимъ сумасшествіемъ онъ открылъ цѣлый міръ. Конечно, еслибъ народы переѣзжали изъ одного готоваго hôtel garni въ другой еще лучшій, было бы легче, да бѣда въ томъ, что некому заготовлять новыхъ квартиръ. Въ будущемъ хуже, нежели въ океанѣ — ничего нѣтъ, оно будетъ такимъ, какимъ его сдѣлаютъ обстоятельства и люди.

— Если вы довольны старымъ міромъ, старайтесь его сохранить, онъ очень хилъ и надолго его недостанетъ, при такихъ толчкахъ какъ 24 Февраля; но если Вамъ не выносимо жить въ вѣчномъ раздорѣ убѣжденій съ жизнью, думать одно и дѣлать другое, выходите изъ подъ выбѣленныхъ средневѣковыхъ сводовъ на свой страхъ; отвага въ иныхъ случаяхъ выше всякой мудрости. Я очень знаю, что это не легко; шутка ли разстаться со всѣмъ къ чему человѣкъ привыкъ со дня рожденія, съ чѣмъ вмѣстѣ выросъ. Люди о которыхъ мы говоримъ, готовы на страшныя жертвы, но не на тѣ, которыхъ требуетъ отъ нихъ новая жизнь. Готовы ли они пожертвовать современной цивилизаціей, образомъ жизни, религіей, принятой условной нравственностью?

Готовы ли они лишиться всѣхъ плодовъ выращенныхъ съ такими усиліями плодовъ, которыми мы обязаны трем столѣтіямъ, которые намъ дороги, лишиться всѣхъ удобствъ и прелестей нашего существованія, предпочесть дикую юность — образованной зрѣлости, необработанную почву, [illegible] полямъ и расчищеннымъ паркамъ, смѣшать свой наслѣдственный замокъ [illegible] удовольствія участвовать въ закладкѣ новаго дома, который построится безъ сомнѣнія послѣ насъ? Это вопросъ безумнаго скажутъ многіе. Его дополнилъ Христосъ иными словами.

— Либералы республиканцы, шутившіе съ идеей революціи и дошутившіеся до 24 Февраля. Народный ураганъ поставилъ ихъ на вершину колокольни и указалъ имъ куда они идутъ и куда ведутъ другихъ, посмотрѣвши на пропасть, открывавшуюся подъ ихъ ногами, они поблѣднѣли; они увидѣли что не только то падетъ, что они считали за предразсудокъ, но и все остальное, что они считали за вѣчное и истинное; они до того перепугались, что одни цѣпенились за падающія стѣны, а другіе остановились колеблющіеся на полдорогѣ и стали клясться всѣмъ прочимъ что они этого не хотѣли. Вотъ отъ чего люди провозгласившіе Республику, сдѣлались палачами свободы; вотъ почему либеральные имена, звучащія въ ушахъ нашихъ [illegible], явились ретроградными іезуитами, [illegible], инквизиторами. Они почитаютъ свободы, даже вступившіе въ извѣстномъ кругѣ литературно образованныхъ. За предѣлами своего умѣреннаго круга они становятся консерваторами. Такъ раціоналистамъ нравилось объяснять тайны [illegible], имъ нравилось раскрывать значеніе и смыслъ мировъ, они не думали, что изъ этого выйдетъ, не думали, что нѣтъ изслѣдованія начинающагося со страха Господня, окончатся атеизмомъ, что ихъ критика церковныхъ обрядовъ приведетъ къ отрицанію религіи.

— Либералы всѣхъ странъ, современи реставраціи, звали народы на низверженіе монархически-феодальнаго устройства во имя равенства, во имя спасенія несчастнаго, во имя страданій притѣсненнаго, во имя голода неимущаго, они радовались [illegible] упадку министровъ отъ которыхъ требовали неудобоисполнимаго, они радовались когда одна династическая подставка падала за другою и до того увлеклись наконецъ, что исполнили собственныя желанія. Они опомнились, когда имъ за [illegible] явился не въ книгахъ, не въ парламентской риторикѣ, не въ сентиментальныхъ разглагольствованіяхъ, а на самомъ дѣлѣ пролетарій, работникъ съ топоромъ и черными руками, голодный и едва одѣтый рубищемъ. Этотъ несчастный обойденный братъ, о которомъ столько

говоришь, смотрѣть такъ мрачно, спросишь наконецъ гдѣ же его доля во всѣхъ благахъ, въ чемъ его свобода, его равенство, его братство? Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли приступомъ улицы Парижа, покрыли ихъ трупами и спрятались отъ брата за штыками осаднаго положенія, спасая цивилизацію и порядокъ!

— Они правы, только они не послѣдовательны. Зачѣмъ же они прежде подкапывали монархію? Какъ же они не поняли, что уничтожая монархическій принципъ, революція не можетъ остановиться на томъ, чтобы вытолкать за дверь какую нибудь династію. Они радовались, какъ дѣти, что Людовикъ-Филиппъ не успѣлъ доѣхать до С. Клу, а ужъ въ Hôtel de Ville явилось новое правительство и дѣло пошло своимъ порядкомъ; въ то время какъ эта легкость переворота должна была имъ показать не существенность его. Либералы были удовлетворены; но народъ не былъ удовлетворенъ. Народъ поднялъ теперь свой голосъ, онъ повторялъ ихъ слова, ихъ обѣщанія, а они какъ Петръ трижды отреклись и отъ словъ и отъ обѣщаній, какъ только увидѣли что дѣло идетъ не на шутку — и начали убійства. Такъ Лютеръ и Кальвинъ анабаптистовъ, такъ протестанты отрекались отъ Гегеля а Гегелисты отъ Фейербаха. Таково положеніе реформаторовъ вообще, они собственно наводятъ только понтоны, по которымъ пробужденные ими народы переходятъ съ одного берега на другой. Для нихъ нѣтъ средины лучше, какъ конституціонное, сумрачное ни то-ни сё. И въ этомъ-то мірѣ словопреній, разлада, и въ ритмахъ противорѣчій не измѣнныхъ хотѣли эти суетные люди осуществить свои идеалы свободы, равенства и братства.

— Формы Европейской гражданственности, ея цивилизаціи, ея добро и зло развиты не другой сущности, развились изъ иныхъ понятій, сложились по инымъ потребностямъ. До нѣкоторой степени формы эти, какъ всё живое, были измѣняемы до нѣкоторой степени, организмъ можетъ восстановляться, отклоняться отъ назначенія, приноравливаться къ внѣшнимъ дѣламъ пока отклоненія не отрицаютъ его особенности, его индивидуальности, то что составляетъ его личность; какъ скоро организмъ встрѣчаетъ такого рода внѣшнихъ, дѣлается борьба и организмъ побѣждается или гибнетъ. Явленіе смерти въ томъ и состоитъ, что составныя части организма получаютъ иную цѣль, онѣ не пропадаютъ, пропадаетъ личность, а онѣ вступаютъ въ рядъ совсѣмъ другихъ отношеній, явленій. Государственныя формы Франціи и прочихъ Европейскихъ державъ не совмѣстимы по внутреннему своему понятію ни со свободой, ни съ равенствомъ, ни съ братствомъ, — всякое осуществленіе этихъ идей будетъ отрицаніемъ современной Европейской жизни, ея смертію. Никакая конституці

никакая правительственная власть не въ состояніи уже феодально-монархическимъ государствамъ истинной свободы и равенства, не низлагая до тла всё феодальное и монархическое. Европейская жизнь христіанская и аристократическая образовала нашу цивилизацію, наши понятія, нашъ бытъ; ей необходима христіанская и аристократическая среда. Среда эта могла развиваться сообразно съ духомъ времени, со степенью образованія, сохраняя свою сущность въ католическомъ Римѣ, въ вольнодумствующемъ Парижѣ, въ философствующей Германіи, но дойти до черты нельзя не переступая границу. Въ разныхъ частяхъ Европы, люди могутъ быть и свободны, неравные и нигдѣ не могутъ быть свободны, равны пока существуетъ эта гражданская форма, пока существуетъ эта цивилизація. Это знали всѣ умные консерваторы, и оттого поддерживали всѣми силами старое устройство. Неужели вы думаете что Меттернихъ и Гизо не видали несправедливости общественнаго порядка ихъ окружавшаго? — но они видѣли, что эти несправедливости такъ глубоко вплетены въ весь организмъ, что стоитъ только коснуться ихъ и всё зданіе рухнетъ; понявши это они стали стражами status quo. А либералы разнуздали демократію, да и хотятъ воротиться къ прежнему порядку. Кто же правъ? Въ сущности разумѣется всѣ неправы — и Гизо и Меттернихъ и Ка-

веньяки, всѣ они умѣли умилостивлять развитіе этихъ идей на минуту, они тѣснили, губили, лили кровь ихъ затѣмъ, чтобы задержать смерть. Ни Меттернихъ своимъ умомъ, ни Кавеньякъ своими солдатами, ни республиканцы съ своимъ непониманіемъ не могутъ въ самомъ дѣлѣ остановить потока, теченье котораго такъ сильно обозначилось, только вмѣсто облегченія они усиливаютъ и не даютъ путь молченымъ стекломъ. Идущіе народы пройдутъ хуже, трудно, изранятъ себѣ ноги, но все таки пройдутъ; сила соціальныхъ идей велика особенно съ тѣхъ поръ какъ онъ началъ понимать истинный врагъ, врагъ по праву существующаго гражданскаго порядка — пролетарій, работникъ, которому достались вся горечь этой формы и жизни, котораго лишены всѣ ея плоды. Намъ еще нравится старый порядокъ вещей, кому же и пожалѣть его какъ не намъ? онъ только для насъ и былъ хорошъ, мы воспитаны имъ, мы его любимцы, мы сознаемся что ему надобно умереть, но не можемъ ему отказать въ слезѣ. Ну, а массы задавленныя работой, изнуренныя голодомъ, притупленныя невѣжествомъ, отчего будутъ плакать на похоронахъ? Они были эти не приглашенные на пиръ жизни, о которыхъ говоритъ Мальтусъ, ихъ подавленность была необходимымъ условіемъ нашей жизни. Все наше образованіе, литературное и научное развитіе, наша любовь изящнаго, наши занятія предполагаютъ среду постоянно расчищаемую другими, приготовленную другими; надо-

иль чи то трудъ или того чтобы намъ доставить досугъ необходимый для нашего психическаго развитія, тотъ досугъ ту деятельную праздность которая способствуетъ мыслителю сосредоточиться, поэту мечтать, эпикурейцу наслаждаться, которая способствуетъ богатому капризному поэтическому развитію, аристократическихъ индивидуальностей. Кто не знаетъ какую свѣжесть предаетъ духу, беззаботное довольство; бѣдность выравнивающаяся до [illegible] - исключеніе; бѣдность страшно искажаетъ душу, заботы объ однихъ матеріальныхъ нуждахъ подавляютъ всѣ другія стороны души. А развѣ довольство можетъ быть доступно всѣмъ при современныхъ гражданскихъ формахъ? Наша цивилизація, цивилизація меньшинства; она возможна только при большинствѣ чернорабочихъ. Я не моралистъ и не сантиментальный человѣкъ, мнѣ кажется если меньшинству было дѣйствительно хорошо, если большинство молчало то эта форма жизни имѣетъ оправданіе. Признаюсь откровенно: я не жалѣю о 20ти поколѣніяхъ Нѣмцевъ потраченныхъ на то, чтобы сдѣлать возможнымъ Гёте и радуюсь что Псковской оброкъ далъ возможность воспитать Пушкина. Природа безжалостна, точно какъ извѣстное растеніе, она мать и мачиха вмѣстѣ она ничего не имѣетъ противъ того, что двѣ трети произведеній идутъ на питаніе одной трети избранныхъ. Когда не могутъ всѣ развиться, все таки не ровно пусть живутъ немногіе, пусть живетъ одна часть на счетъ всѣхъ другихъ, лишь бы кому въ самомъ дѣлѣ было хорошо. Только съ этой точки можно понять аристократію; въ этомъ ея оправданіе, хотя ошибается нечего, ея развитіе обусловливаетъ гибель большинства. Аристократія вообще болѣе или менѣе образованная антропофагія. Каннибалъ который ѣстъ своего невольника, фабрикантъ который богатѣетъ насчетъ своего работника, составляютъ только видоизмѣненія одного и того же людоѣдства. Я готовъ даже защищать и самую грубую антропофагію, если одинъ человѣкъ разсматриваетъ себя, какъ блюдо, а другой хочетъ его съѣсть, пусть съѣстъ они стоютъ того: одинъ чтобы быть людоѣдомъ, другой чтобы быть кушаньемъ. Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколѣній, едва угадывало отчего ему такъ легко жить, пока меньшинство работая день и ночь не догадывалось, что всѣ выгоды, работы - для другихъ - и тѣ и другіе считали это естественнымъ порядкомъ, міръ антропофагіи могъ удержаться. Люди часто принимаютъ предразсудки, привычку за истину и тогда она не тѣснитъ ихъ, но когда они однажды поняли, что ихъ истина - вздоръ, - дѣло кончено, тогда только силою можно заставить сдѣлать то, что человѣкъ считаетъ нелѣпымъ. Уговорить поститъ безъ вѣры нельзя ни подъ какимъ видомъ. Голодать также не возможно считать постнымъ, какъ вкушающему ѣсть скоромное.

Работникъ не хочетъ больше работать для другого — вотъ вамъ и конецъ и антропофагіи, предѣлъ аристократіи. Все дѣло остановилось теперь за тѣмъ, что работники еще не считали силъ своихъ, что крестьяне отстали въ образованіи. Когда они протянутъ руки другъ другу, тогда вы распроститесь съ вашимъ досугомъ, съ вашей роскошью, съ вашей цивилизацiей, тогда кончится поглощеніе большинства на выработываніе свѣтлой и роскошной жизни меньшинству. Въ идеѣ эта эксплуатація человѣка человѣкомъ уже кончена. Кончена потому что работникъ не хочетъ этого, кончена потому что никто не считаетъ это отношеніе справедливымъ! Теперь подумайте какъ же этотъ (буржуазный, аристократическій, монархическій) міръ устоитъ противъ соціальнаго переворота, во имя чего онъ будетъ себя отстаивать? Религія его ослабла, монархическій принципъ потерялъ авторитетъ, поддерживается страхомъ и насиліемъ, демократическій принципъ — ракъ, съѣдающій его въ собственной груди. Какое бремя что нибудь создать, какъ нибудь устроиться. Чувствуете ли вы духоту, тяжесть, усталость, отвращеніе отъ жизни которыя распространяются вмѣстѣ съ судорожными попытками куда нибудь выйти, попытками постоянно не удачными? Всѣмъ на свѣтѣ стало дурно жить, это великій признакъ! Гдѣ эта тихая, созерцательная, кабинетная жизнь съ [illegible] зрѣнія въ которой жили нѣмцы? Гдѣ этотъ вихрь веселья, остротъ, парадоксовъ, въ которомъ кружился Парижъ? Все это прошедшее воспоминаніе! Въ Парижѣ дышать тяжело, въ Лондонѣ дышать невозможно.

— Вотъ какъ внутренній человѣкъ разошелся съ внѣшнимъ! Послѣднее усиліе спасти старый міръ обновленіемъ его собственными началами не удалось — это 24 Февраля. 24 Февраля не можетъ повториться, но [illegible] къ нему не [illegible]: мы знаемъ, что за нимъ идетъ 24 Іюня. Наконецъ что же сказать о мірѣ старой цивилизаціи! Въ немъ все мельчаетъ и вянетъ, нѣтъ талантовъ, нѣтъ творчества; нѣтъ силы мысли, нѣтъ силы воли! Онъ пережилъ эпоху своей славы. Время Шиллера и Гете также прошло, какъ время Рафаэля. Говорятъ они, [illegible] она установилась, становилась въ своемъ развитіи — не подвергнетъ къ тѣмъ страшнымъ катаклизмамъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ пласты земной коры, наполненные костями цѣлыхъ поколѣній погибнувшихъ на ея поверхности. Тихая, [illegible] спокойная метаморфоза свойственна той степени развитія природы, на которой она достигла сознанія. [illegible] на высотѣ ея, а достигнетъ. Но, что для насъ истинно, истинно и понятно только меньшинству, а въ томъ вся печальная задача: что [illegible] дѣло съ большинствомъ. Для того чтобы мысль ясная и разумная для всѣхъ стала [illegible], не достаточно, чтобы она была истинна [illegible]

нужно чтобы его умъ былъ развитъ также какъ вашъ умъ, чтобы онъ не былъ увлеченъ страстію, чтобы онъ былъ освобожденъ отъ преданія. Аристократія оставила массы въ невѣжествѣ — пусть теперь идетъ воспитывать ихъ въ гармоническое развитіе, когда дѣло доходитъ до кровавой борьбы. Какъ вы уговорите славянина подать руку Мадьяру? Какъ вы уговорите работника потерпѣть голодъ и нужды еще поколѣнія два, пока исподволь перемѣнится гражданское устройство? Да если и уговорите его, то какъ уговорите собственника, ростовщика, хозяина — разжать руку, которою онъ держится за свои монополіи и права? Трудно представить себѣ такое самоотверженіе! Что можно было сдѣлать — сдѣлано; развитіе средняго сословія, конституціонный порядокъ уже — ничто иное, какъ промежуточная форма, связующая міръ феодально-монархическій съ соціально-республиканскимъ. Буржуази представляетъ именно это полуосвобожденіе, эту досужую попытку на поприщѣ съ желаніемъ наслѣдовать его власть. Она выиграла для себя и была права. Человѣкъ серьезно думаетъ только тогда, когда дѣлаетъ для себя. Именно же буржуази принимаетъ себя за предѣльное послѣднее звено, не такъ какъ ея нравственный принципъ былъ меньше и хуже прошлаго, а развитіе идетъ быстрѣе и шире, то и нечему дивиться что и міръ буржуази истощился такъ скоро и не имѣетъ въ себѣ силы возможности обновленія. Наконецъ

неумолимъ, съ чѣмъ можетъ быть этотъ переворотъ исподволь? Въ раздробленіи собственности, въ родѣ того, что было сдѣлано въ пору революціи? Земля по смыслу будетъ тогда мельче, мелкіе собственники, худшіе буржуа изъ всѣхъ; всѣ силы таящіяся теперь въ низкой страдательной, но мощной груди пролетаріи изсякнуть. Правда, онъ не будетъ умирать съ голода, да на этомъ и остановится ограниченный клочкомъ земли, или своей коморкой въ рабочихъ казармахъ. Можетъ быть это и будетъ, тогда главный потокъ Исторіи найдетъ себѣ другое русло, онъ не потеряется въ глинѣ и пескахъ, какъ Рейнъ — и забытая всѣми Франція будетъ влачить жизнь, какъ Византія. Можетъ быть сѣверо-американцы останутся живыми представителями Европейской цивилизаціи, такъ какъ Китай представитель древнѣйшихъ народовъ. Но переворота не миновать. Человѣчество не пойдетъ узкимъ и частнымъ проселкомъ, ему надобна широкую дорогу, для того, чтобы расчистить ее, оно не пожалѣетъ ничего.

Природа нѣтъ пристрастія къ конечнымъ превращеніямъ. Ея постоянное стремленіе — жить каждой точкой и быть производительно развиваться всюду. Да и не надо: она стремится во всѣ стороны разомъ, знаетъ что сопряжены условія возникновенія тамъ и возникаетъ, выйдетъ ли изъ этаго что, нѣтъ-ли — ей все равно. Очень часто условія дальнѣйшаго развитія не таковы, условія перваго возникновенія. Начатое вянетъ на полдорогѣ, идетъ въ сторону, явившееся послѣ него отстраняетъ его, или старое мѣшаетъ новому — которое не будь уступитъ. Въ природѣ консерватизмъ также

силенъ какъ и революціонный элементъ. Природа довольна жить и старому и ненужному пока можно, но она не пожалѣла мамонтовъ и мастодонтовъ для того, чтобы уладить земной шаръ для человѣка. Переворотъ погубившій ихъ не былъ направленъ собственно противъ нихъ, если бы они могли какъ нибудь спастись, они уцѣлѣли бы и потомство спокойно и мирно вымирало бы, окруженное средой имъ несвойственной. Мамонты, кожу и кости которыхъ находятъ въ сибирскихъ льдахъ, вѣроятно спаслись отъ геологическаго переворота. Это Каменины и Намоловы въ своемъ мірѣ. Природа ничего не имѣетъ противъ этаго, такъ какъ и исторія. Мы подкладываемъ природѣ и исторіи сантиментальную личность и наши чувствованія, мы забываемъ свой метафорическій языкъ и принимаемъ manière de dire за самое дѣло. Мы вносимъ маленькія правила нашего домашняго хозяйства въ космическую экономію Буанаротти какъ время Вольтера и Руссо. Онъ также не похожъ блестящую эпоху индустріи, какъ прежнюю блестящую эпоху аристократіи; торговля падаетъ, мы нищаемъ, не обогащая никого, кредита нѣтъ, всѣ живутъ со дня на день, образъ жизни дѣлается менѣе изящнымъ, граціознымъ; всѣ жмутся, всѣ боятся, все живутъ какъ лавочники. Домашняя экономія и нравы мелкой буржуазіи сдѣлались общими. Это то тяжелое время, которое давило людей въ III вѣкѣ, когда истратились и пороки и роскошь Рима, когда Императоры стали и вялы и смирны, когда тоска до того измучила людей энергическихъ и безпокойныхъ, что они бѣжали куда нибудь въ Ѳиванскія степи, чтобы не видать этаго міра смерти, кидали на площадь мѣшки золота, разставались навѣки съ родиной и съ прежними богами. Это время настаетъ для насъ, тоска наша растетъ!

— Кайтесь, господа, кайтесь, судъ міру вашему пришелъ, не спасти вамъ его ни осаднымъ положеніемъ, ни республикой, ни казнями, ни благотвореніями, ни даже раздѣленіемъ полей. Можетъ быть судьба его не была такъ плачевна, если бы его защищали не съ такимъ упрямымъ упорствомъ, не съ такой безнадежной ограниченностью. Посмотрите до чего дошли во Франціи; враждебныя партіи не могутъ объясниться, они совершенно не понимаютъ другъ друга. Въ такомъ случаѣ кромѣ истребленія нѣтъ выхода. Или соціализмъ долженъ погибнуть или монархическая христіанская Европа. Подумайте у кого больше шансовъ? Я подержалъ пари за соціализмъ. Трудно, казалось, было Христіанству восторжествовать надъ Римомъ?

— Я воображаю — Тацитъ, Сенека, какъ они умно разсуждали объ этой нелѣпой сектѣ назареевъ съ энергической и полубезумной рѣчью, объ этихъ Пьеръ-Леру помѣшанныхъ людяхъ. На сколько имъ бы самимъ думать надобно было отступиться отъ безнравственнаго философическаго взгляда, чтобъ сдѣлаться поклонниками мистическаго ученія. Вѣроятно какъ бы ни было глубоко Христіанское ученіе, оно не распространилось бы такъ быстро и повсюду, не прошло бы академическими стѣнами и маленькими общинами религіозной секты, въ родѣ Фурьеристовъ, еслибъ оно не встрѣтилось съ древнимъ Римомъ предъ его смертію. Ему не зачѣмъ было жить и

съ своей исключительной цивилизацiей, съ своимъ дряхлымъ государственнымъ устройствомъ отъ угнетенныхъ пролетарiевъ и варваровъ.

— Не обманывайте себя! Новые христiане и варвары готовы, они какъ лава, тяжело шевелящiяся подъ землею, но когда настанетъ ихъ часъ, Геркуланъ и Помпея изчезнутъ, хорошее и дурное, правый и виноватый погибнутъ потому что это будетъ не судъ и не расправа, а катаклизмъ, переворотъ. Эта лава, эти варвары, этотъ новый мiръ, эти назареи идущiе покончить съ дряхлымъ и бессильнымъ и расчистить мѣсто свежему и новому, ближе чѣмъ Вы думаете. Вѣдь это они умираютъ, умираютъ отъ голоду, отъ холоду, отъ устали; надъ вашей головой и подъ Вашими ногами, на чердакахъ и подвалахъ, въ то время когда мы съ вами au premier „Шампанскимъ вафли запиваемъ, толкуемъ о социализмѣ.

— Я знаю, что это не новость, что это и прежде было такъ, да дѣло въ томъ, что прежде они не догадывались, что это очень глупо. И это еще не все: къ этой борьбѣ внутренней, къ этой борьбѣ развитiя присоединилась дикая борьба нацiональностей. Посмотрите на характеръ славянскаго движенiя, на ландкарту Европы. Славяне также какъ пролетарiи ничего не наслѣдовали, кромѣ горя, отъ Европейской цивилизацiи. Они ее точно не пожалѣютъ. Ни скорѣе того, какъ уваженiе къ великой личности Германцевъ утратилось вмѣстѣ съ христiанской идеею личности искупившей, — то народъ сохранившiй общинный бытъ и общинное владѣнiе землею, пошлетъ руку социализму. Но зачѣмъ будущiя формы, вмѣсто прогресса, приведутъ за собою ночь варварства, должны считаться утратами? Не знаю, подумаю, что образованному меньшинству, если онъ доживетъ до этого разгрома и не раскается въ своихъ понятiяхъ, непремѣнно будетъ худо. А многiе возмущаются противъ этого. Я нахожу это утѣшительнымъ. Для меня въ этихъ утратахъ доказательство, что каждая историческая фаза имѣетъ полную дѣйствительность, что каждая достигнутая — есть цѣль, а не средство, отъ того у нея свое благо, свое хорошее, индивидуальной принадлежащее и которое съ нею и гибнетъ.

Что вы думаете римскiе патрицiи очень весело умирали въ образѣ жизни, перешедши въ христiанство, или аристократы до революцiи были не лучше, чѣмъ мы съ вами живемъ? Все это такъ, но мысль объ истребленiи цивилизацiи, бывшаго образованiемъ имѣетъ въ себѣ что то отталкивающее. Мысль, впрочемъ что она необходима, желали бы что бы она сдѣлалась невозможною. Сама природа къ которой жизнь народовъ, имѣетъ ничего не значитъ предъ общимъ развитiемъ, для которой въ противуположность нашимъ субъективнымъ личнымъ индивидуальное — именно индивидуальное ничего не значитъ: ни ихъ ее широкаго обзора ничего не мѣшаетъ утратиться, какъ бы оно не измѣнялось.

IV.

Vixerunt.

Смертію смерть поправъ.

12 Ноября 1848 года, въ Парижѣ погода была ненастная, сырой вѣтеръ съ преждевременнымъ снѣгомъ и инеемъ въ первый разъ носилъ угро-жающее напоминаніе о приближеніи зимы. Зима между тѣмъ какъ общественное несчастіе, неимущіе приготовлялись дрогнуть въ нетопленныхъ мансардахъ безъ теплой одежды, безъ достаточной пищи, смертность увеличивается въ эти два мѣсяца, изморозь, гололедица и сырость, лихорадки изнуряютъ и истощаютъ силы рабочихъ людей.

— Въ этотъ день совсѣмъ не разсвѣтало, мокрый снѣгъ тая падалъ безпрерывно въ туманномъ воздухѣ, вѣтеръ рвалъ шляпы и съ ожесточеніемъ теребилъ сотни трехцвѣтныхъ флаговъ привязанныхъ къ высокимъ шестамъ около площади Согласія. Густыми массами стояли на ней войска и народные стражи, въ воротахъ Тюльерійскаго сада былъ раздвинутъ какой-то навѣсъ съ христіанскимъ крестомъ на верху, отъ сада до средины площадь оцѣпленная солдатами, была пуста. Линейные полки, мобиль, уланы, драгуны и артиллерія наполняли всѣ улицы идущія къ площади. Незнакомому нельзя было догадаться что тутъ готовилось — не свадьба ли царская тайно — не объявленіе ли что отечество въ опасности ...? Нѣтъ, это было 21е Января не для Короля, а для народа, для революціи — это были похороны 24 Февраля?...

Часу въ десятомъ утра нестройная кучка пожилыхъ старца пробиралась черезъ мостъ, печально плелись они, поднявши воротники пальто и выискивая не твердой ногой гдѣ посуше ступить. Одинъ закутанный въ американскій капишонъ, едва выказывалъ жесткія, суровыя черты средневѣковаго кондотьера; въ его изжудаломъ и болѣзненномъ лицѣ не примѣшивалось ничего человѣческаго, смягчающаго къ чертамъ хищной птицы; отъ лицой фигуры его вѣяло бѣдой и несчастіемъ. Другой толстый [illegible], съ кудрявыми сѣдыми волосами, шелъ въ одномъ фракѣ, съ видомъ изученной, оскорбительной небрежности; на его лицѣ некогда красивомъ осталось одно выраженіе сладострастно-сознательнаго довольства почетомъ, своимъ мѣстомъ.

— Ни какое препятствіе не встрѣтило ихъ, одни покорные ружья брякнули на караулъ. Въ то же время съ противуположной стороны, отъ Мадлены двигалась другая кучка людей еще болѣе странныхъ въ фіолетово-лиловомъ нарядѣ въ митрахъ и ризахъ; — окруженные кадильницами, съ четками и молитвенниками, они казались давно умершими и забытыми тѣнями

соціальныхъ вѣковъ.

— Зачѣмъ они это и другіе?

Одни изъ нихъ провозгласить подъ охраною ста тысячъ штыковъ народную волю, уложеніе составленное подъ выстрѣлами; обсужденное въ осадномъ положеніи во имя свободы, равенства и братства; другіе пришли благословить этотъ плодъ софистики и революціи во имя отца и сына и святаго духа.

— Народъ не пришелъ даже взглянуть на эту пародію. Онъ грустными толпами гулялъ около общаго гроба всѣхъ павшихъ за него братій, около Іюльской колонны. Мелкіе лавочники, разнощики, сидѣльцы, дворники близь лежащихъ домовъ, трактирные слуги, да наша братія-иностранные туристы составляли кайму за шпалерами войскъ и вооруженныхъ буржуа. Но и эти зрители смотрѣли съ удивленіемъ на чтеніе, котораго слышать было невозможно, на маскарадныя платья судей — красныя, черныя, съ мѣхомъ и безъ мѣха, на скатъ который блисталъ въ глаза, на боевой порядокъ войскъ, которому придавали что то грозное выстрѣлы съ эспланады инвалиднаго дома; солдаты и народъ невольно напоминали іюньскіе дни, сердце сжималось. Лица у всѣхъ были омрачены будто всѣми овладѣло сознаніе своей неправоты — одни отъ того что совершаютъ преступленіе, другіе отъ того что участвуютъ въ немъ допустивши его. При малѣйшемъ шорохѣ, тысячи головъ оборачивались, ожидая вслѣдъ за тѣмъ свиста пули; крика возстанія, мѣрный звукъ набата. Вьюга продолжалась.

Войска промокнувшія до костей, роптали, наконецъ ударили въ барабаны, масса шевельнулась и началось безконечное дефилированіе подъ звуки Mourir pour la patrie, которыми замѣнили Марсельезу.

Около этого времени молодой человѣкъ, съ которымъ мы уже знакомы, пробрался сквозь толпу къ человѣку среднихъ лѣтъ и сказалъ ему съ знаками истинной радости. Вотъ неожиданное счастіе, — я не зналъ что вы здѣсь! —

— Ахъ, здравствуйте! — отвѣчалъ тотъ дружески протягивая ему обѣ руки. — Давно ли вы пріѣхали?

— На дняхъ.

— Откуда?

— Изъ Италіи.

— Ну что — плохо?

— Лучше и не говорить — скверно.

— Что, мой милый мечтатель и идеалистъ, — я зналъ что вы не устоите противъ февральскаго искушенія и приготовите себѣ этимъ много страданій. Страданія всегда достигаютъ уровня надеждъ.

— Вы всегда стояли за застой, на дремоту въ Европѣ. Съ этой стороны кажется, нельзя васъ упрекнуть теперь?

— Не смѣйтесь! Есть обстоятельства надъ которыми смѣяться не хорошо, какой бы скептицизмъ ни былъ въ душѣ. Смѣхъ неумѣстенъ подчасъ; время ли шутить? Мнѣ, я признаюсь вамъ страшно обернуться, страшно вспомнить годъ тому назадъ, какъ мы съ вами разстались, и точно вѣкъ прошелъ. Видѣть исполняющимися всѣ лучшія упованія, всѣ задушевныя надежды, видѣть возможность ихъ осуществленія — и пасть такъ глубоко, такъ низко!

все утратить и не вдругъ, не въ борьбѣ съ врагомъ, а отъ собственнаго безсилія, не уменья — это страшно. Мнѣ стыдно встрѣчаться съ какимъ нибудь легити-мистомъ; они смѣются въ глаза и я чувствую что они правы. Какая школа — не развитія а при-тупленія всѣхъ способностей. Я несчастно радъ что столкнулся съ Вами, у меня наконецъ просто сдѣ-лалась необходимость васъ видѣть; я съ вами за эти ссорился и мирился, написалъ вамъ каж-дое предлинное письмо и теперь душевно радъ, что изорвалъ его — оно было полно дерзкихъ надеждъ, я думалъ васъ побить ими, а теперь мнѣ хотѣ-лось бы, чтобы вы окончательно уговорили меня, что этотъ міръ гибнетъ, что ему выхода нѣтъ, что ему назначено заглохнуть, порости травой. Теперь вы меня не огорчите, да впрочемъ я и не жду облегченія отъ встрѣчи съ вами; отъ ва-шихъ словъ мнѣ всегда становится тяжелѣе, а не легче .. да я этого-то и хочу... убѣдите меня и я завтра ѣду въ Марсель и отправлюсь съ пер-вымъ пароходомъ въ Америку или въ Египетъ, лишь бы вонъ изъ Европы. Я усталъ и изнемогаю здѣсь, я чувствую боль въ груди, въ мозгу; я сойду съ ума если останусь.

— Мало нервныхъ болѣзней, упорные идеализма. Я васъ застаю послѣ всѣхъ событій, случившихся въ послѣднее время, такимъ какъ оставилъ. Вы лучше хотите страдать, чѣмъ понимать. Идеалисты, большіе баловни и большіе трусы, я уже извинялся за это выраженіе — вы знаете, что тутъ рѣчь не о личной храбрости, ея почти слишкомъ много. Идеалисты трусы передъ ис-тиною, вы ее отталкиваете, вы боитесь фактовъ, не идущихъ подъ ваши теоріи. Вы думаете что помимо открытыхъ Вами путей, нѣтъ міру спасенія; вы хотите чтобы за вашу преданность міръ плясалъ по вашей дудкѣ и какъ только за-мѣчаете, что у него свой шагъ и свой тактъ, вы сердитесь, вы въ отчаяніи, вы даже не имѣете любопытства посмотрѣть на его собственную пляску.

— Называйте какъ хотите трусостію или глупостію — но дѣйствительно у меня нѣтъ лю-бопытства видѣть этотъ макабрскій та-нецъ, у меня нѣтъ пристрастія римлянъ къ страшнымъ зрѣлищамъ, можетъ отъ того, что я не понимаю всѣхъ тонкостей — искусства умирать. — Достоинство мученичества мирится съ достоинствомъ зрителя. Публика Колизея со-стояла изъ этой же праздной толпы, которая тѣснилась на аутодафе, на казняхъ, — съ охотою пришла бы сюда чтобъ чѣмъ нибудь занять внут-реннюю пустоту, завтра пойдетъ съ тѣмъ же усердіемъ смотрѣть, какъ будутъ вѣшать какого нибудь изъ нынѣшнихъ героевъ. Есть дру-гое болѣе почтенное любопытство, корни его въ болѣе здоровой почвѣ, оно ведетъ къ знанію, къ изученію, оно мучится надъ неоткрытой тайною свѣта, подвергается заразѣ, чтобы узнать ее свойство.

— Словомъ, которое имѣетъ въ виду пользу, ка-кая же польза смотрѣть на умирающихъ; знаю

что время помощи прошло? Это просто поэтическое любопытство.

— Для меня это поэтическое любопытство, какъ вы называете его, чрезвычайно человѣчественно — я уважаю Плинія, остающагося досматривать грозное изверженіе Везувія въ своей лодкѣ, забывающаго явную опасность. Удалиться было бы разумнѣе и во всякомъ случаѣ покойнѣе.

— Я понимаю намёкъ, но сравненіе Ваше не совсѣмъ идетъ. При гибели Помпеи нечего было дѣлать человѣку — смотрѣть или идти прочь зависѣло отъ него. Я хочу уйти не отъ опасности, а отъ того что не могу оставаться долѣе; подвергаться опасности гораздо легче, нежели кажется людямъ; но видѣть гибель сложа руки, знать что не принесешь никакой пользы, понимать чѣмъ можно бы помочь и не имѣть возможности передать, указать, растолковать, быть празднымъ свидѣтелемъ, какъ люди пораженные какимъ-то повальнымъ безуміемъ, мечутся, клянутся, губятъ другъ друга, какъ ломится цѣлая цивилизація, какъ цѣлый міръ вызывая хаосъ и разрушеніе — это выше силъ человѣка. Съ Везувіемъ нечего дѣлать, но въ мірѣ исторіи человѣкъ дома, тутъ онъ не только зритель но и дѣятель, тутъ онъ имѣетъ голосъ и если не можетъ принять участіе, такъ долженъ протестовать хоть своимъ отсутствіемъ.

— Человѣкъ конечно дома въ исторіи, — но изъ Вашихъ словъ можно подумать, что онъ гость въ природѣ, какъ будто между природой и исторіей каменная стѣна. Я думаю онъ тамъ и тутъ дома, но ни тамъ ни тутъ не самовластный хозяинъ. Человѣкъ отъ того не такъ оскорбляется непокорностью природы, что ея самобытность очевидна для него; мы вѣримъ въ ея дѣйствительность независимую отъ насъ, а въ дѣйствительность исторіи, особенно современной, не вѣримъ; въ исторіи человѣку кажется воля вольная дѣлать что хочетъ. Все это горькіе слѣды дуализма, отъ котораго такъ долго двоилось у насъ въ глазахъ и мы колебались между двумя оптическими обманами; дуализмъ утратилъ свою грубость, но и теперь незамѣтно остается въ нашей душѣ. Нашъ языкъ, наши первыя понятія, сдѣлавшіяся естественными отъ привычки, отъ повтореній, мѣшаютъ видѣть истину. Если бы мы не знали съ пятилѣтняго возраста, что исторія и природа совершенно разное, намъ было бы легко понимать, что развитіе природы незамѣтно переходитъ въ развитіе человѣчества, что это двѣ главы одного романа, двѣ фазы одного процесса, очень далекіе на окраинахъ и чрезвычайно близкіе въ срединѣ. Насъ не удивило бы тогда, что доля всего совершающагося въ исторіи покорена физіологіи, темнымъ влеченіямъ. Разумѣется законы историческаго развитія не противуположны законамъ логики, но они не совпадаютъ въ своихъ путяхъ, съ путями мысли, такъ какъ ни что въ природѣ не совпадаетъ съ отвлеченными нормами, которыя строитъ чистый разумъ. Зная это мы устремились бы на изученіе, на открытіе

этихъ физиологическихъ развитий влияний. Знаемъ ли мы это? Занимался ли кто нибудь серьезно физиологией общественной жизни, историей какъ действительно объективной наукой? ни кто – ни радикалы, ни консерваторы, ни философы, ни филологи, ни историки.

– Однако действовали много, может быть потому что намъ также естественно делать историю какъ пчеламъ медъ, что это не плодъ размышлений, а внутренняя потребность духа человеческаго.

– Вы хотите сказать инстинктъ. Вы правы. онъ велъ, онъ и теперь еще ведетъ массы, но мы не въ томъ положении, мы утратили дикую чуткость инстинкта, мы настолько рефлекторы, что заглушили въ себе собственныя влечения, которыми история пробивается къ дальнейшему. Мы вообще городские жители равно лишены нравственнаго и физическаго такта, – земледелецъ, морякъ знаютъ вперёдъ погоду, а мы нетъ. У насъ осталось отъ инстинкта одно беспокойное желание действовать – и это прекрасно. Сознательнаго действия, тоесть такого, которое вполне удовлетворяло, не может еще быть, мы действуемъ еще ощупью. Мы все пробуемъ втеснить свои мысли, свои желания – среду насъ окружающую, и эти опыты постоянно неудачные служатъ для нашаго воспитания. Вы досадуете что народы не исполняютъ мысль дорогую Вамъ, ясную для васъ, что они не умеютъ спастись оружием, которое вы имъ даете – и перестать страдать; но почему вы думаете, что народъ долженъ исполнять вашу мысль, а не свою, – именно въ то время, а не въ другое? Уверены ли вы, что средство вами придуманное не имеетъ неудобствъ, уверены ли вы что народъ понимаетъ его, уверены ли вы, что нетъ другого средства, нетъ целей шире? Вы можете угадать народную мысль, это будетъ удача, но скорее Вы ошибетесь. Вы и массы принадлежите двумъ разнымъ образованиямъ, между вами века, больше нежели океаны, которые теперь переплываютъ такъ легко. Массы полны тайныхъ влечений, полны страстныхъ порывовъ, у нихъ мысль не разъединилась съ фантазией, у нихъ она не остается по нашему теорией, она у нихъ переходитъ тотъ часъ въ действие, имъ оттого и трудно привить мысль, что она не шутка для нихъ. Оттого они иногда обгоняютъ самыхъ смелыхъ мыслителей, увлекаютъ ихъ по неволе, покидаютъ среди дороги техъ, которымъ поклонялись вчера и отстаютъ отъ другихъ вопреки очевидности, они дети, они женщины, они капризны, бурны непостоянны. Вместо того чтобы изучить эту самостоятельную физиологию рода человеческаго, сродниться, понять ея пути, ея законы, мы принимаемся критиковать, учить, приходить въ негодование, сердится, какъ будто народы или природа отвечаютъ зачто нибудь,

какъ будто имъ есть дѣло, нравится или не нравится ихъ жизнь, которая влечётъ ихъ поневолѣ къ извѣстнымъ цѣлямъ и безсознательнымъ дѣйствіямъ! Въ старые годы это дидактическое, героическое отношеніе имѣло своё оправданіе, но теперь оно становится смѣшно и ведётъ насъ къ битой роли разочарованныхъ. Вы оттого только, что остаётесь въ Европѣ, васъ возмущаетъ эта свирѣпая, тупая и подобострастная реакція, и меня также, но вы вѣрные романтизму сердитесь, хотите бѣжать для того только, чтобы не видѣть истины. Я согласенъ, что пора выходить изъ нашей искусственной, условной жизни, но не бѣгствомъ въ Америку. Что вы тамъ найдёте? Сѣверные Штаты, послѣднее опрятное изданіе того же феодально-христіанскаго текста, да ещё въ грубомъ англійскомъ переводѣ; годъ тому назадъ отъѣздъ вашъ не имѣлъ бы ничего удивительнаго — обстоятельства тащились тошно, вяло. А какъ же ѣхать въ пущій разгаръ перелома, когда всё въ Европѣ бродитъ, работаетъ, когда падаютъ вѣковые стѣны, кумиръ валится за кумиромъ, когда въ Вѣнѣ научились строить баррикады.....

— Дополните, пожалуйста, — а въ Парижѣ научились ихъ ломать ядрами, когда вмѣстѣ съ кумирами (которые впрочемъ возстановляются на другой день) падаютъ никогда лучшіе плоды Европейской жизни, такъ трудно выработанные, выращенные вѣками. Я вижу судъ, я вижу казнь, смерть; но я не вижу ни воскресенія, ни помилованія. Эта часть свѣта кончила своё, силы ея истощились, народы, жившіе въ этой полосѣ, дожили до конца своего призванія; они начинаютъ тупѣть, отставать. Исторія по видимому нашла другое русло, я иду туда. Вы мнѣ сами доказывали въ прошломъ году что-то подобное — помните на пароходѣ, когда мы тащились изъ Генуи въ Чивиту.

— Помню это было передъ грозой. Только тогда вы возражали мнѣ, а теперь согласились черезъ край. Вы ни жизнію ни мыслію дошли до вашего новаго взгляда, оттого выводъ спокойнаго характера, онъ имѣетъ у васъ характеръ судорожный; вы дошли до него par dépit, отъ минутнаго отчаянія, которымъ вы наивно и безъ намѣренія прикрыли прочныя надежды. Если-бъ этотъ взглядъ не былъ въ васъ капризомъ будирующаго любовника, а просто трезвымъ знаніемъ того, что дѣлается, вы иначе выражались бы, иначе смотрѣли бы, вы оставили бы личную запальчивость, вы забыли бы себя тронутые и исполненные ужаса, при видѣ трагической судьбы, совершающейся предъ вашими глазами; но пессимисты скупы на то, чтобы отдаваться, они также упорно себя любятъ, какъ монахи, которые переносятъ всякія лишенія, не выпуская изъ виду себя, свою личность, награду.

Чего вы боитесь оставаться здѣсь? развѣ вы уходите при началѣ 5 дѣйствія трагедіи, боясь растроить нервы? Судьба Эдипа не облегчится тѣмъ, что вы оставите партеръ, онъ все также погибнетъ. Оставаться до послѣдней сцены лучше, иногда зритель задавленный, смятый несчастіями Гамлета, встрѣтитъ молодого Фортинбраса полнаго жизни и надеждъ. Самое зрѣлище смерти торжественно — въ немъ лежитъ великое поученіе..... Туча, висѣвшая надъ Европой, недозволявшая никому свободно дышать, разразилась, молнія за молніей, ударъ за ударомъ, земля трясется, а вы хотите ѣхать оттого что Радецкій взялъ Миланъ, а Кавеньякъ Парижъ. Вотъ что значитъ не признавать объективность исторіи; я не хвалю смиреніе, но въ этомъ случаѣ смиреніе показываетъ пониманіе, путь въ это покорности передъ исторіей, признаніе ея. Сверхъ того она лучше идетъ, нежели можно было ожидать. Зачѣмъ же вы сердитесь? «Мы приготовились зачахнуть, угаснуть въ нездоровой и утомительной средѣ медленнаго старчества, а у Европы вмѣсто маразма, открылся тифусъ; она рушится, разваливается, тлѣетъ, забывается..... забывается до того, что въ ея борьбахъ обѣ стороны бредятъ, и не понимаютъ больше ни себя, ни врага. Пятое дѣйствіе трагедіи началось 24 Февраля; грусть, тревожное состояніе духа совершенно естественно, но далекъ современный, серьезный человѣкъ не изумится при такихъ обстоятельствахъ, но это далеко отъ отчаянія и вашего взгляда. Вы воображаете, что вы отчаяваетесь оттого, что вы революціонеръ — и ошибаетесь: вы отчаяваетесь оттого что вы консерваторъ.

— Очень благодаренъ; по вашему я стою на одной доскѣ съ Радецкимъ и Виндишгрецомъ.

« Нѣтъ, вы гораздо хуже. Какой же консерваторъ Радецкій? Онъ всё ломаетъ, чуть не подорвалъ порохомъ Миланскій соборъ. Не ужели вы серьезно полагаете, что это консерватизмъ, когда дикіе Кроаты берутъ приступомъ Австрійскіе города и не оставляютъ тамъ камня на камнѣ? Ни они, ни ихъ генералы не знаютъ что дѣлаютъ, но только они не охраняютъ. Вы всё судите по названіямъ: эти за императора — консерваторы, эти за республику — революціонеры. Нынче монархическое начало и консерватизмъ дерутся съ обѣихъ сторонъ. Самый вредный консерватизмъ тотъ, который со стороны республики, тотъ который проповѣдуете вы.

— Однако не мѣшало бы сказать что я стремлюсь сохранить, въ чемъ именно мой революціонный консерватизмъ.

« Скажите вслѣдъ вашъ досады что конституціи, которыя сейчасъ провозглашаютъ, такъ глупы.

— Разумѣется.

« Васъ сердитъ, что движеніе въ Германіи ушло

свою франкфуртскую воронку и знали, что Карлъ Альбертъ не отстоитъ независимость Италіи, что Пій IX окажется какъ то изъ рукъ вонъ плохъ?
— Что же изъ этого! — я не хочу и защищаться.
„Это то и есть консерватизмъ. Если бы ваши желанія исполнились, было бы торжественное оправданіе стараго міра. Все было бы оправдано кромѣ революціи.
— Стало быть намъ остается радоваться, что Кроатцы подавили Ломбардію?
„Зачѣмъ радоваться! ни радоваться, ни удивляться, — Ломбардія не могла освободиться демонстраціями въ Миланѣ и помощію Карла Альбрехта.
— Хорошо вамъ разсуждать объ этомъ sub specie aeternitatis .... Впрочемъ я умѣю отдѣлять человѣка отъ его діалектики; я увѣренъ что вы забыли бы всѣ ваши теоріи передъ грудами труповъ, передъ ограбленными городами, оскорбленными женщинами, передъ дикими солдатами въ бѣлыхъ мундирахъ
„Вы вмѣсто отвѣта, опять вызываете къ состраданію которое всегда удается. Сердце есть у всѣхъ кромѣ нравственныхъ уродовъ; судьбы Милана также легко тронуть, какъ судьбой Герцогини Ламбаль, человѣку естественно сострадать, вы не вспомните Лукреція, что нѣтъ больше наслажденія, какъ смотрѣть съ берега на тонущій корабль — эта клевета поэта. Случайныя жертвы, падающія отъ дикой силы

возмущаютъ въ нравственномъ существѣ нашемъ. Я не видалъ Радецкаго въ Миланѣ, но видѣлъ чуму въ Александріи, я знаю какъ эти роковые бичи унижаютъ, оскорбляютъ человѣка но не должно плакать и останавливаться — бѣдно, слабо. Рядомъ съ негодованіемъ въ душѣ является непреодолимое желаніе противудѣйствія, борьбы, изслѣдованія, исканія средствъ, причинъ. Чувствительностію не разрѣшишь этихъ вопросовъ. Доктора разсуждаютъ о трудно-больномъ не такъ какъ безутѣшные родственники, они могутъ въ душѣ плакать, принимать участіе, но для борьбы съ болѣзнью надобно понимать, а не слезы. Наконецъ когда бы врачъ и любилъ больнаго, онъ не уполномоченъ теряться, онъ не долженъ удивляться приближенію смерти, неотразимость, которой онъ понялъ. Впрочемъ если вы только жалѣете только тѣхъ гибнувшихъ при этомъ страшномъ броженіи и разгромѣ, вы правы; къ безчувственности надобно воспитаться; люди неимѣющіе никакого состраданія къ ближнему — военачальники, министры, судьи, палачи — всю жизнь свою отучили себя отъ всего человѣческаго, если бъ это не удалось имъ, они остановились бы на полдорогѣ. Ваши слова оправданы и я не имѣю вамъ утѣшенія кромѣ одного химическаго: вспомните, что все случившееся отъ возстанія въ Палермо до взятія Въ [illegible] не стоило болѣе тысячи людей погибнувшихъ на примѣръ подъ Вильною. Наши понятія такъ сильны, что мы не умѣемъ считать падшихъ, или они намъ въ радость,

понесла не смерть другая, не убійство, а гражданская чума, называемая рекрутством. Нашим ли варварам знать по крайней мѣрѣ за что погибать, ну, а что если бъ могли слышать тильзитское свиданіе двухъ Императоровъ, имъ бы пришлось покраснѣть за свою храбрость. «Изъ чего мы съ вами деремся?» спросилъ Наполеонъ — «это недоразумѣніе». Въ самомъ дѣлѣ не изъ чего — отвѣчалъ Александръ и они поцѣловались. Десятки тысячъ воиновъ съ удивительной отвагой, перебили бездну другихъ и сами легли костьми изъ недоразумѣнія. Какъ бы то нибыло — Requiescant; много ли погибло людей, повторять ихъ жаль, очень жаль. Но мнѣ кажется, что вы печалитесь не объ однихъ убитыхъ, вы еще что то оплакиваете!

— Очень многое. Я оплакиваю революцію 24 Февраля, такъ величественно начавшуюся и такъ скромно погибнувшую. Республика была возможна, я ее видѣлъ, я дышалъ ея воздухомъ; республика была не мечта, а быль, — и что жъ изъ нея сдѣлали? Мнѣ ее жаль такъ, какъ жаль Италію, проснувшуюся для того, чтобы на другой день быть подавленной, такъ какъ жаль Германію, которая встала во весь ростъ для того, чтобы на другой же день пасть къ ногамъ своихъ тридцати помѣщиковъ. Мнѣ жаль, что человѣчество опять отодвинулось на цѣлое поколѣніе, что движеніе опять замерло, остановлено.

«Что касается до движенія, естественно — его не остановишь. Я вижу нашихъ временъ [illegible] когда нибудь [illegible] и видите какъ я былъ правъ упрекая васъ въ консерватизмѣ, онъ у васъ доходитъ до противорѣчія. Но вы ли мнѣ растолковали, гдѣ тому начало, о страшномъ нравственномъ паденіи образованныхъ сословій во Франціи и вдругъ повѣрили, что за ночь они сдѣлались республиканцы, только что [illegible] въ три дни упрямаго старика и [illegible] упорнаго квакера окруженнаго мелкими [illegible]; позволить сѣсть [illegible] ному теофилантропу окруженному мелкими журналистами.

— А теперь легко быть проницательнымъ.

«И тогда было не трудно. 26 Февраля опредѣлило весь характеръ 24го. Всѣ не консерваторы поняли, что эта республика игра словъ. Бланки и Прудонъ, Барбесъ и Пьеръ Леру. Тутъ не пророчества нуженъ, а навыкъ добросовѣстнаго изученія, привычка наблюдать, вотъ отчего я и рекомендую укрѣплять [illegible] науками естественными. Натуралистъ привыкаетъ не вносить до поры до времени ничего своего, смотритъ, выжидаетъ; онъ не пропуститъ ни одного признака, ни одной перемѣны, — онъ ищетъ истину безкорыстно, не прикладывая ни любви своей, ни своей ненависти. Замѣтьте, что самый проницательный публицистъ первой революціи былъ коновалъ и что единственный Распаль 27 Февраля писалъ въ своемъ

журналъ, который дѣлали студенты въ quartier latin то, что теперь всѣ увидѣли, но чего уже поправить нельзя. Непростительно было ждать что нибудь отъ политическаго сюрприза 24 Февраля — кромѣ броженія; оно и началось съ этого дня и это великій результатъ его, отрицать броженія нельзя, оно влечетъ Францію и всю Европу отъ потрясенія къ потрясенію. Того ли вы хотѣли, того ли ждали? Нѣтъ, вы ждали что благоразумная республика удержится на золотушныхъ ножкахъ ламартиновской елейности, обвернутыхъ болтовнею Ледрю-Роллена. Это было бы всемірное несчастіе, такая республика была бы сильнымъ тяжелымъ тормазомъ, который задержалъ бы всѣ колеса Исторіи. Республика Временнаго правительства, основанная на старыхъ монархическихъ началахъ, была бы хуже всякой монархіи. Она явилась не какъ насиліе силы, а какъ вольное соглашеніе, не какъ историческое несчастіе, а какъ нѣчто раціональное, справедливое съ своимъ тупымъ большинствомъ голосовъ и съ своею ложью на знамени. Слово «республика» имѣло ту нравственную силу, которой нѣтъ болѣе ни у одного трона; обманывая своимъ именемъ, она ставила тѣ-[illegible] для поддержки падающаго государственнаго устройства. Реакція спасла движеніе, реакція сбросила маски и этимъ

спасла революцію. Люди, которые годы оставались въ опьянѣніи отъ ламартиновскаго лауданума, протрезвились отъ трехмѣсячнаго неясного положенія; они знаютъ теперь, что значитъ усмирять возмущенія во имя этой республики. Вещи, которыя были доступны для нѣкоторыхъ человѣкъ, доступны всѣмъ. Всѣ знаютъ что не Бонапартъ виноватъ, но томъ что удалось что винить [illegible] глупо, что онъ больше гадокъ нежели виноватъ. Реакція не зная что дѣлаетъ, [illegible] била ноги послѣднимъ кумирамъ, за которыми какъ за престоломъ въ алтарѣ прятался старый порядокъ. Народъ не вѣритъ теперь въ республику и превосходно дѣлаетъ, пора перестать вѣрить въ какую бы то ни было единую, спасающую церковь. Форма республики была на мѣстѣ въ 93м году, она тогда была колоссальна, велика, тогда она проявила [illegible] родъ гигантовъ, которыми заканчивается финальная эра политическихъ переворотовъ. Формальная республика показала себя послѣ Іюньскихъ дней. Теперь начинаютъ понимать несовмѣстность братства и равенства съ этими [illegible] ассизами, свободы и [illegible] подъ именемъ военносудныхъ комиссій, и теперь никто не вѣритъ въ подтасованныхъ присяжныхъ, которые рѣшаютъ въ жмурки судьбу людей безъ апелляцій, въ гражданское устройство защищающее только собственность, ссылающее людей безъ суда мѣры

вѣщественнаго спасенія, состоящаго лишь въ численномъ постояннаго войска, которые не спрашивая причины, готовы спустить курокъ по первой командѣ. Вотъ польза реакціи. Сомнѣнія срослись, занимаютъ умы, заставляютъ задумываться, а нелегко было дойти до нихъ, особенно французамъ, которые туги на пониманіе новаго, несмотря на всю остроту своего. Иначе въ Германіи; берлинцы, Вѣна цѣлась сначала, они были обрадовались своихъ лучшихъ, съ которыми скучали цѣлыми 35 лѣтъ. Теперь испытавъ реакцію и зная по опыту, что такіе дѣти и нѣмцы, они не удовлетворятся ни какой хартией, писанной, ни взятой, они сдѣлалось для нѣмца тѣмъ, чѣмъ для человѣка игрушка, которою онъ игралъ ребенкомъ. Европа догадалась, благодаря реакціи, что представительная система лишь хитро придуманное средство перегнать въ слова и безконечные споры общественныя потребности и энергическую готовность дѣйствовать. Вмѣсто того, чтобы радоваться этому, вы негодуете. Вы негодуете за то что національное собраніе, составленное изъ реакціонеровъ, излишнее не меньше бѣдствій; подъ вліяніемъ трусости бестыдно нелѣпость; а почему же это великое доказательство, что ни выборныхъ соборовъ для законодательства, ни представителей въ родѣ первосвященниковъ — вовсе не нужно, что узкой конституціи теперь встрѣчать невозможно. Не слишкомъ ли писать духовную для французскихъ поколѣній, коимъ у дряхлаго міра есть ли время на то, чтобъ распоряжаться будущимъ и пріобрѣтать какое-нибудь духовное завѣщаніе? Вы оттого не нуждаетесь всѣмъ этимъ несчастьемъ, что вы консерваторъ, что вы сознательно или нѣтъ принадлежите этому міру. Въ прошломъ году, сердясь, негодуя на него, вы не выходили изъ него, за это онъ обманулъ васъ 24 Февраля; вы повѣрили, что онъ можетъ спастись домашними средствами, легитаціей, реформами, что онъ можетъ обновиться, оставаясь при старомъ, вы вѣрили, что онъ можетъ исправиться и теперь вѣрите. Сдѣлался умѣренный бунтъ, провозгласи Французы Леонъ-Ролина президентомъ, вы опять придете въ восторгъ. Пока вы молоды, это простительно, но оставаться въ этомъ направленіи надолго, я не совѣтую — вы сдѣлаетесь смѣшны. У васъ натура сильная, воспріимчивая — переступите послѣдній заборъ, отрясите послѣднюю пыль съ сапогъ вашихъ и убѣдитесь что маленькія революціи, маленькія перемѣны, маленькія Жиро, республики недостаточны, — кругъ дѣйствія ихъ слишкомъ ограниченъ, онъ теряетъ всякій интересъ. Не надѣйтесь подслуживаться, всѣ они заражены консерватизмомъ. И ихъ отдать справедливость. Разумѣется они имѣютъ свою хорошую сторону, въ Римѣ при Піи IX стало лучше чѣмъ не знаю при поганомъ и зломъ Григоріи XVI; республика 26 Февраля въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даетъ больше

удобную форму для новыхъ идей, нежели монархія, но всѣ эти паллиативныя средства столько же вредны, сколько полезны: они минутнымъ облегченіемъ заставляютъ забыть болѣзнь. А потомъ какъ въ эти улучшенія, какъ посмотрите съ какимъ кислымъ, недовольнымъ лицемъ уступаются они; какъ всякую уступку представляютъ благодѣяніемъ, даютъ нехотя, оскорбляя — такъ что охота пройдетъ ихъ услугу цѣнить слишкомъ дорого. Я не умѣю выбирать между рабствами, также какъ и между религіями; у меня вкусъ притупился, я не въ состояніи различать тонкостей, которое хуже рабство, которое лучше, которая религія ближе къ спасенію, которая дальше, что притѣснительнѣе: честная республика, или честная монархія, революціонный консерватизмъ Радецкаго, или консервативная революціонность Кавеньяка, что пошлѣе: квакеры или іезуиты, что хуже: розги или крапива. Съ обѣихъ сторонъ рабство — съ одной хитрое, прикрытое именемъ свободы и слѣдовательно опасное; съ другой дикое, звѣрское и слѣдовательно близкое къ паденію. По счастію они другъ въ другѣ не узнаютъ родственныхъ чертъ и готовы ежеминутно вступить въ бой; пусть борятся, пусть составляютъ коалиціи, пусть грызутъ другъ друга и тащутъ въ могилу. Кто бы изъ нихъ не восторжествовалъ, ложь или насиліе, на первый случай это побѣда не для насъ, а впрочемъ и не для нихъ; все что побѣдители успѣютъ — это ловко попировать денекъ другой.

— А намъ останется по прежнему зрителями, вѣрными зрителями, жалкими присяжными, которыхъ вердиктъ не исполняется, понятыми въ свидѣтельствѣ которыхъ не нуждаются. Я удивляюсь вамъ и не знаю уважать ли, завидовать ли вамъ; съ такимъ дѣятельнымъ умомъ у васъ столько — какъ бы это сказать? — столько воздержанности.

— Что дѣлать? Я себя не хочу насиловать, искренность и независимость мои кумиры, мнѣ не хочется стать ни подъ то, ни подъ другое знамя; оба стана такъ хорошо стоятъ на дорогѣ къ кладбищу, что помощь моя имъ не нужна. Такія положенія бывали и прежде. Какое участіе могли принимать христіане въ римскихъ дѣлахъ [illegible] на императорство? ихъ называли трусами, они улыбались и усердно молились и проповѣдывали.

— Проповѣдывали, потому что были сильны вѣрой, имѣли единство ученія, гдѣ у насъ евангеліе, новая жизнь, къ которой мы зовемъ; добрая вѣсть, о которой мы призваны свидѣтельствовать міру?

— Проповѣдуйте вѣсть о смерти, указывайте людямъ каждую рану на груди стараго міра, каждый успѣхъ разрушенія; указывайте хилость его начинаній, мелкость его домогательствъ; указывайте что нельзя выздоровѣть, что у него нѣтъ ни опоры, ни вѣры въ себя, что его никто не любитъ въ самомъ дѣлѣ, что онъ держится на недоразумѣніяхъ, указывайте что каждая его побѣда — ему же ударъ;

проповѣдуйте смерть, какъ добрую вѣсть приближающагося искупленія.

— Уже не лучше ли молиться?... кому проповѣдывать когда съ обѣихъ сторонъ падаютъ ряды жертвъ! Это одинъ парижскій архіерей не зналъ, что во время сраженія ни у кого нѣтъ уха. Погодите еще немного; когда борьба кончится, тогда начните проповѣдывать смерти и вамъ никто не будетъ мѣшать на обширномъ кладбищѣ, на которомъ лягутъ рядомъ всѣ бойцы; кому же лучше слушать проповѣдь смерти, какъ не мертвымъ? Если дѣла пойдутъ какъ теперь, зрѣлище будетъ оригинальное; будущее возвращаемое не погибнетъ вмѣстѣ съ дряхлымъ, отходящимъ; и доконченная демократія запретъ, теряя холодную и изнуренную грудь умирающей монархіи.

— Будущее, которое гибнетъ, не будущее. Демократія по преимуществу настоящее; это борьба, отрицаніе іерархіи, общественной неправды развившейся въ прошедшемъ; очистительный огонь, который сожжетъ отжившія формы и, разумѣется, потухнетъ, когда сожигаемое кончится. Демократія не можетъ ничего создать — это не ея дѣло, она будетъ нелѣпостію послѣ смерти послѣдняго врага; демократы только знаютъ, говоря словами Кромвеля, чего не хотятъ; чего они хотятъ, того не знаютъ.

— За знаніемъ чего мы не хотимъ, таится предчувствіе чего хотимъ, на этомъ основана мысль, которая до того часто повторялась, что совѣстно на нее ссылаться, мысль о томъ, что каждое разрушеніе своего рода созданіе. Человѣкъ не можетъ довольствоваться однимъ разрушеніемъ, это противно его творческой натурѣ. Для того чтобы онъ проповѣдывалъ смерть, ему нужна вѣра въ возрожденіе. Христіанамъ легко было возвѣщать кончину древняго міра, у нихъ похороны совпадали съ крещеніемъ.

— У насъ не одно предчувствіе, но есть и побольше, только мы не такъ легко удовлетворяемся какъ христіане, у нихъ одинъ критеріумъ истины — это вѣра. Для нихъ конечно большое облегченіе въ незыблемой увѣренности, что церковь восторжествуетъ, что міръ приметъ крещеніе, имъ и въ голову не приходило, что крещенный ребенокъ выйдетъ не совсѣмъ похожимъ на кровныхъ родителей. Христіанство осталось благочестивымъ пожеланіемъ; теперь наканунѣ смерти, какъ въ первомъ столѣтіи, оно утѣшается въ небѣ, въ раѣ; безъ неба оно пропало. Воплощеніе мысли о новой жизни несравненно труднѣе въ наше время, у насъ нѣтъ неба, нѣтъ «воли божіей», наша воля человѣческая и должна осуществиться на той почвѣ, на которой существуетъ все дѣйствительное — на землѣ. Тутъ нельзя сослаться ни на искушеніе дьявола, ни на помощь божію, ни на жизнь за гробомъ. Демократія впрочемъ и не идетъ такъ далеко, она сама еще стоитъ на христіанскомъ берегу, въ ней бездна аске-

тическаго романтизма, либеральнаго идеализма, въ ней страшная мощь разрушенія, но какъ примется создавать, она теряется въ ученическихъ опытахъ, политическихъ этюдахъ. Конечно, разрушеніе создаетъ, оно расчищаетъ мѣсто и это уже созданіе, оно отстраняетъ цѣлый рядъ лжи и это уже истина. Но дѣйствительнаго творчества въ демократіи нѣтъ — и потому то она не будущее. Будущее внѣ политики; будущее носится надъ хаосомъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ стремленій и возьметъ изъ нихъ нитки въ свою новую ткань, изъ которой выйдетъ саванъ прошедшему и пеленки новорожденному. Соціализмъ соотвѣтствуетъ назорейскому ученію въ римской имперіи.

— Если припомнить что вы сейчасъ сказали о христіанствѣ и продолжить сравненіе, то будущность соціализма не завидная — останется вѣчнымъ упованіемъ.

— И по дорогѣ разовьетъ блестящій періодъ исторіи подъ своимъ благословеніемъ. Евангеліе не осуществилось, да это и не нужно было, а осуществились средніе вѣка, вѣка возстановленія, революціи и христіанство проникло во всѣ эти явленія, участвовало во всемъ, указывало, напутствовало. Исполненный соціализмъ представляетъ такое же бессмысленное сочетаніе отвлеченнаго понятія съ существующими фактами. Жизнь осуществляетъ только ту сторону мысли, которая находитъ себѣ почву, да и почва при этомъ не остается страдательнымъ носителемъ, а даетъ свои соки, вноситъ свои элементы. Новое, возникающее изъ борьбы утопій и консерватизма, входитъ въ жизнь не такъ какъ его ожидала та или другая сторона; оно является переработаннымъ, инымъ, составленнымъ изъ воспоминаній и надеждъ, изъ существующаго и водворяемаго, изъ преданій и возникновеній, изъ вѣрованій и знаній, изъ отжившихъ Римлянъ и не жившихъ Германцевъ, соединяемыхъ одною церковью, чуждой обоимъ. Идеалы, теоретическія построенія никогда не осуществляются такъ, какъ они носятся въ нашемъ умѣ.

— Какъ и для чего они приходятъ тогда въ голову? Это какая то иронія.

— А почему вамъ хочется, чтобы въ умѣ человѣка все было въ обрѣзъ? что за прозаическое сведеніе всего на крайне нужное, на необходимо полезное, на неминуемо прилагаемое. Вспомните старика Лира, который, когда одна изъ его дочерей уменьшала штатъ и увѣряла, что ему про нужду достанетъ, сказалъ ей: „про нужду можетъ быть, но знаешь ли ты когда человѣкъ сводится только на то, что ему нужно, — онъ дѣлается звѣремъ.“ Фантазія и мысль человѣка несравненно свободнѣе, чѣмъ полагаютъ; цѣлые міры поэзіи, мистицизма, мышленія, не зависимые до нѣкоторой степени отъ окружающихъ обстоятельствъ, дремлютъ въ душѣ каждаго. Ихъ будитъ толчекъ и они просыпаются, съ своими видѣніями, рѣшеніями, теоріями; мысль опирается на фак-

ническое данное, стремится къ ихъ всеобщимъ нормамъ, старается ускользнуть отъ случайныхъ и временныхъ опредѣленій въ логическія сферы, но отъ нихъ до сферъ практическихъ очень далеко.

— Слушая ваши слова, я думалъ теперь, отъ чего у васъ такъ много нелицепріятной справедливости — и нашелъ причину: вы не ринуты въ потокъ, вы не вовлечены въ этотъ круговоротъ; посторонній всегда лучше разбираетъ семейные дѣла, нежели члены семейства. И если бъ вы, какъ Барбесъ, какъ Маццини, растратили всю жизнь, потому что внутри вашей души раздавался голосъ, который требовалъ этой дѣятельности, котораго перекричать не было у васъ возможности; потому что онъ поднимался изъ глубины оскорбленнаго сердца, обливающагося кровію при видѣ притѣсненія, замирающаго при видѣ насилія, если бъ этотъ голосъ былъ не только въ умѣ, въ сознаніи, — но въ крови, въ нервахъ и вы слѣдуя ему, попали бы въ дѣйствительное столкновеніе съ властію, долго жили бы въ цѣпяхъ, скитались бы изгнанникомъ и вдругъ для васъ наступила бы заря того дня, которой вы ожидали полжизни; вы бы, какъ Маццини, на итальянскомъ языкѣ, при громѣ рукоплесканій говорили бы въ Миланѣ на площади открыто слова независимости и братства, не боясь бѣлаго мундира и [illegible] усовъ. Если бъ вы, послѣ И... лѣтняго заключенія, какъ Барбесъ были принесены ликующей толпой на площадь того города, гдѣ вамъ одинъ товарищъ палача читалъ приговоръ, а другой его товарищъ васъ оковывалъ пожизненными цѣпями, и вы бы послѣ всего этого увидѣли осуществленную вашу мысль и слышали бы двухсотъ тысячную толпу, которая привѣтствуетъ мученика крикомъ Vive la république и вслѣдъ бы за тѣмъ вамъ бы пришлось увидѣть Радецкаго въ Миланѣ, Кавеньяка въ Парижѣ и опять сдѣлаться скитальцемъ, колодникомъ, добавьте къ тому, что вы не имѣли бы утѣшенія отнести все это на счетъ матеріальной, грубой силы, а напротивъ видѣли бы народъ измѣняющій самому себѣ, видѣли также толпы, избирающія теперь кому дать голосъ противъ себя, — вы не стали бы тогда [illegible]венно и основательно разсуждать на сколько мысль обязательна и гдѣ предѣлы воли. Нѣтъ, вы прокляли бы эти людскія стада, любовь превратилась бы въ ненависть, или лучше въ презрѣніе. Вы можете пойти бы въ монастырь со всѣмъ вашимъ атеизмомъ.

„Это было бы доказательствомъ, что и я самъ, подтвержденіемъ того, что всѣ люди считаютъ что мысль не только не обязательна для міра, но даже для самаго человѣка. Но, простите, я никакъ не могу вамъ позволить свести разговоръ нашъ на личности. Замѣчу одно, да, я зритель, только это не роль и не натура моя, это мое положеніе; я понялъ его, это мое насущ

когда нибудь пожертвуютъ всѣмъ, послѣ меня ни [illegible] отплачется. Вы говорите, что я презиралъ бы народъ, массы быть, но [illegible] быть и глупо. Народы, массы – это стихіи, океаниды, ихъ путь – путь природы, они ея ближайшіе преемники, влекутся темнымъ инстинктомъ, безотчетными страстями, упорно хранятъ то, до чего достигли, хотя бы оно было дурно; ринувшись въ движеніе, они неотразимо увлекаютъ съ собою или давятъ все что попало на дорогѣ хотя было бы оно хорошо. Они идутъ какъ извѣстный индійскій кумиръ, весь встрѣчный бросающійся подъ его колесницу и первые раздавленные бываютъ усерднѣйшіе поклонники идола. Народы обвинять нельзя, они правы, потому что всегда сообразны обстоятельствамъ своей былой жизни; на нихъ нѣтъ отвѣтственности ни за добро, ни за зло, они факты какъ урожай и неурожай, какъ дубъ и колосъ. Отвѣтственность скорѣе на меньшинствѣ, которое представляетъ собою сознанную мысль своего времени, хотя и оно не виновато; вообще юридическая точка зрѣнія не годится никуда, кромѣ суда и именно потому, что весь суды въ мірѣ никуда не годятся. Понимать и обвинять, это почти также нелѣпо, какъ не понимать и казнить. Виновато ли меньшинство, что все историческое развитіе, вся цивилизація предшествующихъ вѣковъ была для него, что у него умъ развитъ на счетъ крови и мозга другихъ, что оно вслѣдствіи этого далеко ушло впередъ отъ дичающаго неразвитаго, задавленнаго тяжкимъ трудомъ народа. Тутъ не вина, тутъ трагическая, роковая сторона исторіи, ни богатый не отвѣчаетъ за богатство найденное имъ въ колыбели, ни бѣдный за бѣдность, – они оба страдаютъ несправедливостію, фатализмомъ. Если мы и имѣемъ нѣкоторое право требовать, чтобы страждущій, худой отъ голода и горя притѣсненный и оскорбляемый народъ, отпустилъ намъ наше неправое стяжаніе, наше превосходство, наше развитіе, потому что мы въ немъ не повинны, потому что мы работаемъ надъ тѣмъ, чтобы сознательно поправить безсознательный грѣхъ, то откуда возьмемъ мы силу проклинать, презирать народъ, который остался Каспаромъ Гаузеромъ для того, чтобы мы съ вами читали Данта, слушали Бетховена. Презирать за то, что онъ не понимаетъ насъ, пользующихся монополіею понимать – это безобразная, гнусная жестокость. Вспомните какъ было дико образованное меньшинство, наслаждаясь всѣмъ своимъ исключительнымъ положеніемъ, въ своемъ аристократическомъ, литературномъ, правительственномъ кругѣ, наконецъ нечувствительно, безъ угрызенія совѣсти, оно вспомнило заботы братій, мысль несправедливости общественнаго устройства, мысль о равенствѣ какъ электрическая искра обѣжала лучшіе умы прошлаго вѣка. Книжно, теоретически поняли люди

несправедливость и книжно хотели ее поправить — это позднее раскаяніе меньшинства назвали либерализмомъ. Они добросовѣстно желая вознаградить народъ за тысячелѣтнія угнетенія, провозгласили его самодержавнымъ, требовали чтобы каждый поденщикъ вдругъ сдѣлался политическимъ человѣкомъ, понялъ запутанные вопросы полуконституціонно-мѣщанскаго законодательства, оставилъ свою работу, то есть кусокъ хлѣба и новый Цинцинатъ шелъ бы заниматься общественными дѣлами. О самомъ насущномъ — либерализмъ никогда не думалъ, онъ слишкомъ романтикъ, чтобъ печься о такихъ грубыхъ потребностяхъ. Либерализму легче было выдумать народъ, чѣмъ его изучить. Онъ налгалъ на него изъ любви не меньше того, что налгали на него другіе изъ ненависти. Либералы сочинили свой народъ à priori, построили его по воспоминаніямъ изъ прочтеннаго, одѣли его въ римскую тогу и въ пастушескій нарядъ. О дѣйствительномъ народѣ мало думали, онъ жилъ, работалъ, страдалъ и если его кто нибудь зналъ, то это его враги попы и легитимисты. Судьба его оставалась по старому, за то народъ вымышленный сдѣлался кумиромъ въ новой политической религіи — елей которымъ мазали царей, пришелся на загрубѣлое чело покрытое морщинами и потомъ. Ни освободивши ни его рукъ, ни его ума, либерализмъ посадилъ народъ на тронъ и кланяясь ему въ поясъ, старался въ тоже время оставить власть себѣ.

Народъ поступилъ какъ одинъ изъ его представителей Санчо Панса, онъ отказался отъ мнимаго престола, или лучше сказать и не садился на него. Мы начинаемъ понимать ложное съ обѣихъ сторонъ, — это значитъ что мы начинаемъ выходить на дорогу, будемъ указывать ее всѣмъ, но зачѣмъ же обертываясь назадъ, мы будемъ ругаться? Я не только не виню народъ, но не виню и либераловъ; они большею частію любили народъ несчастный, они много жертвовали для своей идеи, это всегда почтенно, — но они были на пути ложномъ. Ихъ можно сравнить съ прежними натуралистами, которые начинали и оканчивали изученіе природы въ гербаріи, въ музеѣ; все что они знали о жизни, былъ трупъ, мертвая форма, слѣдъ жизни; честь и слава тѣмъ которые догадались взять котомку и идти въ горы, плыть за море ловить природу и жизнь на самомъ дѣлѣ. Но зачѣмъ же ихъ славой, ихъ успѣхами задвигать труды предшественниковъ? Либералы были вѣчные жители большихъ городовъ и маленькихъ кружковъ, ложи журналовъ, книгъ, клубовъ; они вовсе не знали народа, они его книжно-мысленно изучали по историческимъ источникамъ, по памятникамъ — а не изъ сердца, не по рынку. Болѣе или менѣе всѣ мы грѣшны въ этомъ, — отсюда недоразумѣнія, обманутыя надежды, досада, наконецъ отчаяніе. Еслибъ вы были знакомы со внутренней жизнью Франціи, вы не удивлялись бы, что народъ хочетъ вотировать за Бонапарта, вы знали бы,

что народъ французскій не имѣетъ ни малѣй-
шаго понятія о свободѣ, о республикѣ, но имѣетъ
идею національной гордости; онъ любитъ Бона-
партовъ, терпитъ и мирится съ Бурбонами, не да-
етъ себѣ и малаго отчета — почему. Бурбоны на-
поминаютъ для него корвею, Бастилію, дворянъ;
Бонапарты — разсказы стариковъ, пѣсни Беранже,
побѣды и наконецъ воспоминанія о томъ, какъ
сосѣдъ такой же крестьянинъ, возвращался
генераломъ, полковникомъ съ почетнымъ легіо-
номъ на груди.... и сынъ сосѣда торопится по-
дать голосъ за племянника.

— Конечно такъ. Странно, — отчего же
они забыли деспотизмъ Наполеона, его конскрип-
ціи, тиранство префектовъ, или у нихъ такъ
хороша память?

„ Это очень просто: для народа деспотизмъ не
можетъ составить характеристики имперіи.
Для него во всѣ поры всѣ правительства были дес-
потизмомъ. Онъ, напримѣръ, узналъ респуб-
лику провозглашенную для удовольствія [illegible]-
ми, для пользы Націонала — по 45 сантимному
налогу, по депортаціямъ, потому что бѣднымъ
работникамъ не выдаютъ пассовъ въ Парижъ.
Народъ вообще плохой филологъ — слово респуб-
лика его не тѣшитъ, ему отъ него не легче.
Слово Имперія, Наполеонъ, его электризуетъ,
дальше онъ не идетъ.

— Если на все смотрѣть такимъ образомъ,
то я самъ начинаю думать, что не только не-
перестанешь сердиться и что нибудь дѣлать,
но перестанешь даже имѣть желаніе что ни-
будь дѣлать.

„ По моему, я говорилъ вамъ, понимать — это уже
дѣйствовать, работать, приготовлять орудіе. Вы
думаете, что когда поймешь окружающее, про-
детъ желаніе дѣйствовать, это значило бы, что
вы хотѣли дѣлать нѣчто, что не нужно. Ищите въ
такомъ случаѣ другой работы; не найдете внѣш-
ней, найдете внутреннюю. Страненъ человѣкъ,
который ничего не дѣлаетъ, имѣя дѣло; но вдвое
страненъ и тотъ, который не имѣя дѣла дѣлаетъ.
Трудъ вовсе не клубокъ на ниткѣ, который
даютъ котенку, чтобы его занимать, онъ опре-
дѣляется не однимъ желаніемъ, но и требо-
ваніемъ на него.

— Я никогда не сомнѣвался, что думать всег-
да можно и не смѣшиваю насильственнаго
бездѣйствія съ произвольнымъ [illegible]. Я
предвижу впрочемъ утѣшительный резуль-
татъ, къ которому вы придете — оставаться
въ разсудительномъ бездѣйствіи, останавливая
умомъ сердце и критикой любовь къ человѣчеству.

„ Для того, чтобы участвовать дѣятельно въ
мірѣ насъ окружающемъ, я повторяю вамъ, ма-
ло желанія и любви къ человѣчеству. Все это
какія то неопредѣленныя, мерцающія понятія —
что такое любить человѣчество? что такое
самое человѣчество? Все это мнится мнѣ пре-
жними христіанскими добродѣтелями пере-
работанными на философскомъ очагѣ. Надобы лю-
бить соотечественниковъ — это понятно, но что

такое любовь, которая обнимаетъ все, что не-
перестало быть связанной, отъ Ихтиоса и Готтен-
тота до Далай Ламы и Папы — а потому все
толкъ ложно; что то слишкомъ широко. Если
это та любовь, которою мы любимъ природу,
планеты, весеннюю — то я не думаю, чтобы она
могла быть особенно дѣятельною. Или инстин-
ктъ, или пониманіе среды въ которой вы жи-
вете, ведутъ васъ къ дѣятельности? Инстинкъ
вашъ утонченъ — утратьте ваше отвлеченное
знаніе и станьте самоотверженно передъ по-
тиной, поймите, тогда вы увидите какая
дѣятельность нужна, какая нѣтъ. Хотите
вы политической дѣятельности въ существую-
щемъ порядкѣ, сблизьтесь с Марастомъ, сбли-
зьтесь с Одилономъ Барро и она вамъ будетъ.
Вы этого не хотите, вы чувствуете, что вся-
кій порядочный человѣкъ совершенно посторон-
ній во всѣхъ политическихъ вопросахъ, что
онъ не можетъ серьёзно думать — нуженъ или
не нуженъ президентъ республики; можетъ
или нѣтъ собраніе посылать людей на катор-
гу безъ суда; больно ли подать голосъ за Кава-
ньяка или за Луи-Наполеона. Думайте мѣ-
сяцъ, думайте годъ, кто изъ нихъ лучше, вы не-
рѣшите, оттого что они, какъ говорятъ дѣти,
оба хуже. Все что остается дѣлать чело-
вѣку уважающему себя — это вовсе не воти-
ровать. Посмотрите на другіе вопросы à
l'ordre du jour — все тоже — они посвящены бо-
гамъ; ихъ смерть у нихъ за плечами. Что дѣ-

лаетъ священникъ призванный къ умирающему?
Онъ не лечитъ его, не возвращаетъ на его жизнь, а чи-
таетъ ему отходную. Читайте отходную, чи-
тайте смертный приговоръ, исполненіе кото-
раго идетъ не тихо, а по частямъ; убѣдитесь
разъ на всегда, что никто изъ осужденныхъ не
уйдетъ отъ казни: ни самодержавіе Петер-
бургскаго Царя, ни свобода мѣщанской рес-
публики, — да и не жалѣйте ни того, ни дру-
гого. Убѣждайте лучше легкомысленныхъ, недаль-
новидныхъ людей, которые рукоплещутъ па-
денію Австрійской Имперіи и вопіютъ за
судьбу новой республики, — что паденіе ея такой
же великій шагъ къ освобожденію народовъ и лю-
дей, какъ паденіе Австріи, что ни какихъ ис-
ключеній не надобно, ни какой пощады, что вре-
мя снисхожденія еще не пришло; скажите съ
вами либераловъ реакціонеровъ, что во имя
дѣла будущаго требуйте вмѣстѣ любви къ чело-
вѣчеству ненависти ко всему что мѣшаетъ
развитію, что является на дорогѣ и мѣшаетъ
итти впередъ. Пора привязать всѣхъ враговъ
развитія и свободы одной веревкой, такъ какъ
они привязываютъ [illegible] колодниковъ и про-
вести ихъ по улицамъ, чтобы весь міръ видѣлъ ихъ
рука объ руку — французскаго кодекса и русскаго
свода. Квинтэссенція — это будетъ не плохое
поученіе. Кто теперь не отрезвится отъ
потрясающихъ событій не протрезвится, тотъ никогда
не протрезвится и умретъ какимъ нибудь рыца-
ремъ Петербургомъ либерализма какъ Ламартинъ.

Терроръ казнилъ людей, наша судьба легче, мы призваны казнить учрежденія, разрушать вѣрованія, отнимать надежду на старое, ломать всѣ предразсудки безъ уступокъ, безъ пощады. Улыбка, привѣтъ одному возникающему, одной зарѣ и если мы не въ силахъ подвинуть ея часъ, то покрайней мѣрѣ можемъ указывать ея близость тѣмъ, которые не видятъ.

— Какъ этотъ старикъ нищій на Вандомской площади, который всякую ночь предлагаетъ проходящимъ свой телескопъ, чтобы посмотрѣть на дальнія звѣзды?

„Ваше сравненіе очень хорошо, именно показывайте каждому идущему мимо, какъ все выше и ближе подступаютъ, какъ растутъ и подымаются волны карающаго потока. Указывайте имъ вмѣстѣ и бѣлый парусъ ковчега!.. тамъ вдали на горизонтѣ. Вотъ вамъ и дѣло. Когда все утонетъ, когда все ненужное растворится и погибнетъ въ соленой водѣ, когда она начнетъ сбывать и ущелье ней ковчегъ остановится тогда будетъ людямъ другое дѣло, — много дѣла! Теперь — нѣтъ!

Парижъ 1° Декаб 1848.

V

Consolatio.*

:.....

Изъ окрестностей Парижа мнѣ нравится больше другихъ Монморанси. Тамъ ничего не бросается въ глаза, ни особенно бережные парки, какъ въ Сенъ-Клу, ни будуары изъ деревьевъ, какъ въ Тріанонѣ, а ѣхать оттуда не хочется. Природа въ Монморанси чрезвычайно проста, она похожа на тѣ женскія лица, которыхъ не останавливаютъ, не поражаютъ, но привлекаютъ какимъ то милымъ и довѣрчивымъ выраженіемъ и привлекаютъ тѣмъ сильнѣе, что это дѣлается совершенно незамѣтно для насъ. Въ такой природѣ и въ такихъ лицахъ, есть обыкновенно что-то трогательное, успокаивающее и именно за этотъ покой, за эту каплю воды Лазарю, всего больше благодаритъ душа современнаго человѣка, безпрерывно потрясаемая, взволнованная. Я нѣсколько разъ находилъ отдыхъ въ Монморанси и за это благодаренъ ему. Тамъ есть большая роща и въ ней такая тишина, какой подъ Парижемъ нѣтъ нигдѣ. Не знаю отчего но эта роща напоминаетъ мнѣ всегда нашъ русскій лѣсъ..... идешь и думаешь.... вотъ сейчасъ повѣетъ дымкомъ отъ овиновъ, вотъ сейчасъ откроется село... съ другой стороны должна быть господская усадьба, дорога туда пошире и есть березками и вдругъ-ли? мнѣ становится грустно

---

* [illegible]

что чрезъ несколько минутъ выходишь на открытое мѣсто и видишь вмѣсто Эвенилорда-Парижъ; вмѣсто оконца вѣсеннаго или полу-окошечко, въ которое такъ долго и такъ печально смотрѣлъ Жанъ-Жакъ.... Именно къ этому домишку шли разъ изъ рощи какие-то невидимому путешественники: дама лѣтъ 25 одѣтая въ черномъ и мужчина среднихъ лѣтъ, преждевременно сѣдой. Выраженіе ихъ лицъ было серьезно, даже покойно. Долгая привычка сосредоточиваться и жизнь обильная мыслью, событіями, даютъ человѣку особенно благородный покой. Это не природная тишина, а тишина послѣ бурь, послѣ борьбы и побѣды.

— Вотъ домъ Руссо, сказалъ мужчина, указывая на маленькое строеніе окна въ три; — и они остановились. Одно окошко было немного притворено и занавѣска колебалась отъ вѣтра.

— Это движеніе занавѣски, замѣтила дама, наводитъ невольный страхъ; такъ и кажется что вотъ сейчасъ подозрительный и раздраженный старикъ ее отдернетъ и спроситъ насъ зачѣмъ мы тутъ стоимъ. Кому придетъ въ голову глядя на мирный домикъ окруженный зеленью, что онъ былъ Прометеевской скалой для великаго человѣка, которая вся сила состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ любилъ людей, слишкомъ вѣрилъ въ нихъ, желалъ имъ больше добра нежели они сами? Современники не могли ему простить, что онъ высказалъ тайное угрызеніе ихъ собственной совѣсти и вознаграждали себя искусственнымъ холоднымъ презрѣніемъ, и онъ оскорблялся, они смотрѣли на поэта братства и свободы, какъ на безумнаго, они боялись признать въ немъ разумъ это значило бы признать свою глупость, а онъ плакалъ объ нихъ. За цѣлую жизнь преданности, страстнаго желанія помочь, любить, быть любимымъ, освобождать... находилъ онъ мимолетные привѣты и постоянный холодъ, надменную ограниченность, сплетни! Мнительный и нѣжный отъ природы, онъ не могъ стать независимо отъ этихъ мелочей и потерялъ, оставленный всѣми, больной, въ нищетѣ. Въ отвѣтъ на всѣ эти его стремленія къ симпатіи, къ людямъ, ему досталась одна Тереза, въ ней сосредоточилось для него все теплое, вся сторона сердца — Тереза, которая не могла научиться узнавать который часъ, существо неразвитое, полное предразсудковъ, которая сгибала жизнь Руссо въ узкую подозрительность, въ мѣщанскій пересудъ и кончила тѣмъ, что разссорила его съ послѣдними друзьями. Сколько горькихъ минутъ провелъ онъ, облокачиваясь на эту оконницу, съ которой кормилъ птицъ. Убѣдная старика только и осталось, что прерывали онъ, восхищаясь ею закрылъ глаза уставшіе отъ жизни, тяжелые отъ слезъ. Говорятъ, что онъ самъ ускорилъ минуту покоя... на этотъ разъ Сократъ самъ осудилъ себя на смерть за грѣхъ сознанія, за преступленіе геніальности. Когда вглядишься серьезно во все что дѣлается, становится противно жить. Все на свѣтѣ гадки и приходитъ

глушно; люди хлопочутъ, работаютъ, ни минуты
не находятъ отдыха, а дѣлаютъ все вздоръ, другіе
хотятъ ихъ вразумить, остановить, спасти —
ихъ распинаютъ, гонятъ — и все это въ каком-
то бреду, не давая себѣ труда понять. Волны под-
нимаются, торопятся, клубятся безъ цѣли, безъ
нужды... тамъ они разбиваются съ бѣшенствомъ
о скалу, тутъ подмываютъ берегъ..... мы стоимъ
среди водоворота, бѣжать некуда. Я знаю, докторъ,
вы не такъ смотрите на жизнь, она васъ не сер-
дитъ, потому что вы въ ней ищете одинъ фи-
зіологическій интересъ и мало требуете отъ
нея, вы большой оптимистъ. Съ вами иногда
я соглашаюсь, вы меня сбиваете съ толку
вашей діалектикой; но какъ только сердце при-
нимаетъ участіе, какъ только изъ общихъ сферъ
гдѣ все разрушено и успокоено, коснешься живыхъ
вопросовъ, взглянешь на людей, душа возмущается.
Подавленное на минуту негодованіе снова пробуж-
дается и досадуешь объ одномъ: что нѣтъ дос-
таточно силъ ненавидѣть, презирать людей,
за ихъ лѣнивое бездушіе, за ихъ нежеланіе стать
выше, благороднѣе,... если бы было можно отвер-
нуться отъ нихъ! и пусть они дѣлаютъ что
хотятъ въ своихъ потемкахъ, пусть живутъ
нынче какъ вчера, опираясь на привычки и обра-
зы, безсмысленно принимая на вѣру, что дѣлать
и чего не дѣлать... и измѣняя при томъ на
каждомъ шагу своей собственной нравствен-
ности, своему собственному катехизису!
— Я не думаю чтобы вы были справедливы.

Развѣ люди виноваты въ вашемъ довѣріи къ нимъ,
въ вашемъ идеальномъ понятіи объ ихъ превозвышен-
ныхъ достоинствахъ!
— Я не понимаю, что вы говорите; вы сейчасъ ска-
зали совершенно противоположное. Кажется это
не верхъ довѣрія, когда говорятъ о людяхъ, что
у нихъ ничего нѣтъ кромѣ мученическихъ вѣнцовъ
для всякаго пророка и безполезнаго распятія пос-
лѣ ихъ смерти; что они готовы броситься какъ звѣ-
ри на того, кто замѣтитъ ихъ совѣсть, на говоря-
щихъ дѣла, кто снимаетъ на себя ихъ грѣхи, хочетъ
разбудить ихъ сознаніе.
— Да, но вы забываете источникъ вашего негодованія,
вы сердитесь на людей за многое, чего они не сдѣлали,
потому что вы считаете ихъ способными на всѣ
эти прекрасныя свойства, къ которымъ вы вос-
питали себя, или къ которымъ васъ воспита-
ли, — но они по большей части этого развитія не
имѣли. Я и не сержусь потому что не жду отъ
людей ничего кромѣ того, что они дѣлаютъ, я
не вижу ни повода, ни права требовать отъ нихъ
чего нибудь другаго, какъ только того, что они мо-
гутъ дать, а могутъ они дать то, что даютъ, тре-
бовать больше, обвинять — ошибка, насиліе. Мы
только справедливы къ безумнымъ и къ совершен-
нымъ дуракамъ, ихъ пороки которые мы не
обвиняемъ за дурное устройство мозга, имъ про-
щаемъ природные недостатки, съ остальными
страшная моральная требовательность. Поче-
му мы ждемъ отъ всѣхъ вѣчныхъ начинаній не-
мѣрныхъ доблестей, необыкновеннаго пониманія —

я не знаю, вероятно не привыкъ все идеализировать, все судить съ высока; такъ какъ обыкновенно судятъ жизнь по мертвой букве, страсть по кодексу, лице по родовому понятію. Я иначе смотрю, я привыкъ къ взгляду врача, къ взгляду совершенно противуположному судьи. Врачъ живетъ въ природе, въ міре фактовъ и явленій, онъ не учитъ, онъ учится, онъ не мститъ, а старается облегчить; видя страданія, видя недостатки, онъ ищетъ причину, связь, онъ ищетъ средствъ въ томъ же міре фактовъ. Нетъ средствъ, онъ грустно пожимаетъ плечами, досадуетъ на свое неведеніе — и не думаетъ о наказаніи, о пеняхъ, не порицаетъ. Взглядъ судьи проще, ему собственно и не надобно взгляда, не даромъ Фемиду представляютъ съ завязанными глазами, она темъ справедливее, чемъ меньше видитъ жизнь; нашему брату, напротивъ, хотелось бы чтобы и пальцы и уши имели глаза. Я не оптимистъ и не пессимистъ, я смотрю, вглядываюсь безъ заготовленной темы, безъ придуманнаго идеала и не тороплюсь съ приговоромъ и прошу, извините, сколько васъ.

— Не знаю такъ ли я васъ поняла, но мне кажется, вы находите очень естественнымъ, что современники Руссо его лучшими помощниками преследовавшими, отравили ему жизнь, оклеветали его; вы имъ отпускаете ихъ грехи, это очень снисходительно, не знаю насколько справедливо и нравственно.

— Для того чтобы отпускать грехи, надобно прежде обвинить; я этого не делаю. Впрочемъ пожалуй, я приму ваше выраженіе, да я отпускаю имъ зло, или причиненное, такъ какъ вы отпускаете холодной погоде, которая надняхъ простудила вашу малютку. Можно ли сердиться на событія, которыя независимы ни отъ чьей воли, ни отъ чьего сознанія. Они иногда бываютъ очень тяжелы для насъ; но обвиненіе не поможетъ, а только запутаетъ. Когда мы съ вами сидели у кроватки больной и горячка такъ развернулась, что я самъ испугался, мне было безконечно горько смотреть и на больную и на васъ; вы такъ много страдали въ эти часы — но вместо того, чтобы проклинать дурной составъ крови и съ ненавистью смотреть на законы органической химіи, тогда я думалъ о другомъ, а именно о томъ какъ возможность понимать, чувствовать, любить, привязываться необходимо влечетъ за собою противуположную возможность несчастія, страданій, лишеній, невыносимыхъ оскорбленій, горечи. Чемъ нежнее развивается внутренняя жизнь, темъ жестче, чувствительнее для нея капризная игра случайности, на которой не лежитъ никакой ответственности за ея удары.

— Я сама не обвиняла болезнь. Ваше сравненіе не совсемъ идетъ, природа вовсе не имеетъ сознанія.

— А я думаю, что и на полусознательную массу людей нельзя сердиться, взойдите въ ея состояніе борьбы между предчувствіемъ света и привычкой къ тьме. Вы берете за норму людей особенно удавшіеся оранжерейные цветы, за

которыми была дана цѣну и сердитесь, что полевыя нипакъ хороши. Не только это несправедливо, но это чрезвычайно жестоко. Если у большинства людей или сознаніе скажетъ нибудь свыше, неужели вы думаете, что они могли бы жить въ такомъ положеніи, въ какомъ живутъ? Они не только злодѣлаютъ другимъ, но и себѣ и это именно ихъ извиняетъ. Ими владѣетъ привычка, они умираютъ отъ жажды возлѣ колодца, и не догадываются что въ немъ вода, потому что имъ отцы ихъ этого не сказали. Люди всегда были такіе, пора наконецъ перестать дивиться, негодовать, можно было привыкнуть со времени Адама. Это тотъ же донкихотизмъ, который заставляетъ не охотно сердиться за то, что они чувствуютъ иначе. Сердитесь сколько хотите, но міра никакъ не перемѣните по какой нибудь программѣ, онъ идетъ своимъ путемъ и никто не въ силахъ сбить его съ дороги. Узнавайте этотъ путь и вы отбросите нравоучительную точку зрѣнія, и вы презрѣете сами. Моральная оцѣнка событій и природы [?] принадлежитъ къ самымъ начальнымъ ступенямъ пониманія. Оно мѣстно самообожаніе, раздавать Монтіоновскія преміи и читать выговоры, принимая мѣриломъ самого себя — не безгрѣшно. Есть люди, которые прозрѣвали вмѣстѣ этотъ взглядъ въ самую природу и бранили разныхъ звѣрей, прекрасныхъ, или прескверныхъ репутацій. Увидали, напримѣръ, что заяцъ бѣжитъ отъ неминуемой опасности и назвали его трусомъ; увидали что левъ въ 20 разъ

больше птицы, не боится отъ человѣка, а иногда и съѣдаетъ, стали его считать храбрымъ; увидали что левъ сытый не тронетъ овцы — это за великодушіе. А заяцъ столько же трусъ, сколько левъ великодушенъ и всемъ глупъ. Нельзя болѣе оставаться на точкѣ зрѣнія Эзоповыхъ басенъ; надо не смотрѣть на міръ природы и на міръ человѣка проще, покойнѣе, яснѣе. Вы говорите о страданіяхъ Руссо, онъ былъ несчастливъ — это правда, но и то правда, что страданія всегда сопровождаютъ необыкновенное развитіе, натура геніальная не можетъ иногда не страдать, сосредоточиваясь въ себѣ, довольствуясь собою, наукой, искусствомъ; не въ политическихъ сферахъ ни такъ. Въ личныхъ просто: такія натуры всегда въ обычныхъ людскихъ отношеніяхъ нарушаютъ равновѣсіе; среда, ихъ окружающая, имъ узка, не вмѣстима, ихъ жмутъ отношенія, расчитанныя по иному росту, не инымъ плечамъ и не свойственны имъ тѣмъ плечамъ. Все что давило не меньше того, другаго, все отклоняло въ развитку и ему несвойственно обыкновенной любви, все это выростаетъ въ нестерпимую боль въ груди геніальнаго человѣка, въ грозный протестъ, въ злую вражду, въ сильный вызовъ на бой; отсюда неминуемое столкновеніе съ современниками, толпа видитъ презрѣніе къ ней, что она хранитъ и бросаетъ въ него каменьями и гоняетъ до тѣхъ поръ пока пойметъ, что онъ былъ правъ. Виноватъ ли геній, что онъ выше толпы, виновата ли толпа, что она его не понимаетъ?

— И вы называете это состояніе людей и притомъ большинства людей, нормальнымъ, естественнымъ! По вашему это нравственное паденіе, эта глупость такъ и быть должны? Вы шутите.
— Какъ же иначе! Вѣдь никто не принуждаетъ ихъ такъ поступать, это ихъ наивная воля. Люди вообще въ практической жизни меньше лгутъ, нежели на словахъ. Лучшее доказательство ихъ простодушная искренняя готовность, какъ только помянутъ, что совершили какое либо преступленіе, раскаяться. Они спохватились распявши Христа, что скверно сдѣлали и бросились на колѣни передъ крестомъ. Оставимъ нравственномъ паденіи рѣчь, si toutefois вы не говорите о грѣхопаденіи, я не понимаю. Откуда было падать! Чѣмъ дальше смотришь назадъ, тѣмъ больше встрѣчаешь дикости, непониманія или совершеннаго неразвитія, или совершеннаго развитія, которое до насъ почти не касается; какихъ нибудь понятій цивилизаціи, какіе нибудь китайскіе нравы. Долгая жизнь въ обществѣ вырабатываетъ людей. Вы имѣете [illegible] это дѣлается трудно, туго, и путь вы[illegible] сто понятія, нарѣканія на людей за то, что они не похожи ни на идеалъ мудреца, выдуманнаго стоиками, ни на идеалъ святаго, выдуманнаго христіанами. Цѣлыя поколѣнія легли костьми, что бы отнять какой нибудь клочекъ земли, вѣка прошли въ борьбѣ, кровь лилась рѣками, поколѣнія мерли въ страданіяхъ, въ тщетныхъ усиліяхъ, въ тяжеломъ трудѣ.....

сама вырабатывая скудную жизнь, немного покоя и пять шесть умовъ, которые понимали загадочные буквы общественнаго процесса и вычитывали часы къ совершенію судебъ своихъ. Удивляться надобно какъ народы, при этихъ гнетущихъ условіяхъ, дошли до современнаго нравственнаго развитія; до своей самоотверженной терпѣливости, своей тихой жизни; удивляться надобно, какъ люди такъ мало злы, а не упрекать ихъ зачѣмъ каждый изъ нихъ ни Аристидъ и не Семіонъ Столпникъ.
— Вы хотите меня увѣрить, докторъ, что людямъ предназначено быть мошенниками?
— Повторяю что людямъ ничего не предназначено.
— Да зачѣмъ же они живутъ?
— Такъ себѣ — родились и живутъ. Зачѣмъ все живетъ? Тутъ мнѣ кажется, предѣлъ вопросамъ, жизнь — и цѣль и средство, и причина, и дѣйствіе. Это вѣчное безпокойство, дѣятельное движеніе, ultima ratio, дальше итти некуда. Прежніе вѣка искали отгадки въ облакахъ и глубинѣ, поднимались или опускались, однако не нашли ничего; и это оттого, что главное существенное все тутъ, на поверхности. Жизнь не достигаетъ цѣли, а осуществляетъ все возможное, продолжаетъ все осуществленное, она всегда готова шагнуть дальше затѣмъ, чтобы полнѣе жить, еще больше жить, если можно; другой цѣли нѣтъ. Мы часто за цѣль принимаемъ послѣдовательныя фазы одного и того же развитія, къ которому мы пріучились; мы думаемъ, что цѣль ребенка совершеннолѣтіе, потому что онъ дѣлается

совершеннолѣтнимъ, а цѣль ребенка скорѣе играть, наслаждаться, быть ребенкомъ. Если смотрѣть на предѣлъ, то цѣль всего живаго — смерть.

— Вы забываете другую цѣль, докторъ, которая развивается людьми, но переживаетъ ихъ, передается изъ рода въ родъ, растетъ изъ вѣка въ вѣкъ, и именно въ этой ~~то~~ жизни не отдѣльнаго человѣка отъ человѣчества и раскрываются тѣ постоянныя стремленія, къ которымъ человѣкъ идетъ, къ которымъ поднимается и до осуществленія которыхъ когда нибудь достигнетъ.

— Я совершенно согласенъ съ Вами, я даже сказалъ сейчасъ, что мозгъ вырабатывается; думающій и ихъ объемъ растетъ въ сознательной жизни, передается изъ рода въ родъ, но что касается до послѣднихъ словъ вашихъ, тутъ позвольте усомниться. Ни стремленіе, ни вѣрность его нисколько еще не обусловливаетъ осуществленія. Возьмите самое всеобщее, самое постоянное стремленіе во всѣхъ ~~эпохахъ~~ и у всѣхъ народовъ, стремленіе къ благосостоянію, стремленіе чувственно-ясное всѣмъ чувствующимъ, развитіе простаго инстинкта самосохраненія, врожденное бѣгство отъ того, что причиняетъ боль и стремленіе къ тому что доставляетъ удовольствіе, наивное желаніе, чтобы было лучше, а не было-бы хуже; между тѣмъ работая тысячелѣтія, люди не достигли животнаго довольства, пропорціонально я полагаю, что больше всѣхъ животныхъ страдаютъ рабы въ Россіи, гибнутъ съ голоду Ирландцы. Отсюда вы можете заключить, насколько свободнѣе стремленія не освобожденныя и принадлежащія меньшинству.

— Позвольте, стремленія къ свободѣ къ независимости стоитъ голода — оно весьма не слабо и очень опредѣленно.

— Исторія этого не показываетъ. Прежде некоторые слои общества развившіеся при особенно счастливыхъ обстоятельствахъ, имѣютъ нѣкоторое поползновеніе къ свободѣ и то весьма не сильное, сперва по нѣсколькимъ тысячамъ лѣтъ объединяли по совершенному гражданскому устройству наконецъ. Мы, занимается не только объ исключительныхъ развитіяхъ, для которыхъ нѣкоихъ тысячъ, а о большинствѣ, которое даетъ постоянный тонъ отдѣльнымъ стихіямъ, что и заставило раздражительнаго Руссо сказать свой знаменитый non sens: "Человѣкъ родится быть свободнымъ — и вездѣ въ цѣпяхъ!"

— Вы полагаете этотъ крикъ негодованія, вырвавшійся изъ груди свободнаго человѣка, съ иронiей?

— Я вижу тутъ насиліе исторіи, презрѣніе фактовъ, а это для меня невыносимо; меня оскорбляетъ самоуправство. Къ тому же подобная метода опасна, рѣшать то, что составляетъ трудность вопроса; что сказали бы вы человѣку, который, грустно качая головой, замѣтилъ бы вамъ, что „рыбы родятся для того, чтобы летать и вѣчно плаваютъ.

— Я спросилъ бы его почему онъ думаетъ, что рыбы родятся для того чтобы летать.

— Вы становитесь строги; но мой другъ „Рыбовѣдъ" готовъ указать аналогіи ..... Вы ... ваше сказать

что скелетъ рыбы явнымъ образомъ показываетъ стремленіе замѣнить оконечности въ ноги или крылья, онъ вамъ покажетъ вовсе ненужныя косточки, которыя намекаютъ на скелетъ ноги, крыла; наконецъ онъ сошлется на летающихъ рыбъ, которыя на дѣлѣ доказываютъ, что рыбы не только стремятся летать, но иногда и могутъ. Давши вамъ такой отвѣтъ, онъ будетъ вправѣ васъ спросить, отчего же вы у Руссо не требуете отчета, почему онъ говоритъ, что человѣкъ долженъ быть свободнымъ, опираясь на то, что онъ постоянно въ цѣпяхъ. Отчего все существующее, только и существуетъ такъ какъ оно должно быть существовать, а человѣкъ напротивъ?
— Вы, докторъ, прескверный скептикъ и еслибъ я не коротко васъ знала, я считала бы васъ, безнравственнымъ человѣкомъ. Не знаю какія мистеріи въ костяхъ у рыбъ, я знаю только, что въ костяхъ у нихъ недостатка нѣтъ; но что у людей есть глубокое стремленіе къ независимости, къ вольной свободѣ, въ этомъ я убѣждена. Они заглушаются мелочами жизни внутренній голосъ и по этому я нападаю сердцемъ. Я упрекаю — нападаю на людей, не зная вы ихъ защищаете.
— Я знаю, что мы съ вами послѣ нѣсколькихъ полемическихъ словъ, или лучше, что вы обойдете меня и очутитесь съ противуположной стороны. Вы хотите отвѣчать съ негодованіемъ за то, что они не умѣютъ достигнуть нравственной высоты и независимости, вѣчныхъ вашихъ идеаловъ и въ тоже время вы на нихъ смотрите какъ на избалованныхъ дѣтей, вы увѣрены, что они на дняхъ исправятся и будутъ умны. Я знаю, что люди торопятся очень медленно, не довѣряю ни ихъ способностямъ, ни всѣмъ тѣмъ стремленіямъ, которыя выдумываютъ за нихъ и сужусь съ ними такъ, какъ сужусь съ этими деревьями, съ этими животными — изучаю ихъ даже люблю. Вы смотрите à priori и можетъ логически правы, говоря, что человѣкъ долженъ стремиться къ независимости. Я смотрю патологически и вижу, что досихъ поръ рабство постоянное условіе гражданскаго развитія, стало быть или оно необходимо, или нѣтъ отъ него такого отвращенія, какъ кажется.
— Отчего мы съ вами добросовѣстно, разсматривая исторію, видимъ совершенно разное?
— Оттого, что говоримъ объ разномъ, вы говорите объ исторіи и народахъ, говорите о летающихъ рыбахъ, а я о рыбахъ вообще, — вы смотрите на міръ идей отрѣшенный отъ фактовъ, на рядъ дѣятелей, мыслителей, которые представляютъ верхъ сознанія каждой эпохи; на тѣ энергическія минуты, когда вдругъ цѣлыя страны становятся на ноги, и разомъ вступаютъ массу мыслей для того, чтобы изживать ихъ потомъ цѣлые вѣка въ покоѣ; вы принимаете эти катаклизмы, сопровождающіе ростъ народовъ, эти исключительныя личности за рядовой фактъ, прежде. Развитое меньшинство, которое несется торжественно надъ головами другихъ и передаетъ изъ вѣка въ вѣкъ свою мысль, свое стремленіе,

до которой массамъ, кишащимъ внизу, дѣла нѣтъ. Эти единицы свидѣтельствуютъ до чего можетъ развиться человѣческая натура, какое страшное богатство силъ могутъ вызвать исключительныя обстоятельства, но все это не относится къ массамъ, ко всѣмъ. Краса какой нибудь арабской лошади, воспитанной двадцатью поколѣніями, нисколько не даетъ права ждать отъ лошадей вообще статей и красоты. Идеалисты непремѣнно хотятъ поставить на своемъ, хоть бы то ни стало. Физическая красота между людьми также исключеніе, какъ особенное уродство. Посмотрите на мѣщанъ толпящихся въ воскресенье на Елисейскихъ поляхъ или на скачкахъ въ Лондонѣ и вы ясно убѣдитесь, что порода людская вовсе не красива.

— Я это знаю и нисколько не удивляюсь глупымъ ртамъ, жирнымъ лбамъ, дерзко вздернутымъ и тупо висящимъ носамъ.

— Вы знаете это и возмущаетесь..... а какъ бы вы стали смѣяться надъ человѣкомъ, который бы принялъ близко къ сердцу, что лошаки не такъ красивы какъ олени. Для Руссо было невыносимо нелѣпое общественное устройство его времени, кучка людей стоявшая возлѣ него и развитая до того, что имъ недоставало только геніальной иниціативы, чтобы назвать зло, тяготившее ихъ, откликнулись на его призывъ, эти отщепенцы, раскольники, осудились вѣрны и составили гору въ 1792 году. Они почти всѣ погибли, растерзанные французскимъ народомъ, котораго требованія были очень скромны и который безъ сожалѣнія позволилъ ихъ казнить. Я даже и не назову это неблагодарностью, но въ самомъ дѣлѣ все что дѣлалось, дѣлали они для народа, мы себя хотимъ освободить, намъ больно видѣть подавленную массу, насъ оскорбляетъ ея рабство, мы за нее страдаемъ и хотимъ снять свое страданіе. За что тутъ благодарить; могла ли толпа въ самомъ дѣлѣ въ половинѣ XVIII вѣка желать свободы Contrat social, когда она теперь, черезъ вѣкъ послѣ Руссо, черезъ полвѣка послѣ горы нейтральна къ ней, когда она теперь въ тѣсной рамкѣ самого пошлаго гражданскаго быта здорова какъ рыба въ водѣ?

— Броженіе всей Европы плохо соединяется съ вашимъ воззрѣніемъ.

— Глубоко глухое броженіе, волнующее народы, происходитъ отъ голода, нелѣпый общественный порядокъ съ каждымъ шагомъ впередъ лишаетъ средствъ большее и большее число людей; ихъ крикъ ихъ возстаніе неотвратимы. Будь пролетарій побогаче, онъ и не подумалъ бы объ коммунизмѣ. Мѣщане сыты, ихъ собственность защищена, они и оставили свои попеченія о свободѣ, о независимости; напротивъ, они хотятъ сильной власти они улыбаются, когда имъ съ негодованіемъ говорятъ, что такой то журналъ схваченъ, что того то ведутъ въ тюрьму. Все это бѣситъ, сердитъ небольшую кучку эксцентрическихъ людей; другіе равнодушно идутъ мимо, они заняты, они торгуютъ, они семейные люди. Изъ этаго никакъ не слѣдуетъ, что мы не вправѣ требовать полнѣйшей независимости; но только не за что сердиться

на народъ, если онъ равнодушенъ къ нашимъ сферамъ.

— Оно такъ, но мнѣ кажется, вы слишкомъ держитесь за аривметику, тутъ не поголовный счетъ важенъ, а нравственная мощь, въ ней больше мужества, достоинства.

„Что касается до качественнаго преимущества, я его вполнѣ отдаю сильнымъ личностямъ. Для меня Аристотель представляетъ не только сосредоточенную силу своей эпохи, но еще гораздо больше. Людямъ надобно было двѣ тысячи лѣтъ понимать его на изнанку, чтобъ выразумѣть наконецъ смыслъ его словъ. Вы помните, Аристотель называетъ Анаксагора первымъ трезвымъ между пьяными Греками; а Аристотель іихъ послѣдній. Поставьте между ними Сократа у васъ полный комплектъ трезвыхъ до Бэкона. Трудно по такимъ исключеніямъ судить о массѣ.

— Наукой всегда занимались немногіе; на это таинственное поле выходятъ одни строгіе, исключительные умы, если вы въ массахъ не встрѣтите большой трезвости, то найдете вдохновенное опьяненіе, въ которомъ бездна сочувствія къ истинѣ. Массы не понимали Сенеки и Цицерона, а каково отозвались на призывъ двѣнадцати апостоловъ!

„Знаете ли, по моему, сколько ихъ не мало, а надобно признаться они сдѣлали совершеннѣйшее fiasco.

— Да, только окрестили пол-вселенной.

„Въ четыре столѣтія борьбы, въ шесть столѣтій совершеннаго варварства и послѣ этихъ усилій, продолжавшихся 1000 лѣтъ, міръ такъ окрестился, что отъ Апостольскаго ученія ничего не осталось; изъ освобождающаго Евангелія сдѣлали притѣсняющее католичество, изъ религіи любви и равенства — церковь крови, войны. Древній міръ истощивъ всѣ свои жизненныя силы, падалъ, Христіанство явилось на его одръ врачемъ и утѣшителемъ, но прилаживаясь къ больному, оно само заразилось, сдѣлалось римское, варварское, какое хотите, только не евангельское. Какова сила родовой жизни, массъ и обстоятельствъ! Люди думаютъ что достаточно доказать истину, какъ математическую теорему, чтобы ее приняли; что достаточно самому вѣрить, чтобы другіе повѣрили. Выходитъ совсѣмъ иное, одни говорятъ одно, а другіе слушаютъ ихъ и говорятъ другое, оттого что ихъ развитіе разныя. Что проповѣдывали первые христіане и что поняла толпа? Толпа поняла все непонятное, все нелѣпое и мистическое; все ясное и простое было ей не доступно, толпа приняла все связующее совѣсть и ничего освобождающее человѣка. Такъ впослѣдствіи толпа поняла революцію только кровавой расправой, гильотиной, местью; горькая историческая необходимость сдѣлалась торжественнымъ крикомъ, къ слову „братство“ приклеили слово „смерть“; Fraternité ou la mort сдѣлалось какимъ то la bourse ou la vie — террористовъ. Мы столько жили сами, столько видѣли, да столько за насъ жили наши пред-

чество, что наконецъ намъ непростительно увлекаться, думать, что достаточно возвѣстить римскому міру Евангеліе, чтобы сдѣлать изъ него димократическую и соціальную республику, какъ это думали красные Апостолы; или что достаточно въ два столбца напечатать иллюстрированное изданіе des droits de l'homme, чтобы человѣкъ сдѣлался свободнымъ.

— Скажите, пожалуйста, что вамъ за охота выставлять одну дурную сторону человѣческой природы? Вы начали разговоръ съ грознаго проклятія людямъ, а теперь защищаете ихъ. Вы меня сейчасъ обвиняли въ оптимизмѣ, а я вамъ могу возвратить обвиненіе. У меня никакой нѣтъ системы, никакого интереса кромѣ истины и я высказываю её какъ она мнѣ кажется. Я не считаю нужнымъ изъ учтивости къ человѣчеству, выдумывать ему всякія добродѣтели. Я ненавижу фразы, къ которымъ мы привыкли, какъ Христіанъ къ символу вѣры; какъ бы они ни были съ виду нравственны и хороши, онѣ связываютъ мысль, покоряютъ её. Мы принимаемъ ихъ безъ повѣрки и идемъ дальше, оставляя за собой эти ложные маяки и сбиваемся съ дороги. Мы до того привыкли къ нимъ, что теряемъ способность въ нихъ сомнѣваться, что совѣстимся касаться до такихъ святынь. Думали ли вы когда нибудь, что значатъ слова: «человѣкъ родится свободнымъ?» Я вамъ ихъ переведу, это значитъ: человѣкъ родился звѣремъ — не больше. Возьмите табунъ дикихъ лошадей, совершенная свобода и равное участіе въ правахъ, полнѣйшій коммунизмъ. За то развитіе не возможно. Рабство первой шагъ къ цивилизаціи. Для развитія надобно, чтобы однимъ было гораздо лучше, а другимъ гораздо хуже; тогда тѣ которымъ лучше, могутъ итти впередъ насчетъ остальныхъ. Природа для развитія ничего не жалѣетъ. Человѣкъ — звѣрь, съ необыкновенно-хорошимъ устроеннымъ мозгомъ, тутъ его мощь. Онъ не чувствуетъ въ себѣ ни ловкости тигра, ни львиной силы; у него не было, ни ихъ удивительныхъ мышцъ, ни такого развитія внѣшнихъ чувствъ, но въ немъ нашлось бездна хитрости, множество смиренныхъ качествъ, которыя съ естественнымъ побужденіемъ жить стадами; поставили его на начальную степень общественности. Незабывайте, что человѣкъ любитъ подчиняться, онъ ищетъ всегда къ чему нибудь прислониться, за что нибудь спрятаться, въ немъ нѣтъ самобытности хищнаго звѣря. Онъ росъ въ повиновеніи семейномъ, племенномъ; чѣмъ сложнѣе и круче связывался узелъ общественной жизни, тѣмъ въ большее рабство впадали люди; они были подавлены религіей, которая тѣснила ихъ, за ихъ трусость; старѣйшими, которые тѣснили ихъ, основываясь на привычкѣ. Ни одинъ звѣрь кромѣ породъ «развращенныхъ человѣковъ,» какъ называлъ домашнихъ звѣрей Байронъ, не вынесъ бы этихъ человѣческихъ отношеній. Волкъ ѣстъ овцу, потому что голоденъ и потому что она слабѣе его, но рабства отъ нея не требуетъ,

овца не покоряется ему, она протестует криком, бегом; человек вносит в дико-независимый и самобытный мир животных — элемент верноподданничества, элемент Калибана, на нем только и было возможно развитие Проспера; и тут опять та же беспощадная экономия природы, ее расчитанность средств, которая, если где перейдет, то наверное не дойдет где нибудь и вытянувши в непомерную вышину передние ноги и шею камелопарда, губит его задние ноги.
— Доктор, да вы страшный аристократ.
„Я натуралист и знаете еще что?... я не трус, я не боюсь ни узнавать истину, ни высказывать ее.
— Я не стану вам противуречить, впрочем в теории все говорят правду, насколько ее понимают, тут нет большого мужества.
„Вы думаете? Какой предрассудок!... помилуйте, на сто философов вы не найдете одного, который был бы откровенен; пусть бы ошибался нес бы нелепицу, но только с полной откровенностью. Одни обманывают других из нравственных целей, другие самих себя — для спокойствия. Много ли вы найдете людей как Спиноза, как Юм, идущих смело для всякого вывода? Все эти великие освободители ума человеческого, поступали также, как Лютер и Кальвин и может быть правы с практической точки зрения; они освобождали себя и других включительно, до какого нибудь рабства; до символических книг, до текста Св. Писания и находили в душе своей воздержность и умеренность не идти далее. По большей части последователи продолжают то строго идти в путях учителей; в числе их являются люди посмелей, которые догадываются что дело то не совсем так, но молчат из благочестия и лгут из уважения, предпор; точно как лгут адвокаты ежедневно говоря, что не смеют сомневаться в справедливости судей, зная очень хорошо, что они мошенники и не доверяя им нисколько. Эта учтивость совершенно рабская, но мы к ней привыкли. Знать истину не легко, но все же легче нежели высказывать ее, когда она не совпадает с общим мнением. Сколько конфузу, риторики, позолоты, околичнословия употребляли лучшие умы Бэкон, Гегель, чтобы не говорить просто, боясь тупого негодования или пошлого смеха. Оттого до такой степени трудно понимать науку, надобно отгадывать ложно высказанную истину. Теперь рассудите: у многих ли есть досуг и охота добиваться до внутренней мысли и копаться в гуще, которым наши учители прикрывают свое посильное понимание — отрывая стразы и крашенные стекла их науки.
— Это опять приближается к вашей аристократической мысли, что истина, для нескольких, а ложь для всех, что.....
„-Позвольте, вы во второй раз назвали меня

меньшинству, а при этомъ вспоминаю Робеспьеровское выраженіе. L'athéisme est aristocrate. Если бъ Робеспьеръ хотѣлъ только сказать, что атеизмъ возможенъ для немногихъ, такъ точно какъ дифференціальныя вычисленія, какъ физика, онъ былъ бы правъ, но онъ сказавши, атеизмъ аристократиченъ, заключалъ что атеизмъ ложь. Для меня это возмутительный эгалитаризмъ, это покореніе разума нелѣпому большинству голосовъ. Неумолимый логикъ революціи сознался и провозглашая демократическую неправду, нарочно решился не останавливаться, а указать предѣлъ своихъ силъ, указать межу, за которой и онъ не революціонеръ, а указать это во время переворота и движенія значитъ напомнить, что [illegible] миновало... И въ самомъ дѣлѣ, послѣ Fête de l'Etre Suprême, Робеспьеръ становится мраченъ, задумчивъ, безпокоенъ, его томитъ тоска, нѣтъ прежней отваги, нѣтъ того смѣлаго шага, которымъ онъ шелъ впередъ, которымъ ступалъ въ кровь и кровью не замаралъ; тогда онъ не зналъ своихъ границъ, будущее было безпредѣльно; теперь онъ увидалъ заборъ, онъ почувствовалъ, что ему приходится быть консерваторомъ и голова [illegible] Клоца, пожертвованная предразсудку, легла въ ногахъ его какъ цѣпка, черезъ нее нельзя было ему перешагнуть. Мы старше нашихъ старшихъ братій; не будемъ дѣтьми, не будемъ бояться ни были, ни логики, не станемъ отказываться отъ послѣдствій, они не въ нашей волѣ, не будемъ выдумывать Бога; если его нѣтъ, отъ этого его все же не будетъ. Я сказалъ что истина принадлежитъ меньшинству, развѣ вы этого не знали? отчего вамъ это показалось странно? оттого что я не прибавилъ къ этому никакой риторической фразы. Помилуйте, да я и не отвѣчаю ни за пользу, ни за вредъ этого факта, я говорю только о его существованіи. Я вижу въ настоящемъ и прошедшемъ знаніе, истину, нравственную силу, стремленіе къ независимости, любовь къ изящному — въ небольшой кучкѣ людей враждебныхъ, не симпатизирующихъ съ большинствомъ, потерянныхъ въ своей средѣ. Съ другой стороны я вижу тупое развитіе остальныхъ слоевъ общества, узкія понятія основанныя на преданіи, ограниченныя потребности, небольшія стремленія къ добру, небольшія поползновенія къ злу.

— Да сверхъ того необычайную вѣрность въ стремленіяхъ.

— Вы правы, общія симпатіи массъ почти всегда вѣрны, какъ инстинктъ животныхъ вѣренъ, и знаете отчего? оттого что жалкая самобытность отдѣльныхъ личностей стирается въ общемъ, что масса хороша только какъ безличная и развитіе самобытной личности составляетъ всю прелесть, отъ которой отрабатываются съ другой стороны все особенное, талантливое сильное.

— Вы правы до тѣхъ поръ, пока будетъ толпа, замѣтьте; что прошедшее и настоящее не имѣютъ ни причины заключать, что въ будущемъ не измѣнится его отношеніе; все идетъ къ тому, чтобъ разрушить дряхлыя основы общественности. Вы ясно поняли и рѣзко представляете раздоръ, убійство въ лични

и успокоиваться на этомъ; вы какъ докладчикъ уголовной палаты свидѣтельствуете о преступлении и отказываетесь то доказать, предоставляя судить палатѣ. Другие идутъ дальше, они хотятъ его снять; всѣ сильныя натуры меньшинства, о которыхъ вы говорите, постоянно стремились наполнить пропасть ихъ отдѣлявшую отъ массъ, имъ было противно думать, что это неизбѣжный роковой фактъ, у нихъ въ груди слишкомъ много было любви, чтобъ остаться въ своей исключительной выси. Они лучше хотѣли съ опрометчивостью самоотверженнаго порыва, погибнуть въ пропасти ихъ отдѣляющей отъ народа, нежели прогуливаться по ихъ краямъ, какъ вы. И эта связь ихъ съ массами не каприсъ, не риторика, а глубокое чувство сродства, сознание того что они сами вышли изъ массъ, что безъ этого хора не было бы и ихъ, что они представляютъ ея стремления, что они достигли того, до чего она достигаетъ.

„— Безъ сомнения великий распустившийся талантъ, какъ цвѣтокъ тысячью нитями связанъ съ растениемъ и никогда не былъ бы безъ стебля, а все таки онъ не стебель, не листъ, а цвѣтокъ, жизнь его, соединенная съ прочими частями, все же иная. Одно холодное утро — и цвѣтокъ гибнетъ, а стебель остается; въ цвѣткѣ, если хотите, цѣль растения и край его жизни, но всё же лепестки вѣнчика не цѣлое растение. Всякая эпоха выплескиваетъ, такъ сказать, дальнѣйшей волной, полнѣйшия, лучшия организации, если только онѣ нечѣмъ средства развиться, онѣ не только выходятъ изъ толпы; но и выше ея. Возьмите Гёте, онъ представляетъ цѣлостную, сосредоточенную, очищенную, сублимированную сущность Германии, онъ исполинъ выше, онъ не былъ бы безъ всей истории своего народа, но онъ такъ удалился отъ своихъ соотечественниковъ въ ту сферу, въ которую поднялся, что они не понимали его и что наконецъ онъ плохо ихъ понималъ; въ немъ собрались всѣ волновавшие душу протестантскаго мира и расплеснулось такъ, что онъ носился надъ погибающимъ миромъ какъ духъ божий надъ водами. Внизу массы, недоразумѣние, схоластика, удовлетворительство понять; въ немъ свѣтлое сознание и покойная мысль далеко опередившая современниковъ.

„— Гёте представляетъ во всемъ лучше вашу мысль: онъ отчуждается, онъ доволенъ своимъ величиемъ; и въ этомъ отношении онъ исключение. Таковы ли были Шиллеръ и Фихте, Руссо и Байронъ, и всѣ эти люди мучившиеся изъ того, чтобы привести къ одному уровню съ собою массу, толпу. Сила этихъ стремлений этихъ людей безпредѣльная, могучая, превозносившая иногда ихъ до гибели, иногда до плахи или до дома умалишенныхъ, — лучше нежели Гётевский покой.

„— Они много страдали, но не думаю, что они были безъ утѣшения. У нихъ было много любви, но сверхъ того было еще больше вѣры. Они вѣрили въ человѣчество такъ, какъ и прежде вѣрили въ свой разумъ, а иные въ будущее, упиваясь своимъ отчаяниемъ и эта вѣра врачевала страдания ихъ.

— Зачѣмъ же у васъ нѣтъ вѣры?

— Отвѣтомъ на этотъ вопросъ одинъ очень фило[illegible] мнѣ отвѣчалъ дамѣ, которая обращала его въ христіанскую вѣру: «какъ же я стану вѣрить?» Въ наше время можно или вѣ[illegible] или [illegible]. Вамъ кажется что спокойное сомнѣніе повидимому легко, а сколько силъ человѣкъ иногда тратитъ въ минуту боли, слабости, ... Откуда его возьмешь? Вы говорите лучше страдать и сомнѣваться, чѣмъ вѣровать, но развѣ религіозные люди страдаютъ въ самомъ дѣлѣ? Я вамъ разскажу случай, который былъ со мною въ Германіи. Призываютъ меня разъ въ гостинницу къ пріѣзжей дамѣ, у которой занемогли дѣти, я и пошелъ; дѣти въ страшной скарлатинѣ; медицина нынче не столько безсильна, что мы поняли, что мы не знаемъ ни одной болѣзни и почти ни одного лѣченія, это больше чѣмъ ремесло; вмѣсто знанія у насъ одинъ навыкъ, наощупь, примѣты. Видно было очень плохо. Я написалъ для успокоенія матери всякія невинныя вещи, далъ разныя приказанія, хлопотливыя, чтобъ её занять, а самъ сталъ вычислять какія силы найдетъ организмъ для противудѣйствія болѣзни. Старшій мальчикъ поутихъ. «Онъ кажется теперь спокойно заснулъ», сказала мнѣ мать; я ей показалъ пальцемъ, чтобъ она его не разбудила; ребенокъ отходилъ. Для меня было совершенно очевидно, что болѣзнь сильнѣе найдетъ у его сестры

мнѣ казалось что спасти её невозможно. Мать, женщина очень нервная, была въ безумiи и безпрестанно молилась — дѣвочка умерла. Первые дни человѣческая натура взяла своё, мать изнемогала въ горячкѣ, была сама на краю гроба, но мало по малу силы возвратились, она стала покойнѣе; только она мнѣ всё о Шведенборгѣ..... Увидавъ, она взяла меня за руку и сказала съ видомъ торжественнаго спокойствія: «Тяжело мнѣ было — какое страшное испытаніе!.. но я хорошо замѣтила, они возвратились чистыми, ни одной пылинки, ни одного тлетворнаго дыханія не коснулось ихъ.... имъ будетъ хорошо! Я для ихъ блага должна покориться.»

— Какая разница между этимъ фанатизмомъ и вѣрой человѣка въ людей, въ возможность лучшаго устройства, свободы! Это сомнѣніе, мысль, убѣжденіе, а не суевѣріе.

— Да это мысль, логика, отвлеченіе — и отъ того религія, не грубая религія des Jenseits, которая отдаетъ дѣтей въ пансіонъ на томъ свѣтѣ, а религія des Diesseits, религія науки, всеобщаго, родового, трансцендентальнаго разума, идеализма. Объясните мнѣ пожалуйста, отчего вѣрить въ Бога смѣшно, а вѣрить въ человѣчество не смѣшно; вѣрить въ царство небесное — глупо, а вѣрить въ земныя утопіи — умно? Отбросивши положительную религію, мы остались при всѣхъ религіозныхъ привычкахъ и, утративши рай на небѣ, вѣримъ въ пришествіе рая земного и хвастаемся этимъ. Вѣра въ будущее загробное дала столько силы мученикамъ первыхъ вѣковъ; но тогда такая же вѣра поддерживала

и мучениковъ революціи; тѣ и другіе гордо несли голову на плаху, потому что у нихъ была непреложная вѣра въ успѣхъ ихъ идей, въ торжество христіанства, въ торжество республики. Тѣ и другіе ошиблись — ни мученики не воскресли, ни республика не водворилась. Мы пришли послѣ нихъ увидѣли это. Я не отрицаю ни величія, ни пользы вѣры; это великое начало движенія, развитія, страсти, исторіи, но вѣра въ душѣ людской, или частный фактъ, или эпидемія. Натянуть ее нельзя особенно тому, кто допустилъ разборъ и недовѣрчивое сомнѣніе, кто пыталъ жизнь и задерживая дыханіе, съ любовью останавливался на всякихъ трупоразъятіяхъ, кто заглянулъ можетъ быть больше нежели нужно за кулисы, дѣло сдѣлано, повѣрить вновь нельзя. Можно ли наперекоръ меня увѣрить, что послѣ смерти духъ живъ у человѣка, когда такъ легко понять нелѣпость этого раздвоенія тѣла и духа; можно ли меня увѣрить, что завтра или черезъ годъ водворится соціальное братство, когда я вижу что народы понимаютъ братство, какъ Каинъ и Авель?

— Вамъ, докторъ, остается скромное a parte въ этой драмѣ, безплодная критика и праздность до окончанія дней.

— Быть можетъ, очень можетъ быть. Хотя я не называю праздностью внутреннюю работу, но тѣмъ не менѣе думаю, что вы вѣрно смотрите на мою судьбу. Помните ли вы римскихъ философовъ въ первые вѣка христіанства, ихъ положеніе имѣетъ много сходнаго съ нашимъ; у нихъ ускользнуло настоящее и будущее, съ прошедшимъ они были во враждѣ. Увѣренные въ томъ, что они яснѣе и лучше понимаютъ истину, они скорбно смотрѣли на разрушающійся міръ и на міръ водворяемый, они чувствовали себя правѣе обоихъ и слабѣе обоихъ. Кружокъ ихъ становился тѣснѣе и тѣснѣе, съ язычествомъ они ничего не имѣли общаго, кромѣ привычки, образа жизни. Натяжки Юліана Отступника его натяжки были также смѣшны, какъ реставраціи Людовика XVIII и Карла X; съ другой стороны христіанская традиція оскорбляла ихъ свѣтскую мудрость, они не могли принять ея языкъ, земля исчезала подъ ихъ ногами; участіе къ нимъ стыло; но они умѣли величаво и гордо дожидаться пока разгромомъ захватитъ кого нибудь изъ нихъ — умѣли умирать, не накупаясь на смерть и безъ притязанія спасти себя или міръ, они гибли хладнокровно, безъ участія къ себѣ; они умирали, пощаженные смертью, завертываясь въ свою тогу и молча досматривая что станется съ Римомъ, съ людьми. Одно благо оставалось этимъ иностранцамъ своего времени, была спокойная совѣсть, утѣшительное сознаніе, что они не испугались истины, что они понявъ ее, нашли довольно силы, чтобы остаться вѣрными ей, чтобы вынести ее.

— И только.

— Будто этого недовольно? Впрочемъ нѣтъ, я забылъ, у нихъ было еще одно благо — личныя отношенія, увѣренность въ томъ, что есть люди также понимающіе, сочувствующіе съ ними, увѣренность въ глубокой связи, которая независима

ни отъ какого событія; если при этомъ немного солнца; море вдали или горы, шумящая зелень, теплой климатъ,... чего же больше!

— По несчастію этого спокойнаго уголка въ теплѣ и въ тишинѣ вы не найдете во всей Европѣ.

— Я поѣду въ Америку.

— Тамъ очень скучно.

— Это правда........

Парижъ, 1е Марта 1849 г.

Старый міръ и Россія.

Письма Искандера къ редактору "The English Republic" В. Линтону.

(1854.)

Письмо первое.

Любезный Линтонъ!

«Какая, по мнѣнію Вашему, будущность Россіи?» спрашиваете Вы.

Всякій разъ когда мнѣ приходится отвѣчать на подобный вопросъ, я отвѣчаю тоже спрашивая: способна-ли Европа къ общественному возрожденію или нѣтъ? Вопросъ этотъ очень важенъ! Если-же народу русскому предстоитъ только одна будущность, то судьбамъ имперіи россійской предстоятъ двѣ будущности. Отъ Европы будетъ зависѣть которая изъ двухъ совершится.

«Мнѣ кажется, что роль теперешней Европы совершенно окончена; съ 1848 года разложеніе ея растетъ съ каждымъ шагомъ.

Слова эти ужасаютъ иныхъ, безотчетно оспариваютъ ихъ. Разумѣется, не народы погибнутъ — погибнутъ государства, погибнутъ учрежденія: римскія, христіанскія, феодальныя, парламентскія, монархическія или республиканскія, все равно.

Европа должна преобразоваться, разложиться, чтобъ войти въ новыя сочетанія. Подобнымъ образомъ имперія римская преобразовалась въ Европу христіанскую. Она потеряла свою самобытность,

вступила въ новый міръ, взошла въ него одною изъ дѣятельнѣйшихъ стихій.

До сихъ поръ въ Европѣ были только внѣшнія преобразованія; основанія же новаго порядка государствъ оставались несущественными; старое зданіе только поправляли. Такова была Реформа Лютера, такова была Революція 1789 года.

Мы дошли наконецъ до крайнихъ границъ передѣлокъ и заштукатуриваній; въ этихъ формахъ слишкомъ тѣсно; въ нихъ нельзя повернуться, опасаясь, что онѣ распадутся. Революціонная мысль сверхъ того несовмѣстна съ существующимъ порядкомъ вещей.

Государство съ римскими понятіями, основанными на поглощеніи личности обществомъ, на религіи случайной собственности, на привилегіяхъ и монополіяхъ, на нравственномъ дуализмѣ (даже въ революціонной формулѣ: «Богъ и народъ»), такое государство не можетъ ничего оставить потомству, кромѣ своего трупа т. е. своихъ химическіе элементы — освобожденные смертью.

Соціализмъ отрицаетъ все то, что политическая республика сохранила отъ стараго общества. Соціализмъ — религія человѣка, религія земная, безнебесная, общество безъ правленія, воплощеніе христіанства, осуществленіе революціи.

Христіанство преобразовало раба въ сына человѣческаго; Революція преобразовала отпущенника въ гражданина; Соціализмъ хочетъ изъ него сдѣлать человѣка (ибо городъ человѣкъ зависитъ отъ человѣка, а не человѣкъ отъ города).

Христіанство указываетъ человѣку на сына Божія, какъ на идеалъ; Соціализмъ объявляетъ сына совершеннолѣтнимъ, человѣкъ хочетъ быть болѣе чѣмъ сыномъ Божіимъ, онъ хочетъ быть самимъ собою.

Всѣ отношенія общества къ частнымъ лицамъ, и частныхъ лицъ между собой, должны быть совершенно измѣнены. И тутъ является вопросъ: будутъ ли имѣть народы германо-романскіе достаточно силъ, чтобъ подвергнуться этому переселенію душъ, и въ состояніи ли они подвергнуться ему теперь?

Мысль соціальной революціи — мысль Европейская; но изъ этого не слѣдуетъ, что западные народы — они, призваны осуществить ее.

Христіанство было только распято въ Іерусалимѣ.

Мысль соціальная равно можетъ быть будущимъ завѣщаніемъ предсмертной воли, предѣломъ западнаго міра, какъ и торжественнымъ выходомъ въ новое существованіе, пріобрѣтеніемъ совершеннолѣтія того.

Европа слишкомъ богата, чтобъ рисковать всѣмъ имуществомъ на одной картѣ; она желаетъ сохранить многое, ее жизненные классы слишкомъ отдѣлены отъ цивилизаціи, чтобы она здѣсь могла броситься всѣмъ тѣломъ въ такой коренной переворотъ.

Республиканцы и монархисты, деисты, іезуиты, горожане и крестьяне — все это консерваторы.

Даже придется исключить однихъ только работниковъ.

Работники могутъ отвратить отъ старого света большой позоръ и большія несчастія. Но опасный мигъ сей не переживетъ одного дня; положимъ, что съ нимъ водворится социализмъ и вопросъ будетъ окончательно решенъ.

Но и работники может быть непобедимы какъ это было въ іюньскіе дни. Противудействія будутъ еще свирепее, еще страшнее. Тогда разложеніе старого міра, придетъ инымъ путемъ, и социализмъ осуществиться въ другихъ странахъ.

Взгляните напримеръ на эти два огромныя равнины сходящіяся затылками, обогнувъ Европу. Зачемъ они такъ пространны, къ чему они готовятся, что означаетъ волнующая ихъ страсть къ деятельности и расширенію? Эти два міра противуположные одинъ другому, имеютъ у которыхъ есть своего рода сходство: Северо-Американскіе Соединенные Штаты и Россія.

Никто не сомневается, что Америка продолженіе европейскаго развитія и ничего более какъ его продолженіе. Лишенная всякой инициативы всякаго изобретенія, Америка готова принять эмигрантовъ отъ реакціи Европы, осуществить своего рода социализмъ, покамест не придетъ разрушить древнее зданіе за атлан-

тической океанъ и не покинетъ для этой своихъ богатыхъ полей.

Можно ли сказать тоже о славянскомъ міре? Что заключается этотъ немой міръ, прожившій въ постоянномъ и рабстве не раскрывая рта, целые рядъ столетій, со времени переселенія народовъ до нашихъ временъ?

Міръ странный не имеющій почти ничего общаго ни съ Европой, ни съ Азіей.

Европа занята крестовыми походами Славяне сидятъ спокойно дома.

Европа развиваетъ феодальную систему; строитъ большіе города, составляетъ законодательства основанныя на римскомъ праве, и на германскихъ обычаяхъ; Европа становится последовательно протестантской, либеральной, парламентской, революціонной. Славяне не имеютъ ни большихъ городовъ ни аристократическаго тиранства; они не понимаютъ римскаго права, не знаютъ различія между крестьяниномъ и горожаниномъ; они предпочитаютъ жизнь сельскую и сохраняютъ свои патріархальныя и демократическія установленія — свою сельскую общину и проч.

Часть этихъ народовъ еще не проснулись, они все въ ожиданіи чего-то, ихъ теперешнее statu quo какое-то предварительное состояніе; такъ покрайней мере кажется.

Нѣсколько разъ славянскіе народы пытались сложиться въ сильныя государства. Опыты эти по видимому удавались (какъ напримѣръ Сербіи при Душанѣ) и потомъ эти государства глохнутъ, останавливаются безъ всякой причины.

Распространенные отъ береговъ Волги до береговъ Эльбы, до Адріатическаго моря и Архипелага, Славяне никогда не соединялись во одно, для общей защиты: часть ихъ изнемогала подъ нѣмецкимъ игомъ, другая терпѣла владычество турокъ, третья была порабощена варварскими ордами на пагубныя нападенія; большая часть Россіи долгое время страдала подъ игомъ монгольскимъ.

Одна лишь Польша оставалась независима и сильна... но это потому, что она была менѣе славянскою чѣмъ прочіе племена; она была католическою. А католицизмъ совершенно противенъ славянскому генію. Славяне первые вступили въ вражду съ папизмомъ, и ихъ борьба съ тѣмъ вмѣстѣ имѣла въ себѣ характеръ глубоко-соціальный. (Табориты).

Завоеванная и покоренная католицизмомъ Богемія, смирилась.

Итакъ Польша сохранила свою независимость нарушеніемъ соплеменнаго единства и сближеніемъ своимъ съ Западными Государствами.

Остальные славяне, хотя и оставались независимы, но не занимались своимъ Государственнымъ устройствомъ; общественная жизнь ихъ была нѣчто въ родѣ колеблющагося, неопредѣленнаго, не установившагося анархизма (какъ бы выразились здѣшніе друзья порядка). Въ мірѣ можетъ быть нѣтъ положенія болѣе сообразнаго съ славянскимъ характеромъ, какъ положеніе Украины или Малороссіи, со времени Кіевскаго періода до Петра 1-го.

Это была казачья и землѣдѣльческая республика, управляемая военною дисциплиною, но на основаніяхъ демократическаго коммунизма: безъ средоточія, безъ правленія, повинуясь лишь древнимъ обычаямъ, не подчиняясь ни Царю Московскому, ни королю польскому. Аристократіи не было, всякій совершеннолѣтній человѣкъ былъ дѣятельнымъ гражданиномъ; всѣ должности, начиная отъ Десятника до Гетмана, были избирательныя. Республика эта существовала отъ XIII вѣка до XVII, не смотря на безпрестанныя вражды ея съ великороссіей, съ Поляками, съ Литовцами, турками и крымскими татарами. Въ Украинѣ, въ Черногоріи и даже у Сербовъ, Иллирійцевъ и Далматовъ — по всюду геній Славянскій заявилъ себя, свои стремленія, но не развилъ крѣпкой политической формы.

Однако надо было наконецъ пройти дрессировкой сильнаго государства; надо было соединиться, сосредоточиться, покинуть вольную казацкую и коммунальную жизнь, жизнь спустя рукава; бывши — словомъ проснуться отъ продолжительнаго общественнаго сна.

Около XIV столѣтія въ Россіи образуется средоточіе, около котораго тяготѣютъ и ассимилируются всѣ разнородныя части государства — это средоточіе Москва. Современники ея появленія какъ центра, она становится столицей всего славянскаго Православія.

Въ Москвѣ образовалось византійское и восточное самовластье царей. Москва уничтожила все независимое старой Руси, всѣ вольности народныя. Все было принесено въ жертву идеи государства; все приводится къ его одному знаменателю и — все склоняется. Народъ, низвергнувъ иго монгольское, продолжая кровавую вражду съ ливонцами, и видя вооруженіе Польши, — какъ будто чувствовалъ, что, для спасенія своей народности и своей будущности, слѣдовало отречься отъ вольныхъ правъ человѣческихъ.

Новгородъ — великая и вольная весь — былъ вѣчнымъ упрекомъ едва родившейся столицѣ царей. — Москва, съ кровавой жестокостью и безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, задушила своего противника.

Когда вся Россія была у ея ногъ, Москва столкнулась лицомъ къ лицу съ Варшавой.

Борьба двухъ новыхъ соперницъ была продолжительна, она окончилась въ другую эпоху. Нѣкоторое время Польша имѣла верхъ; Москва склонилась предъ ней, Владиславъ сынъ Сигизмунда царя Польскаго, былъ провозглашенъ царемъ всея Россіи. Домъ Рюрика и Владиміра Мономаха угасъ, не было никакого управленія, польскіе военачальники и гетманы казаковъ царили въ Москвѣ.

Тогда народъ, послушный воззванію Минина, возсталъ и принудилъ Польшу покинуть Москву и русскую землю.

Москва окончила свое дѣло — сплоченіе частей государства приостанавливается, не зная куда употребить ея собранныя и остававшіяся въ бездѣйствіи силы. Вождь нашелся имъ скоро. Тамъ гдѣ нужны силы, тамъ выходъ всегда есть.

Явился Петръ I-й и сдѣлалъ изъ государства Русскаго — государство Европейское.

Скорость, съ которою часть народонаселенія покорилась европейскимъ обычаямъ, отрекшись отъ своихъ старыхъ привычекъ, ясное доказательство того, что Московское государство никогда не было полнымъ выраженіемъ жизни народной, и что существованіе его было только временное. Одни крестьяне про-

тысячелетиями, когда перемены касались только их быта и страдательно уклонялись, не принимая преобразований Петра 1-го. Они остались верными хранителями народности нецивилизованной (по выражению Мишле) на коммунизме, т. е. на постоянном разделе полей по числу работающих, и на отсутствии личнаго обладания землею.

Как Северная Америка представляет собою последний вывод республиканских и философских идей Европы XVIII века, так и Петербургская Имперія развилась до чудовищной крайности (начала Монархизма и Европейской Бюрократіи) последовательно с консерватизмом Европы проникнуто Петербургом; и вот почему реакционеры обращают взоры свои к этому Риму самодержавия.

Какими огромными силами располагало петербургское правительство — показывает гигантское пространство этого государства. Средства его были так велики, что несмотря на время слабых и скверных правлений от Петра 1-го до Екатерины II. Россія материально разширилась с изумительной быстротой.

Поглощая и поглотивая все что встречалось на пути, Кавказские провинции и Крым, Бессарабию и Финляндию, с Арменией и Грузией; раздробив Польшу, сменяя одной Турецкой провинцией за другой —

Имперія Российская наконец нашла себе могущаго соперника в Французской Революціи, — поставленной к верху ногами, преобразованной из борьбы за свободу в военный деспотизм очень похожий на Петербургское самовластье. Россія вступила в бой с ним помешанным и победила его.

С этой минуты как Европа в Париже, в Вене, в Ахене и в Вероне признала, volens nolens гегемонію Императора Россійскаго — с этой минуты труд Петра был завершен, и Императорская власть снова получила то положение, в котором были цари Московские до Петра I, Александр I понимал это.

Императорская власть может еще продержаться, страшная и заставляя себя уважать всеми средствами, которые находятся в руках самовластія; но она не может ничего создать, ни чего либо новаго, опасаясь встретить на каждом шагу тот дух, который она боится вызвать.

Такой власти ничего не остается делать как вести войну внешнюю.

Николай однако постоянно воздерживался от войны.

Как бы это ни случилось, после двадцати пяти лет строгаго царствования, им вдруг овладевает безразсудная отвага, и он бросает свою рука-

лицу въ лицо Францiи и Китая, Англiи и Испанiи, Швецiи и пожалуй Австрiи... не говоря уже о Турцiи....

Говорятъ что онъ сошелъ съ ума?

Я думаю тоже напротивъ, онъ въ полномъ разумѣ.

Чтобъ начать войну онъ долженъ былъ быть совершенно увѣренъ въ жалкомъ состоянiи европейскихъ государствъ; онъ долженъ былъ питать къ нимъ безпредѣльное презрѣнiе... Николай, до 1848 года, дулся только на западныя державы но онъ не пригрозилъ имъ. Онъ трепеталъ узнавши о революцiи 1848 года, и успокоился лишь только по полученiи извѣстiя о кровавой диктатурѣ Каваньяка, по послѣ позицiи, оказанной имъ Австрiи вмѣшательствомъ въ венгерскiй вопросъ, и [illegible] такое спокойное терпѣнiе, какъ поступленiе Французовъ съ Римомъ, онъ лучше понялъ положенiе своихъ друзей противниковъ. Медленно и постепенно онъ вымѣривалъ глубину ихъ малодушiя, ихъ невѣжества — и тогда уже началъ войну — хотите биться объ закладъ, что онъ выйдетъ побѣдителемъ, если не вмѣшается въ нее неожиданное третье лицо? — общiй врагъ ихъ всѣхъ т.е. Революцiя.

«Въ такихъ случаяхъ намъ не до войны! лучше объявить себя не передъ побѣжденными, пожертвовать Турцiей, уступить Константинополь, чѣмъ вступить въ борьбу съ царемъ.—"

Такъ разсуждаютъ дипломаты, банкиры и всѣ думающiе что консерватизмъ состоитъ состоитъ въ томъ, чтобъ не потерять пяти франковой монеты находящейся въ ихъ рукахъ — и закрывающiе глаза чтобъ не видать предстоящiя имъ завтра опасности.....

Хорошо уступайте; не дѣлайте войны, но знайте также, что выборъ того стоитъ: или Революцiю! или Николая... Вы накликаете и Николая и Революцiю!

Объ этомъ говоримъ въ слѣдующемъ письмѣ.—

Лондонъ 2го Января 1854 года

Письмо второе.

Любезный Антонъ!

Формула европейской жизни сложнѣе формулы жизни древняго міра.

Когда образованность Греціи вышла изъ тѣсныхъ границъ муниципальныхъ республикъ, ея политическія формы быстро истощились - Греція обратилась въ Римскую провинцію.

Когда Римъ истратилъ основы своего устройства, и перемѣнилъ свои политическія учрежденія, то не находя болѣе средствъ для перерожденія, онъ распался и вошелъ въ различныя сочетанія съ варварскими народами.

Древнія государства были не зиждущія, а односторонніе.

Въ XV столѣтіи Европа пережила такой кризисъ, который для древнихъ республикъ былъ бы предвѣстникомъ неминуемой смерти. Совѣсть и разумъ возстали противъ основъ общественнаго зданія. Католицизмъ и феодальная система покачнулись. Борьба продолжалась три столѣтія...... мало по малу

подкапывая церковь и престолъ.

Европа была такъ близка къ смерти, что уже у границъ ея стали показываться варвары - эти вороны чующіе смерть народовъ.

Византію они уже захватили; и готовились напасть на Вѣну; восходящая луна Магомета за которой они неслись остановилась на берегахъ адріатическаго моря.

На сѣверѣ, шевелился другой варварскій народъ, народъ одѣтый въ бараньи шкуры и съ "глазами ящерицы." Степи Волги и Урала, во всѣ времена служившіе кочевьемъ бродячимъ народамъ; это было нѣчто въ родѣ многихъ сборища и движенія, officina gentium, гдѣ молча судьба собирала толпы дикарей, чтобъ въ свое время попрать ими вѣтшающія страны и покончить колеблющіяся цивилизаціи.

Тѣмъ не менѣе луна ислама не смѣла далѣе развалинъ Акрополиса. Азіатскіе варвары вмѣсто набѣговъ въ лицѣ одного изъ царей своихъ обращаются къ Европѣ, прося у нихъ науку и государственнаго строя.

Итакъ первая грозовая туча пронеслась надъ головами. Что же случилось?

Вѣчное переселеніе народовъ къ западу, остановленное на время у Атлантическаго океана, продолжилось; человѣчество нашло себѣ кормчаго Христо-

фор: Колумбъ — показалъ дорогу
Америка спасла Европу.

Европа встретила съ новымъ фазисомъ — недостававшимъ прежнимъ народамъ: фазисомъ развитія по сю сторону и развитія по ту сторону Океана.

Реформація и Революція измѣнили многое, оставили въ стѣнахъ церквей и монархическихъ палатъ, онѣ не могли совершенно разрушить древняго зданія, онѣ его поправили, къ куполамъ готическимъ и Византійскимъ прибавили..., кромѣ пошатнувшихся, но не разрушенныя они все таки существуютъ. И ни реформація, ни Революція не имѣютъ болѣе надъ ними никакой власти.

Будутъ ли люди называться реформаторами, лютеранинами, протестантами, квакерами — церковь всё таки существуетъ, т. е. свобода совѣсти все таки не существуетъ — и будетъ являться личнымъ протестомъ, дѣломъ индивидуальнаго возмущенія. Будетъ ли правленіе парламентское конституціонное, съ двумя палатами или съ одной, съ ограниченнымъ числомъ избирательныхъ голосовъ или всеобщимъ, — всенародный тронъ все таки существуетъ; и хотя цари безпрестанно низвергаются, — новые также на ихъ мѣсто являются другіе. Замѣните царя въ республикѣ, его замѣняютъ единственнымъ королемъ, которому предстоитъ натронъ и выше котораго стоятъ и банкиры и увеселительные замки Тюльери и Сен-Клу.

Національный христіанизмъ съ своей стороны борется съ церковью, не обращая вниманія на то, что онъ первый будетъ задавленъ ея сводами. Монархическій Республиканизмъ борется съ престоломъ, ломаетъ тронъ, а самъ хочетъ сѣсть на него по царски.

Духъ будущаго не тутъ, потому перемѣнилъ направленіе; оставивъ на второмъ планѣ ... Монтекки и Капулетти продолжать ихъ наслѣдственную вражду. Европа поднимается уже не противъ Священника, не противъ короля, не противъ дворянина, а противъ капиталиста, противъ хозяина, противъ капитализованнаго владѣльца — захватившаго въ свои руки орудія работы. Съ тѣхъ поръ революціонеромъ является уже не гугенотъ, не протестантъ, не либералъ — а работникъ.

Несть помолодѣвшая Европа еще разъ, останавливается у третьяго порога не смѣя перешагнуть оный. Она трепещетъ передъ словомъ Соціализмъ, написаннымъ на дверяхъ входа. Она думаетъ, что дверь эта должна быть отворена катилинами, и это правда. Дверь сама собой отворится — не хочетъ, она будетъ отворена катилинами... и катилинами у которыхъ столько друзей, что не ... ихъ всѣхъ предупредить и ... Цицерон ... и ... Цицерона съ своими ... своего подражателя Катилины!

Эту черту перейти гораздо труднѣе

чили прочія. Всѣ реформы пощадили половину стараго, покрыли его развалины новыми руинами; сердце не совсѣмъ разрывалось, учреждённое не терялось сразу; часть того, что мы любили, что было намъ дорого и свято съ самаго дѣтства, что мы привыкли уважать, и что перешло намъ преданіемъ, оставалось на утѣшеніе слабыхъ. Но тутъ отдать пришлось и остальное! Прощайте пѣсни кормилицы, прощайте воспоминанія отцовскаго крова, прощай привычка, власть которой сильнѣе власти генія, сказалъ Баконъ.

....Во время разгрома ничто не перейдетъ таможни! а будетъ ли достаточно терпѣнія у людей, чтобъ дождаться когда тучи разсѣятся?-

Мало по малу всѣ интересы, предубѣжденія, запутанности занимавшіе въ продолженіи цѣлаго вѣка умы европейскіе начинаютъ блѣднѣть становиться равнодушными, переходить въ вопросы подчинённые. Гдѣ пылкія слова, потрясавшія сердца и наполнявшія слезами глаза? Гдѣ Святыня знамена, которымъ бранилъ Крестъ заставившъ склоняться въ одномъ станѣ, а 89 годъ въ другомъ? Съ тѣхъ поръ какъ туманъ, покрывавшій февральскую революцію, разсѣялся, рѣзкая простота замѣнила путаницу, осталось только два интересныхъ вопроса:

Вопросъ соціальный,-

Вопросъ русскій.

Въ сущности, эти два вопроса составляютъ одинъ и тотъ же.

Вопросъ русскій, случайная сторона, отрицательный оттискъ, новое безпокойство варваровъ чующихъ предсмертіе стараго міра, его "memento mori" и они его помнятъ убѣждённые если онъ не имѣетъ силы самъ преобразоваться.

Дѣйствительно если соціализмъ не въ состояніи будетъ пересоздать распадающееся общество и довершить его судьбы — Россія довершитъ ихъ.

Я не говорю что это необходимо но это возможно.

Ничего нѣтъ необходимо нужнаго. Будущность не бываетъ неизмѣнна рѣшена впередъ; нельзя нужнаго предсказанія имѣть. Будущность въ нашемъ смыслѣ можетъ совершенно уничтожить не только восточный но и всѣ прочіе вопросы, за недостаткомъ спрашивающихъ. Будущность творится развитіемъ того, что у ней подъ рукой, и смотря по окружающимъ условіямъ; общія значенія измѣняются по обстоятельствамъ. Они рѣшаютъ какъ что будетъ, и колеблющаяся возможность становится тогда рѣшеннымъ.

Россія точно также можетъ обладать Европою до Атлантическаго Океана, какъ и быть съ своей стороны потѣснённой до Урала.

Въ первомъ случаѣ, Европа должна быть раздробленной.

Во второмъ Европа должна быть плотно соединена въ одно цѣлое.

Въ которомъ изъ этихъ положенiй она находится?

Царизмъ идетъ впередъ движимый чувствомъ самохраненiя, и тѣмъ инстинктомъ, который служитъ путеводителемъ перелетнымъ птицамъ въ ихъ полетѣ къ Черному или Средиземному морю.

На пути своемъ ему невозможно не придти въ столкновенiе съ Европой.

Глупо было бы воображать, что Императоръ Николай можетъ сопротивляться цѣлой Европѣ; это только въ томъ случаѣ возможно если бы Европа сама стала выдавать его изнутри и поднимала оружiе противъ самой себя! но оно такъ и есть.

Въ борьбѣ съ Россiей старый и безразличный консерватизмъ ослабитъ, заморитъ народное одушевленiе.

Европа раздѣлена на двѣ совершенно противуположныя партiи, ихъ взаимная ненависть гораздо сильнѣе ненависти Русскихъ и турокъ между собой, и этотъ [illegible] существуетъ во всякомъ государствѣ, во всякомъ городѣ, во всякомъ семействѣ. Какъ же можно считать единствомъ въ дѣйствiяхъ — до окончательной побѣды одного изъ спорящихъ? Войска [illegible] сражаются за границей когда они увѣрены

что дома есть не дремлющiй "Комитетъ общественнаго спасенiя". Онъ оставилъ войскамъ революцiи, ту удивительную энергiю которая существовала еще двадцать лѣтъ послѣ его смерти.

Ничего въ мiрѣ не можетъ болѣе ослабить силъ армiй, какъ пагубная идея что за ними остается измѣна. А кто же [illegible] поддержкою къ правительствамъ нынѣ существующимъ? Въ своемъ собственномъ стану люди порядка подозрѣваютъ другъ друга. Мы знаемъ вездѣ внизу и вверху — измѣнниковъ, продающихъ свою родину Николаю. Николая слушаютъ не только банкиры и журналисты, но генералы и первые министры, братья и вся родня государей. Цѣлого запаса великихъ княженъ, отъ [illegible] нѣмецкимъ князькамъ, съ тѣмъ чтобы они изъ лучшихъ своихъ дѣлали ему службу; а когда эти великiя княжны хвораютъ, Николай посылаетъ ихъ пользоваться лондонскими туманами, которыхъ цѣлебныя средства открыты имъ однимъ![1]

Да [illegible] совершенно русская "l'Assemblée Nationale" кажется печатается въ казармахъ или [illegible]. — Но если бы Императоръ Николай представилъ бы всѣмъ этимъ Шамборъ-Немуровъ сладостныхъ семейныхъ примиренiй, удовольствiямъ охоты въ Фрошдорфѣ и собственнымъ силамъ, давно бы бонапартизмъ сдѣлался не только русскимъ

[1] Передъ войной съ [illegible] великая княгиня Марiя Николаевна [illegible]

по татарскимъ.

Король Бельгійскій имѣетъ въ Брюсселѣ русское агентство; король Датскій — маленькую контору въ Копенгагенѣ; Адмиралтейство-[illegible] Адмиралтейство Великобританіи смиренно служитъ полиціею царя въ Портсмутѣ и какой нибудь самонадѣянный офицеръ презрительно топчетъ ногами актъ habeas corpus на палубѣ англійскаго судна. Король Неаполитанскій самъ корчитъ Николая, а Императоръ Австрійскій его Антиной, — его страстный обожатель.

Много толкуютъ о русскихъ агентахъ какъ о какихъ нибудь презрительныхъ шпіонахъ, которымъ дорого платятъ за сплетни, пока [illegible] русскаго царя наказанники [illegible] ихъ agnats и cognats, вся родня ихъ восходящихъ и нисходящихъ линій. Самый вѣрный реэстръ русскихъ шпіоновъ — Готскій Календарь.

Замѣтьте, что дѣйствительный [illegible] съ Россіей было немощно, покажетъ [illegible] не выйдетъ [illegible] дома.

Нечистая [illegible] соединяетъ Европу реакціонную съ царизмомъ; и [illegible] чуждого, по что будетъ верхъ ироніи.

Николай объявилъ войну Турціи сдѣлавъ [illegible] XIX-столѣтія.

Теперь вся блистательная порядка, все оружія, всѣ клеветы Николаю со вступленія кричатъ противъ него, и ни прини-

мали царя за полицейскаго солдата, и радовались страдать своихъ революціонеровъ 400000 русскихъ штыковъ; они думали, что онъ удовлетворится одной пассивною ролью стражника; они позабыли что [illegible] и какой нибудь Бонапартъ захотѣлъ довольствоваться должностью "пожарнаго сапера". ... Вѣдь какъ все было хорошо, ясные дни снова наставали; снова всѣ были покойны и довольны; массы раздавленныя войсками, съ христіанскою кротостью, умирали съ голода. Не было уже ни свободы слова, ни трибуны, ни.... ..Франціи! Папа сопровождаемый арміею вышедшими изъ Французской префектуры, снова раздавалъ направо и налѣво свое апостольское благословеніе. Дама, по окончаніи [illegible] драмы, [illegible] своихъ [illegible]. Настала всеобщая эра "любви и бракосочетаній". Бельгія соединилась съ Австріей въ лицѣ австрійской эрцгерцогини; молодой Императоръ Австрійскій вздыхалъ у ногъ своей невѣсты, Наполеонъ III, 45-лѣтній "Вертеръ" соединился по любовному капризу съ своей "Шарлоттой"!

Вдругъ среди всеобщаго спокойствія, всемірнаго благосостоянія, Императоръ Николай безъ тревогъ, начинаетъ религіозную войну, которая легко можетъ перенестись съ береговъ Чернаго моря на берега Рейна, и которая во всякомъ случаѣ повлечетъ за собой все то-что такъ боится контр-революція, — [illegible] собственности, контри-

сущій, насилія, и сверхъ того занятіе странъ непріятельскихъ, военныя судилища, разстрѣливанье и военныя контрибуціи.

Донозо Кортесъ, въ замѣчательной рѣчи своей, произнесенной въ Мадритѣ 1849 года, предсказывалъ вторженіе русскихъ въ Европу, и находилъ для цивилизаціи другаго якоря спасенія, какъ только въ единствѣ власти, т.е. въ неограниченномъ монархизмѣ подчиненномъ Католицизму. Первымъ условіемъ къ достиженію этой цѣли было по словамъ его соединеніе Католицизма съ Англіею.

Можетъ быть подобное единство чрезвычайно полезно бы Европѣ; да по несчастью оно невозможно; невозможно какъ и всѣ прочія, исключая только единства революціоннаго.

Если бы не было Революціи болѣе [illegible] Грековъ, чего проще какъ идти на Севастополь, объявить Одессу; Магометанское народонаселеніе Крыма, [illegible] бы враждебно туркамъ. Занявши эту позицію, объявить возстаніе Польши; дать свободу малороссійскимъ крестьянамъ, ненавидящимъ рабство. Что-же тогда сдѣлаетъ Николай съ своимъ православнымъ Богомъ?

Не видно и границъ [illegible] Австрія.

Но вѣдь и позади Польша — скажетъ Пруссія.

Если Польша освободится, что удержитъ Венгрію и Ломбардію! скажутъ они вмѣстѣ.

Путь лежитъ на Севастополь — [illegible] объявить войну только для виду,

войну которая окончится въ пользу Николая или Людовика Бонапарта, т.е. въ обоихъ случаяхъ въ пользу деспотизма и даже противъ консерватизма. Деспотизмъ вовсе не консервативенъ; даже и въ Россіи. На противъ, онъ все разрушаетъ и не создаетъ ничего прочнаго. Случается иногда, что народы въ дѣтствѣ, для скорѣйшаго развитія и устройства покоряются деспотизму и терпятъ его до совершеннолѣтія; но чаще ему подпадаютъ народы дряхлые.

Если военный деспотизмъ имперскій, или кавказскій, бонапартскій или казачій, окончательно овладѣетъ Европой, то онъ невольно будетъ вовлеченъ въ ожесточенную борьбу съ старымъ обществомъ, потому, что съ единовластіемъ его несовмѣстны ни политическія учрежденія, ни образованность пріобыкшая къ праву вольной рѣчи, ни наука основанная на разумѣ, ни даже промышленность становящаяся могущественной.

Деспотизмъ такъ какъ варварство грозитъ древней цивилизаціи который иногда служитъ явленіемъ неизбѣжнаго отчаянія.

Міръ европейскій въ той формѣ, въ которой онъ теперь существуетъ, оканчиваетъ свою карьеру; но намъ кажется что ему слѣдовало бы окончить ее торжественнѣе, если не безъ страданій и боли, то покрайней мѣрѣ безъ стыда и униженія. Консерваторы [illegible]

стари скупцы, богатая только наслѣдника; и отдаются отъ него. Ихъ въ ночное время задушатъ и ограбятъ воры и разбойники.

После бомбардированія Парижа, после заточенія, ссылки и казней безъ суда возставшихъ работниковъ, полагали что опасность миновала.

Но смерть — Протей. Ее выталкали какъ анима будущей жизни, она возвратилась скелетомъ прошедшаго; ее оттолкнули какъ Республику демократическую и соціальную, она возвращается Николаемъ царемъ русскимъ или Наполеономъ царемъ Французскимъ.

Тотъ или другой или оба вмѣстѣ, окончатъ борьбу. Но для того чтобы бороться надобно имѣть противника съ которымъ стоитъ вступать въ бой. Гдѣ же та приготовленная арена, то послѣдніе укрѣпленія за которыми бы цивилизація, могла вступить въ бой, и защищаться противъ притязаній деспотизма?

Въ Парижѣ? Нѣтъ.

Какъ Карлъ пятый, еще при жизни, отрекся отъ своей миродержавной короны, немного военной славы и нѣсколько полиціи достаточны для сохраненія порядка въ Парижѣ.

Мѣсто для турнира champclos въ Лондонѣ.

Пока свободная и гордая своими правами Англія существуетъ какъ теперь — до тѣхъ поръ ничего окончательнаго не сдѣлано въ пользу варварства и самовластія....

Россія и Австрія перестали ненавидѣть Парижъ съ 10 Декабря 1848 г. Парижъ потерялъ свой prestige, для королей, они его уже не боятся, вся ихъ ненависть обратилась на Англію. Они ее трусятъ они ее ненавидятъ и желали бы разграбить ее.

Въ Европѣ существуютъ государства реакціонныя, но не консервативныя. Англія одна консервативна, потому что ей есть что хранить — личную свободу.

Это одно слово соединяетъ въ себѣ все то, что преслѣдуютъ и ненавидятъ Бонапарты и Николаи. Вы думаете, что они, будучи повелителями и съ главн. арміи оставятъ въ покоѣ, въ столь близкомъ разстояніи отъ Парижа порабощеннаго — Лондонъ свободный? Лондонъ, гнѣздо пропаганды, гавань открытая всѣмъ спасающимся; Лондонъ въ который побѣгутъ толпами люди изъ опустошенныхъ и превращенныхъ въ пепелъ городовъ материка — унося съ собой науки и художества, промышленность и образованность.

Этого достаточно для войны.

Тогда то осуществится желаніе Наполеона I, перваго варвара повелителя времени! Какое большое несчастіе революціонная Европа можетъ обрушить

пассивная какъ она была въ Испаніи. Усво-енныи народамъ стиснулъ много было во-ли, чтобъ думать о внѣшней войнѣ.-

Лишились славы, и слѣпота ихъ про-исходитъ не отъ деспотизма, не отъ слабо-сти убѣжденій, - а просто отъ невольничества, отъ привычки ходить по торной дорогѣ; рутина сдѣлала ихъ неспособными пони-мать, что часомъ наново иногда прола-гать новый путь, а не все слѣдовать по истоптанному старому шоссе.

Тѣ которые имѣютъ глаза, не хотятъ смотрѣть, тѣ посвящены богамъ ада. Какъ ихъ спасти?

Глубокая и черная ночь покроетъ сво-имъ пологомъ трупъ разложенія.....

А потомъ!.... Послѣ ночи обыкновенно наступаетъ день!

Прольемъ слезу надъ старцемъ, но ос-тавимъ мертвымъ хоронить своихъ мертвыхъ и съ чувствомъ сожалѣнія и удивленія, накрывъ гробовымъ сава-номъ отходящее къ смерти, съ твер-достью произнесемъ старое воскли-цаніе:

Король умеръ! Да здравствуетъ Король!.....

Лондонъ 17 Февраля 1854 года.

Письмо третье.

Любезный Линтонъ.

Славянскій міръ гораздо моложе Евро-пейскаго.

Онъ моложе политически, точно такъ, какъ Австралія моложе его геологически. Онъ сложился гораздо позже, онъ еще не развил-ся, онъ еще міръ недавній, и едва только вступающій въ историческій потокъ.

Долгое отжитое существованіе ничего не значитъ. Дѣтство народовъ можетъ продолжаться нѣсколько тысячелѣтій, равно такъ и ихъ старость. Славянскіе народы служатъ примѣромъ первому, Азіятскіе второму.

Но какимъ можно отвергать идею, что теперешнее состояніе Славянъ, есть ихъ дѣтство, а не дряхлость, что это ихъ начало, а не неспособность къ развитію вообще? не имѣемъ ли мы предъ глазами примѣръ тому, что народы ис-чезаютъ, не оставляя по себѣ исторіи, да еще и такіе которые во все времена доказали, что они не совсѣмъ лише-ны способностей (Финны.)

Немного надобно вниманія къ судьбамъ Россіи, чтобъ понять въ такомъ-ли она положеніи. Страшное тяготѣніе ея на Европу не признакъ маразма или неспособности, напротивъ — признакъ ея полудикой силы, ея дурно направленной, но бодрой юности.

Говорятъ что русскій народъ неподвижно сидитъ въ своемъ углу въ то время, какъ почти иностранное для него правительство дѣйствуетъ отъ Петербурга что хочетъ. Нѣмецкіе писатели выводятъ изъ этого, что народъ русскій косный, азіатскій, не имѣетъ ничего общаго съ правительственной дѣятельностью, что это полудикое племя деспотически завоевано нѣмцами, которые ведутъ его куда хотятъ. Надобно отдать справедливость нѣмецкимъ побѣдамъ; это самыя величайшія и самыя безкровныя въ мірѣ. Нѣмцы, недовольствующіеся своимъ материнскимъ правомъ на Англію и Сѣверную Америку (Stammverwand!) они сверхъ того завоевали всю Россію, рыцарями Остзейскихъ губерній, Гольштейнъ-Готторпской фамиліей, тучами генераловъ, дипломатовъ, шпіоновъ, и другихъ сановниковъ нѣмецкаго происхожденія.

Дѣйствительно, правленіе Петербургское не національно. Но и цѣль реформы Петра I была денаціонализація Московской Руси. Пассивная опозиція — и своего рода неподвижность народа тоже — факты неоспоримые. Но съ другой стороны — русскій народъ невольно составляетъ живую и сильную основу правительства. Онъ образуетъ громный хоръ который въ свою очередь отпечатываетъ свой духъ на нѣмецкомъ (если такъ хотятъ) деспотизмѣ Петербургскаго правительства. Не любя его народъ все таки смотритъ на него какъ на представителя своего національнаго единства, своей силы.

Ничто въ Россіи не имѣетъ того характера застоя или смерти, который постоянно и утомительно встрѣчается въ неизмѣняемыхъ повтореніяхъ одного и того же, изъ рода въ родъ, у старыхъ народовъ Запада.

По неспособности народа къ какой-либо переходной формѣ, справедливо-ли заключать о всеобщей неспособности его къ развитію.

Славянскіе народы собственно не любятъ ни государства, ни централизаціи. Они любятъ жить въ разбросанныхъ общинахъ, удаляясь какъ можно больше отъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства. Они ненавидятъ военный строй, ненавидятъ полицію. Федерація была бы самая народная форма для Славянскихъ народовъ. Петербургскій періодъ тяжкій искусъ, — трудное воспитаніе въ государственную жизнь. Онъ наконецъ сдѣлалъ большую пользу Россіи, соединивъ части ея, и спаявъ ихъ въ одно цѣлое — но онъ долженъ

...писать.

Народъ русскій, народъ земледѣльческій. Изученіе быта собственниковъ въ Европѣ, причемъ не знали исключительно пользующимъ горожанамъ для крестьянъ революція только окончательно уничтожила крѣпостное состояніе и раздробила поземельную собственность. Раздѣлъ земель въ Россіи былъ бы смертельнымъ ударомъ общинному устройству.

Въ Россіи нѣтъ ничего оконченнаго, окаменѣлаго; все въ ней находится еще въ состояніи раствора, приготовленія. Гакстгаузенъ справедливо выразился, что въ Россіи всюду "недоконченность, рядомъ начало." Всюду чувствуется известь, слышишь пилу и топоръ..... и при всемъ этомъ мы остаемся покорными, и терпимъ дикое самодержавіе?.

..... Неужели должна Россія пройти всѣми фазами Европейскаго развитія, или ей слѣдуетъ пойти не иными законами?. Я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній. Мы пожалуй должны пройти трудными и скорбными испытаніями историческаго развитія нашихъ предшественниковъ, но такъ зародышъ проходитъ до рожденія, всѣ низшія ступени зоологическаго существованія. Оконченный трудъ, добытый результатъ, становятся общимъ достояніемъ всѣхъ понимающихъ — это круговая порука прогресса, майоратъ человѣчества.

Я знаю, что результатъ самый полный и непреложный, покрывающій міръ въ движеніи, разрушительный, какъ свойство отрицательнаго развитія.

Ученикъ исполняющій долженъ самъ рѣшать проблемы, но какая существенная разница между трудомъ Евклида, открывшаго ихъ, и трудомъ ученика нашего времени.

Россія продѣлала свою революціонную эмбріогенію въ "Европейскомъ классѣ." Дворянство совмѣстно съ правительствомъ представляютъ у насъ европейское государство въ славянскомъ. Мы прошли всѣ фазисы политическаго воспитанія, начиная отъ [illegible] и конституціонализма, отъ англійскаго конституціоннаго монархизма, до поклоненія 93 году. Подражаніе наше было только на аберраціи [illegible] которая [illegible] пробѣжитъ намъ путь [illegible] шагомъ и своей мыслью.

Народу русскому не нужно начинать снова этотъ тяжкій трудъ. Зачѣмъ ему проливать кровь свою для достиженія тѣхъ полурѣшеній, къ которымъ мы пришли, и которыхъ вся важность состоитъ въ томъ, что они ведутъ къ инымъ вопросамъ, до иныхъ стремленій.

Мы за народъ отбыли эту тяжелую работу, мы поплатились за нее висѣлицами, каторжною работою, казематами, ссылкою, раззореніемъ и [illegible]

ніи въ некоторой степени!

Въ Европѣ наподобіе средневѣковыхъ мученичъ, въ которыхъ и мы живемъ, изъ нихъ два послѣдствія несомнѣнны. Жизнь становится бременемъ и мученіемъ, бѣдствіемъ; надо прятать свои мысли, удерживать біеніе сердца... И среди этой мертвой тишины, вмѣсто уничтоженія спорщиковъ, мы увидимъ важность революціонной идеи и пробужденіе въ ней народа.

Наше домашнее и общественное воспитаніе имѣетъ вообще только универсальный характеръ, — воспитаніе менѣе революціонное чѣмъ на Западѣ, ибо менѣе политичное. Реформа Петра I, въ высшей степени реалистическая, свѣтская и вообще европейская, дала ему этотъ характеръ. Каѳедры теологіи учреждены были въ нашихъ университетахъ только со времени Александра I, и то въ послѣдніе годы его царствованія. Съ Николая начинается открытое гоненіе противъ всякаго обращенія въ другую вѣру, но я не думаю, чтобы его полицейское православіе пустило глубокіе корни, что же касается до изученія новыхъ языковъ, то это такъ вошло въ нравы, что невозможно искоренить. Само правительство многоязычно; оффиціальныя газеты печатаются по-русски, по-французски и по-нѣмецки. Наше воспитаніе не имѣетъ ничего общаго съ тою средою, для которой человѣкъ назначенъ, и это превосходно. Образованіе у насъ, отнимаетъ молодого человѣка отъ бездушной почвы, оно его гуманизируетъ, и необходимо ставитъ его въ оппозицію къ оффиціальной Россіи. Сынъ отца много страдающ-

и отцами страданіями заглаживаютъ ошибки и преступленія отцевъ своихъ — и въ нихъ же находятся зародыши переворота. Но самый тяжелый временно расплаты проходитъ; развитое меньшинство встрѣчается съ народомъ, тогда когда оно вовсе этого не ожидало.

Съ удивленіемъ слушали у насъ наши разсказы о русской общинѣ, раздѣлѣ полей, мірскихъ сходкахъ, объ работничьихъ артеляхъ, объ избранныхъ старостахъ. Многіе думали, что все это мечты, соціалистическій бредъ.

Государство и свободная личность — власть и свобода, коммунизмъ и эгоизмъ (въ обширномъ смыслѣ слова) — вотъ геркулесовы столбы великой борьбы, великой революціонной эпопеи.

Европа даетъ рѣшеніе изуродованное и отвлеченное.

Россія — изуродованное и дикое.

Революція соединитъ ихъ.

Будущее никогда не формулируется, а получаетъ правду своего осуществленія.

Народы Англо-саксонскіе освободили личность отрицая общественный круговой поруки, — обособляя человѣка. Русскій народъ сохранилъ общинное устройство, отрицая личность, поглощая человѣка.

Развитіе личнаго права для человѣка должно существующаго привести въ броженіе массу силъ дремлющихъ въ бездѣйствіи общинно патріархальнаго порядка. Личное начало входитъ въ русскую жизнь инымъ путемъ, оно осуществилось въ лицѣ революціоннаго царя отрицающаго традиціи и національность разрушающаго

единство народное внутреннимъ разцвѣтомъ.

Русская имперія твореніе XVIII вѣка; все, что было начато въ это время носитъ въ себѣ зародышъ революціонный.

Холостой дворецъ Фридриха II и замѣчательный домъ, служившій дворцомъ отцу его, вовсе не были такъ монархичны, какъ Эскуріалъ и Тюильри. Въ новыхъ государствахъ вездѣ этихъ рѣзкостей, ухищреній; въ нихъ вообще все сухо, просто, положительно, раціонально; а это именно убиваетъ религіозный и монархическій духъ. То же самое и въ Россіи.

Петръ I круто отбросилъ традиціи византійско-московскія. Онъ предпочиталъ власть просвѣщенную; онъ дѣйствовалъ вопреки отеческимъ монархическимъ и не навѣялъ тѣхъ стремленій необходимыхъ для монархіи.

Россія управляется министрами, архиереями, писарями и чиновниками. Сенатъ, Государственный Совѣтъ и Министерства просто канцеляріи, въ которыхъ дѣла не разбираются, а только переписываются.

Администрація представляетъ собою телеграфическіе знаки, которыми одно лицо заявляетъ изъ Зимняго дворца свою волю.

Такую искусственную и автоматическую организацію легче потрясти и даже разрушить, нежели уничтожить основанія.

Въ монархіи, если государь убитъ, монархія остается.

У насъ останется деспотическая машина, бюрократическій порядокъ, лишь бы телеграфъ дѣйствовалъ, кто бы ни управлялъ повинующимися ему рукъ.

Можно завтра посадить на мѣсто Николая Орлова или кого-нибудь другого, и отъ этого не произойдетъ никакого волненія; эта машина будетъ исполнять съ тою же точностью, машина будетъ продолжать свою игру, переписывать, подписывать, сообщать, отвѣчать, министры будутъ краснѣть и показывать свое вѣрноподданническое рвеніе.

Императрицу Екатерину II угнетало самодержавіе, безпредѣльная покорность исполнителей и рабовъ, до того безсмысленныхъ, что ихъ покорность переживала жизнь приказывающаго. Она старалась внушить дворянству больше независимыхъ понятій, желая окружить себя людьми, добровольно преданными ей, на которыхъ она могла бы надѣяться. Молчаніе писарей и исполнителей страшило супругу Петра III. Она помнила, какъ усердный Сенатъ Ирины молча задушилъ своего государя, какъ писаря писали "Его Высочество Иванъ Антоновичъ", и никто не смѣлъ, боясь казни, не признать ее Императрицей и спросить, какъ умеръ Петръ III.

Попытки ея новыхъ учрежденій дѣйствительно были замѣчательны. Никто серьезно не отнесся къ нихъ эксцентрическій характеръ, въ нихъ было странное соединеніе демократизма и аристократизма, деспотизма и представительства, Ивана Грознаго и Монтескье.

Всѣ эти учрежденія носятъ двойную печать петровскаго періода и накопившихся національныхъ стремленій, усовершенствованныхъ развивающейся идеей западной гражданственности.

Судьи выбираются, и выбираются на неопредѣленное время; они принадлежатъ дворянству, мѣщанству и крестьянамъ; судебнаго сословія вовсе нѣтъ. Имѣющій право участвовать въ выборахъ, можетъ быть избранъ и судьею. Отсутствіе судебнаго сословія — фактъ замѣчательный. Считать ли его у насъ меньшимъ или ещё какимъ врагомъ? Другаго черноклассника, [illegible] священника, тайнаго [illegible] закона человѣческаго, имѣющаго монополь судить, приговаривать, [illegible] scripta — у насъ нѣтъ. Конечно смѣшно видѣть отставнаго кавалерійскаго офицера выбраннымъ въ судьи, непонимающаго ни законовъ, ни процедуры; но съ другой стороны печально предполагать вѣчную неспособность разобрать дѣло, исключая касты знатоковъ, посвященныхъ [illegible] albos. Если выбранные судьи нехороши теперь и что для избирателей [illegible] знать что дѣлаютъ. [illegible] пріютомъ несовершенства безъ ученія; законы такъ сложны, что надобно много особенныхъ знаній, чтобы не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ... Это справедливо, — но изъ этого не слѣдуетъ, что съ самаго начала нужно приготовлять спеціальный классъ для пониманія законовъ, а напротивъ, то, что слѣдуетъ бросить

всѣ эти запутанные законы въ огонь. [illegible] простая формальность, судебныя [illegible], всякая поэзія адвокатовъ, всѣ finitimi юриспруденціи только запутываютъ вопросы.

Впрочемъ, суды первыхъ инстанцій составлены изъ членовъ, выбранныхъ дворянствомъ, [illegible] и крестьянами. Два кандидата выбираются дворянствомъ для должности предсѣдателя уголовной палаты; правительство назначаетъ одного изъ нихъ, и со своей стороны назначаетъ прокурора, имѣющаго право останавливать всякое рѣшеніе и переносить его въ Сенатъ.

Если вы вспомните, что прокуроръ принадлежитъ также дворянству, то вы легко увидите, что участіе выборнаго члена изъ крестьянъ [illegible] въ случаяхъ разногласія. [illegible] право протестовать и отсылать дѣло на разсмотрѣніе въ Сенатъ. Но это случается очень рѣдко, по очевидной причинѣ: Сенатъ не имѣющій никакого [illegible] ни народнаго ни избирательнаго всегда заодно съ дворянствомъ и съ правительствомъ. Итакъ, [illegible] говоримъ, споримъ а не [illegible], но обращаемъ Ваше вниманіе на возможное развитіе [illegible], а не на современное положеніе.

Десять лѣтъ тому назадъ въ Московской губерніи былъ избранъ головою [illegible]

и строений. Обязанность городского главы состоит в надзоре за городскими суммами, он распоряжается городскими приходами и расходами. Обыкновенно на эти места выбирают какого-нибудь миллионера, любящего высказываться в официальных празднествах, давать чудовищные обеды и балы, подписывающего все что угодно правительству и чего хочет начальство. Московский городской глава Шестов иначе понял обязанность, на него возложенную; он открыл кражи официальных воров, обер-полицеймейстер объявил ему сначала глухую войну. Глава принял вызов и битва кончилась падением обер-полицеймейстера.

Участь дворянства больше администрации чем аристократии. Ведь графский и княжеский титулы, древность имени, и мишура отличий, не дают никаких особенных привилегий, связанных исключительно с ними. Есть, говорят, что если два поколения дворян не служили, то правительство лишает их дворянства. Учреждения дворянские были дворянские собрания [illegible] и отношения к правительству. Избирательные права, вне сомнения, принадлежат дворянству, и дворянство всякой губернии организовано в собрания, и правительство предписывает собираться в назначенные сроки.

Если бы на русском престоле был

действительно энергический человек, то с главным движением освобождения крестьян; он покрыл бы величайшей славой конец петербургского периода, он бы дал направление нынешнему событию. Но для этого нужен Петр I, а не Николай. +

Позвольте мне объяснить эту мысль. Не один абсолютизм препятствует прогрессу в России. Петербургский деспотизм сохранил как я вам уже сказал, свою диктаторскую форму, форму революционную, лишенную традиций и начал; это орудие, могущее служить всяким целям. Но с того пор как русское правительство с 26 декабря 1825 года приняло свой настоящий характер, оно стало неспособно к чему-либо полезному. Николай понял вполне и действовал с чрезвычайной ловкостью. Он хотел больше быть царем, чем императором — понял. Славянский дух, он отвергнул цели и принялся преследовать всякое стремление к свободе, уничтожение всякой тени прогресса и остановки самого необходимого развития. Он хотел из своей Империи создать вторую Византию, со всем его народом и православием, [illegible] как Петербургский климат. Николай понял только китайскую сторону вопроса. Эта система невозможна в нашем [illegible]

національнаго, — не сдѣлавшись русскимъ, онъ перестал быть европейскимъ.

Въ свое долгое царствованіе онъ послѣдовательно коснулся почти всѣхъ учрежденій, вводя всюду элементъ паралича, смерти.

Дворянство не могло оставаться замкнутой кастой, по легкости съ которой получались дворянскія грамоты.

Николай поставилъ препятствія соединяя достоинство потомственнаго дворянина съ чиномъ маіора — въ военной службѣ — и статскаго Совѣтника — въ гражданской.

До Николая всякій дворянинъ былъ избирателемъ; онъ учредилъ избирательный цензъ.

Онъ сталъ назначать становыхъ отъ правительства, подъ начальствомъ исправника выбраннаго дворянствомъ.

Онъ ввелъ смертную казнь за преступленія политическія и отцеубійства.

Уголовные законы не признавали [illegible] наказанія ~~которымъ~~ Николай ввелъ его.

Терпимость вѣроисповѣданій составляла одно изъ основаній Имперіи созданной Петромъ I; Николай издалъ свирѣпые законы противъ лицъ перемѣнившихъ религію.

Дворянская грамота предоставляла право, дворянамъ жить гдѣ они хотятъ

и вступать въ службу иностранныхъ государствъ. Николай ограничилъ право перемѣны мѣста и время путешествій. — Онъ учредилъ конфискацію, не употреблявшуюся его предшественниками.

Петръ III уничтожилъ тайную канцелярію, родъ свѣтской инквизиціи; Николай возстановилъ ее, учреждая цѣлый корпусъ вооруженныхъ и невооруженныхъ шпіоновъ, которыхъ далъ на выучку Бенкендорфу а впослѣдствіи поручилъ другу своему Орлову.

Всѣми этими средствами Николай затормозилъ движеніе, подкладывая камешки подо всѣ колеса, и теперь негодуютъ на то, что ничего не идетъ. Онъ вотъ отнынѣ стало хочетъ что нибудь сдѣлать старается изо всѣхъ силъ ...... можетъ колеса разлетятся и кучеръ свернетъ себѣ шею.

Но можетъ ли онъ будетъ имѣть вѣру въ борьбѣ съ старымъ бытомъ, усталымъ, разъединеннымъ, задавленнымъ.

Я вамъ сказалъ любезный Линтонъ, въ первомъ письмѣ моемъ, что если народу русскому предстоитъ одна только будущность — то судьбамъ россійской имперіи предстоятъ дни.

Я вполнѣ убѣжденъ, что русскій имперіализмъ ослабнулъ бы и разломился въ короткое время передъ Европой свободной и соединенной (насколько то позволяютъ ея національныя различія). Петербургское самодержавіе не дожидаетъ, не

начало, — а только сила; для него необходимо всегда что нибудь делать. Полицейския ухищрения всякими мерами не могутъ защитить всего, — другихъ деятельностей у него нетъ или она пугаетъ его.

Для него были бы только два исхода при свободной Европе; — переделаться въ демократическое и социальное самовластье, что конечно несовершенно невозможно, но что совершенно изменитъ его характеръ; — или [замкнуться], заснуть и окаменеть въ Петербурге, — теряя ежедневно свое влияние, силу, prestige, и наконецъ дождаться смертельнаго возмущения крестьянъ или бунта солдатъ.

Когда къ двенадцати миллионамъ рабовъ, присоединятся казаки, глубоко обиженные потерею своихъ правъ и вольностей, — раскольники, которыхъ число и моральная сила очень значительны и ненависть къ правительству непримиримая, да сверхъ того часть дворянства!..... будетъ о чемъ подумать тогда жителямъ Зимняго дворца.

Не былъ ли Пугачевъ полнымъ властителемъ четырехъ губерний въ продолжение несколькихъ месяцевъ? Правда и то, что теперь уже не такия приняты военныя меры, какъ въ 1770 году.

Однако я очень хорошо помню возстание военныхъ поселений въ Старой Руссе въ 1831 году, въ 150 верстахъ отъ Петербурга и въ 450 отъ Москвы, и [illegible] столько распоряжено [illegible]! Инсургенты прервали всякое сообщение между столицами, изгнали всехъ, казнили всехъ офицеровъ учредили какое то правление, составленное изъ полковыхъ писарей.

Русский солдатъ не привыкъ убивать Русскихъ. (1) Какъ то, во время случившагося бунта крестьянъ, при введении новаго министерства государственныхъ Имуществъ, былъ посланъ туда полкъ, чтобъ разогнать народъ. Народъ не расходился, и продолжалъ просить чего то. Генералъ видя, что увещания его не действуютъ приказалъ солдатамъ зарядить ружья и прицелиться — народъ не двинулся съ места; тогда — Генералъ приказалъ открыть пальбу; полковникъ скомандовалъ: Пли!...... не раздалось ни одного выстрела. Генералъ удивленный, ошеломленный, грозно повторилъ команду. Солдаты опустили ружья къ ногамъ, и стояли неподвижно. Генералъ, [illegible], просилъ полковника и офицеровъ хранить это втайне. Подобное можетъ повториться... къ тому же въ революционномъ воздухе есть какое то электричество, обезсиливающее старыя власти; такъ какъ атмосфера Европейской реакции

(1) Подобный случай былъ въ Петербурге во время холернаго мятежа; Корфъ въ своей книге говоритъ объ Артиллеристахъ которые 14 Декабря не хотели стрелять.

укрѣпляетъ и вынесетъ безотвѣтной царскую власть.

Монархическая и консервативная военная Европа, нехочетъ и немогла бы иметь серьезной войны съ царемъ. Царь, съ своей стороны не можетъ воздержаться отъ войны съ Европой, развѣ она ему подаритъ Константинополь.

Константинополь? Да, Константинополь. Онъ ему необходимъ для того, чтобы усилить средоточіе православной церкви, наконецъ онъ ему необходимъ инстинктивно, потому что несмотря на все, Николай орудіе судьбы. Онъ безсознательно приводитъ въ исполненіе внутренніе виды исторіи, и скорымъ шагомъ съ закрытыми глазами, не видя пропасти идетъ къ ихъ совершенію.

Время славянскаго міра настало. Чернорабочій, общинный человѣкъ, тревожно раскрываетъ глаза, соціализмъ? Гдѣ водрузитъ онъ свое знамя? Около какого центра соберется онъ?

Это средоточіе не Вѣна, городъ римско-нѣмецкій, ни Петербургъ городъ новонѣмецкій, ни Варшава, городъ католическій, ни Москва, городъ исключительно русскій. Настоящая столица Соединенныхъ славянъ? Константинополь — Римъ Восточной церкви, центръ тяготѣнія всѣхъ славяно-грековъ, Византія, окруженная Славяно-Эллинскимъ населеніемъ.

Германо-латинскія племена продолжали Имперію западную, незнаю суждено ли Славянамъ продолжить Имперію Восточную? — Но во всякомъ случаѣ не Петербургъ завоюетъ

Константинополь, а скорѣе Константинополь замѣнитъ Петербургъ.

Петербургъ былъ бы такою же нелѣпостью въ Имперіи владѣющей Константинополемъ, какъ какой нибудь Гольштейнъ-Готторпъ прикинувшійся порфирогенетомъ или палеологомъ! —

Добрымъ нѣмецкимъ вестфальцамъ, тѣмъ, много дѣла на старой родинѣ.

Развѣ вы не слышите какъ за вашей дверью казакъ перешептывается съ другими нѣмецкими пріятелями которые вашъ языкъ знаютъ, и готовы служить ему проводниками въ Европу?

Послѣ 1849 года, мы предсказывали, что: Домы Габсбургскій и Гогенцоллернскій приведутъ еще русскихъ въ сердце западнаго міра.

Для Царя война, это выступленіе изъ береговъ отъ избытка клокочущихъ силъ, это лучшее средство отдалить на время всѣ внутренніе вопросы, и утолить дикую жажду битвы и увлеченія.

Для Европы всякая война — несчастіе. Европа уже не въ тѣхъ лѣтахъ чтобъ вести войну поэтическую. Ей предстоитъ рѣшеніе другихъ вопросовъ, поддержаніе другой борьбы, но она сама накупается на нее.

Завоевательной войнѣ несовмѣстна и цивилизаціей и промышленнымъ развитіемъ Европы, солдатскій деспотизмъ немыслимъ въ ней, а однако весь материкъ предпочелъ цезаризмъ свободѣ!

Самовластье, цезаризмъ, поглощеніе всей правленіе военное, преобладаніе матерiальной силы, а потому и лишь Статскихъ бонапартовъ нѣтъ, годные сынъ бездомна-генералъ-лейтенантъ.

Можетъ быть среди пушекъ, битвы, пожара, стремительные народы проснутся, и увидятъ, протирая глаза, что все эти сновидѣнія, страшныя уродливыя вещи, не что иное какъ видѣнія, какъ бредъ горячки... Бонапарты, Николай, мантія отчеканенные, мантія обшитая [illegible] кровью, императоръ [illegible], императоръ-[illegible] — все это не существуетъ — призраки, и народы, увидя какъ солнце высоко, удивятся своему долгому сну. Можетъ быть... Во всякомъ случаѣ война эта — l'introduzione marziale міра славянскаго во всеобщую исторію и съ тѣмъ вмѣстѣ una marcia funebre стараго свѣта.

Прощайте. Дружески кланяюсь Вамъ.

Лондонъ 20 Февраля 1854 года.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

МОГИЗ
БУКБАЗА
20 р.
20 р.
20 —
М-9-52
№ 48